

ЮЛИЯ ШОЛОХ

ЧЁРНЫЙ СЕКТОР

Юлия Шолох
Чёрный сектор. Книга 1
Серия «Чёрный сектор», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65279392
Чёрный сектор: 1С-Публишинг; Москва; 2021*

Аннотация

Из-за глупой случайности на необитаемую планету попадают студенты элитной академии и лучшие военные курсанты. Им предстоит выживать в месте, о котором они ничего не знают. Они верят, что рано или поздно им прилетят на помощь. Нужно просто продержаться до этого времени.

На первый взгляд, в округе нет опасностей, бояться нечего. Или стоит бояться друг друга? Как понять, кто есть кто и на что способен?

Героиню не так просто напугать сложностями. Выжить можно. Особенно, если держаться вместе и помогать друг другу. Жаль, остальные думают иначе.

Но что делать, если в самое неподходящее время влюбляешься?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Стресс-тест	9
Глава 2. Приземление	45
Глава 3. Зажигалка	74
Глава 4. Рыбалка	114
Глава 5. Подарок	153
Глава 6. Ночевка в Лужах	187
Глава 7. Одиночество	229
Глава 8. Секреты	258
Глава 9. Чужой лагерь	287
Глава 10. Саблезуб	317
Глава 11. Личинка	354
Эпилог	381

Юлия Шолох

Чёрный сектор. Книга 1

Пролог

Кира открыла глаза и уставилась в потолок. Белый. Пустой. Только скользят еле заметные огни от машин с далёкой автострады.

Опять проснулась. И вроде причины нет – кошмары не снились. Приятного тоже ничего не было: пустой сон, как яма. И вроде устала, целый день пролетел за работой, даже не всё запланированное успела сделать. И уснула, стоило упасть головой на подушку. Но вот те на: снова проснулась.

Кира повернула голову. На соседней кровати крепко спала Вафля. Комнаты в общежитии АМКи (Академии межпланетных корпораций) были рассчитаны на троих человек, но Кира проживала с Вафлей вдвоём. Слишком малым был набор. Вернее, малым был набор тех, кто живёт в общежитиях, потому что большинство учащихся были детьми корпоративных кланов и, соответственно, проживали в корпоративных апартаментах.

Кира уставилась в потолок и задумалась. Что не так? Ей что-то не даёт покоя, это очевидно, иначе она спала бы, как сурок. Но нет же, сон улетучился и теперь ни туда, ни сю-

да! Если лежать и терпеливо ждать, когда снова заснёшь, это произойдёт лишь на рассвете, там уже и подъём не за горами. И будешь весь день ползать уставшая, словно сонная муха. А если встать и заняться чем-нибудь, то Вафлю разбудишь. Её тоже жалко – она не виновата, что у соседки бессонница.

Валерьянки бы принять, да закончилась. Просто невезуха какая-то.

Кира терпеливо пялилась в потолок. Причина. В чём причина? Отчего сон сбежал? Неужели что-то произошло – что-то, оставшееся без внимания, но засевшее в подсознании? Да-да, такое бывает, только на прошлой неделе на лекции по психологии рассказывали. Бывает!

Но что?

Пришлось терпеливо вспоминать прошедший день. Утром, как обычно, проснулись, выпили чаю с бутербродами, потому что в столовую лень тащиться – там на завтрак всё равно только каша. Та самая, жутко полезная, витаминизированная, ароматизированная, но совершенно несъедобная.

Выпили чаю и отправились на занятия.

Студенческий мир наполнился слухами. Купили новую гоночную космояхту Ахлейну Баргину, сыну какого-то загадочного шейха, проживающего на тщательно охраняемых тропических островах. Сам Ахлейн, однако, имел совершенно славянскую внешность и говорил по-русски чисто, без акцента. Поговаривали, его мать стала то ли пятой, то ли пя-

тидесятой женой, но в браке прожила всего полгода, а после сбежала и вернулась домой, в Россию. И сына воспитывала сама. Однако по непонятной причине из всех своих многочисленных детей шейх безумно любил именно Ахлейна, то и дело осыпая отпрыска царскими подарками. Ничего принципиально нового в этом не было, так что яхту обсуждали довольно вяло.

Куда тщательнее муссировали новость о том, что расстались Снежная Дева и Чёрный Огонь. Это, конечно, не официальные имена – так их прозвала женская часть студентов. Конечно же, зваться Снежной Девой не так смешно, как зваться Киркой или Вафлей, но тут ничего не поделаешь. Снежная Дева – она действительно была такая: белокожая блондинка с белоснежными локонами до поясницы, с точёным личиком и ярко-голубыми глазами. Платья у неё всегда были приталенными, в пол, а осанка словно у лебедя.

Ну, и Чёрный Огонь тоже соответствовал своему прозвищу. Брюнет с диким взглядом, который, казалось, воспламенял всё своей харизмой, всегда в чёрном и с той самой хулиганской кривизной рта, которая не даёт покоя юным мечтательницам о великой и вечной любви.

Никто не удивился, когда эти двое начали встречаться – казалось, это само собой разумеется. Но вот что они расстались, причём с каким-то скандалом, который всё же удалось замять, и кроме того, что скандал был, никаких подробностей не всплыло – это повергло всех в шок. Кого-то в про-

стой шок, а кого-то – в приятный, предвкушающий.

Но нет, Кира не стала бы просыпаться среди ночи из-за расставания какой-то малознакомой пары. Поклонницей Чёрного Огня она не была. В великую любовь не верила.

Что ещё?

Шпрота поймали в состоянии наркотического опьянения. Обычно, несмотря на всю свою безбашенность, тот был умнее. Но это тоже не новость. Штраф, административная работа – даже из АМКи не выставили, как в прошлый раз. Тогда выставили на целых две недели – и снова приняли.

Так что ещё?

Может, самое очевидное: конец учебного года и обещанное путешествие в открытый космос всем студентам, получившим высокие баллы? Поездка с заходом на планету-курорт и просмотром наимоднейших мест сезона: самой маленькой из известных Чёрных дыр и космического завихрения Лиловое колесо?

Да, это оно!

Кира вздохнула и улыбнулась. Мечта... Увидеть то, за что остальные платят безумные деньги. Все уникальные места обжитого сектора вселенной. Забесплатно! А может, даже заглянуть чуть дальше, за её край.

Если она попадёт в число счастливиц.

Вот что не давало спать! Возможность упустить редкий шанс.

Кира сделала себе внушение.

Она попадёт! Попадёт, конечно – не зря же они с Вафлей просиживали все вечера за обучением. Не зря же обладали набором личных данных, который позволил поступить на бюджет в самую АМКу! Место, где владельцы корпораций обучали своих детишек! Да тут конкурс на место был такой, что нолей не сосчитать! Поступить в АМКу на бюджетное место – вот это сложно, почти на грани реальности. Но не для Киры, нет. А тут... просто побольше учебных баллов набрать.

Она пройдёт!

Глава 1. Стресс-тест

Стены каюты задрожали. Тряска была такой сильной, словно по коридору скакал табун лошадей. Кира вскочила на кровати, тараща глаза. Что? Где? Зачем?

А, точно, утро началось. Фу-х. И чего подорвалась? Не впервые такое происходит – наоборот, каждое утро, как по часам. Ровно в семь пятнадцать курсанты бегут на построение у спортзала, отчего все окрестные каюты на некоторое время превращаются в молотилки.

– Опять этот грохот! – простонала Вафля, прикладывая к лицу подушку. Однако подушки тут были слишком тонкими, чтобы достойно справляться с глушением посторонних звуков. – Хоть бы они там все... не знаю, что. Заболели одновременно.

– Все две дюжины? – проблеяла Оленька Ни-о-чём. – Маловероятно. Тем более полётная Инструкция данного класса кораблей гласит, что при заражении трёх процентов пассажиров одновременно полёт прекращается с возвращением на ближайшую оборудованную больничными изоляторами базу для установления источника заразы. На карантин хочешь?

Кира еле сдержала раздражение. Оленька Ни-о-чём не отличалась ни умом, ни внешними данными, но память у неё была такой цепкой, а голос таким нудным, что хоть вешайся!

– Замолчи, и без тебя тошно! – сказала Вафля. Она сидела растрёпанная, похожая на злого медвежонка, которого вытолкали из родной берлоги.

И только Анита сообразила, что всё равно пора вставать – поднялась и побежала в санузел, пока никто другой не занял.

Пытаться повторно заснуть никто даже не пытался: с восьми подавали завтрак, и если его пропустишь, будешь до обеда ходить голодным. Это тебе не родное общежитие, где в комнате припрятаны печенье и сухарики, а доставка заказанной еды отнимает максимум полчаса. Нет, в полётах никакой еды нигде, кроме как в столовой, получить было невозможно. На борт при посадке запрещалось проносить всё, что так или иначе съедобно, включая растения. И хотя Кире и Вафле и в голову бы не пришло тащить в полёт свой комнатный фикус, но вздумай они это сделать, всё равно бы их остановили на стадии проверки, фикус отобрали и выбросили бы.

Завтрак пропускать нельзя!

Аниту пришлось выгонять из санузла через полчаса, потому что самой подумать о других ей бы и в голову не пришло. Кира, Вафля и Оленька Ни-о-чём управились в общей сложности за десять минут.

Их поселили вчетвером, потому что они были единственными девушками-бюджетницами, которые по итогам года получили право путешествовать под крылом АМКи. Молодых людей – бюджетников оказалось всего трое, они тоже жили вместе. А остальные доплатили за удобства и жили в

отдельных каютах. Вообще-то Кира считала, что одной жутко скучно, лучше уж в компании, ну да каждый сам себе судья и палач.

Вместе со студентами АМКи в открытый космос отправились также лучшие курсанты Военной Космодемии. Вот те вообще жили по шестеро, и говорят, делились не по половому признаку, а только по отрядам. Отряд первый – комната первая, и всё, даже если ты там одна девушка и будешь жить с пятью мужиками.

Но курсанты – они же безумные слегка, это всем известно. Или не слегка. Кира не удивилась бы даже, если бы те и в душ ходили все вместе. При этом почему-то обучение в Военной Космодемии не менее статусное, чем в АМКе.

Впрочем, сборная каркасная мебель и теснота – не такие уж и большие неудобства по сравнению с главным: они летели в такие места, в которые почти никто из всего человечества в жизни своей не летал! И совершенно бесплатно!

После завтрака студентов собрали в панорамном зале – единственном месте на корабле, способном вместить такое количество народу. Ну, ещё разве что склад, но он забит контейнерами, ведь большая часть пассажиров привыкла к комфорту. Фрея Акимова, она же Алмазные Глазки, говорят, дополнительно оплатила целую тонну одежды. А остальные? В АМКе с такими капризами каждый первый. Так что склад наверняка забит под завязку.

И вот он – панорамный зал.

Перед тем как войти, Кира остановилась у входа – именно отсюда вид на космос открывался просто потрясающий! За окнами раскинулся роскошный бархат, мерцающий таинственными искрами. Бездонный, гулкий, словно поющий песню, которая отзывалась глубоко внутри, касалась самых потаённых струн души.

Он настолько завораживал, что Кира стояла бы так и стояла!

И сейчас застыла, не в силах отвести взгляд. Грудь щемило, на глаза наворачивались слёзы. Глупо. Сколько раз она видит эту картину – и всегда одинаковая реакция. Будто просыпается и вытесняет взрослую Киру кто-то крошечный, ранимый. Будто смотрит доверчиво, широко раскрыв глаза, и не видит ничего плохого или страшного.

Космос завораживал.

Но тут сзади раздался топот – курсанты совершали очередную пробежку. Спортивного зала им было мало, поэтому они целыми днями носились по коридорам.

Кира посторонилась, наблюдая, как мимо проносятся одинаковые люди в одинаковой форме. Она на их месте уже сохла бы от таких нагрузок! А эти ничего, бегут. По трое в ряд – вначале парни, потом девушки. Все в брюках цвета хаки и белоснежных футболках, коротко стриженные. Только несколько девушек с прилизанными и забранными в хвост волосами. Все темноволосые, среди них мелькала всего одна белая голова – девочка с короткими светлыми волосами.

Все курсанты высокие, поджарые, как гончие. Ещё бы: целыми днями бегают, а когда не бегают, устраивают спарринги в спортзале. Смотреть на это жутковато – всё время кажется, что кто-нибудь кого-нибудь покалечит. Но пока ничего, проносило.

Закрывал процессию курсант с квадратной челюстью и со злым прищуром глаз; он так остро взглянул на Киру, что у той все поджилки затряслись, и ей почудилось, будто она – одна из курсанток, которая посмела уклониться от пробежки и теперь прохлаждается в стороне. Она чуть не вытянулась по стойке смирно.

Но курсант отвёл взгляд, и Кира, наконец, выдохнула и вошла в панорамный зал.

На первых рядах, прямо напротив длинных иллюминаторов, расположились, конечно же, знаменитости. Там и Снежная Дева с подружкой Алмазные Глазки, и Чёрный Огонь, и Ахлейн с виртуальным обручем на голове – даже тут сидит в сети. И Саблезуб со Шпротом. Все чувствуют себя вольготно и раскованно. Некоторые даже чересчур. Но им позволяют, поэтому Кира давно перестала обращать внимание.

Она села возле Вафли, ярусом выше. Их группа из четырёх человек смотрелась по сравнению с первым рядом довольно жалко – словно воробьи, которые сбились в кучу подальше от кошек. Двое парней-бюджетников вообще забились в дальний угол, третий стоял возле Саблезуба. Однако все студенты, вместе взятые, были пустым местом на фоне

того, что за окнами. Там, за ними – вселенная. Чёрное полотно, скрывающее собой всё, что только способен представить человек. И даже больше.

Нет, собирать на какие-то совещания в таком месте – просто кощунство! Разве можно сосредоточиться на чьих-то нудных словах, когда глаза то и дело ныряют туда, в космическую бездну, и утягивают за собой разум?

Пришли преподаватели, но Кира даже не обратила внимания, кто именно. Разве бывает большая тайна, чем та, что скрывает космос? Как бы далеко и смело ни раскинулась твоя фантазия, там, в бездне, всё это возможно. И даже больше, гораздо больше!

Даже мурашки по коже, стоит только представить, что любое твоё желание возможно! Материально! Осуществимо!

– ...стресс-тесты.

Что? Кира встrepенулась и титаническим усилием воли вернулась к выступающему. Это был неизвестный ей человек, и пусть он был, подобно остальным преподавателям, в костюме, однако выправка и осанка подсказывали, что он скорее преподаватель Космодемии, чем их учебного учреждения, где учителя больше думали о своих умственных способностях, а не о физических.

– Вначале запланирован стресс-тест курсантов Космодемии, – продолжал мужчина. Кира невольно отметила, что его, задержав дыхание, слушают все. Что она пропустила? – Их ждёт сценарий нападения на корабль вражеского отряда.

Задачей станет освобождение команды заложников. Весьма травмоопасное задание, надо сказать, поэтому на время проведения стресс-теста Космодемии каждый из вас должен находиться в личной комнате вплоть до специального сигнала. Если выслушаетесь, выйдете наружу и попадёте в поле задания курсантов, то, скорее всего, пострадаете. И пострадаете по собственной дурости. Предупреждаю, что ответственности за ваше здоровье никто из здесь присутствующих нести не будет. И если вы считаете, что ваше положение и связи позволяют вести себя, как заблагорассудится, подумайте еще раз.

На первых рядах демонстративно фыркнула Алмазные Глазки. Единственная наследница корпорации морских ресурсов никогда не грубила напрямую, а только закатывала глаза или демонстративно фыркала, выражая своё безмерное презрение ко всем, чья жизнь не удалась. И сейчас так же сделала. Предсказуемо.

Преподаватель Космодемии словно не заметил. Но Кира успела представить, что тот сделал бы со своей курсанткой за подобную выходку. Как наказал бы. Ха-ха!

Ладно, некогда мечтать, нужно слушать.

Мужчина продолжал:

– Ваш стресс-тест будет иным. Он начнётся без предупреждения. Вы получите задание, первичные вводные и дальше станете действовать самостоятельно. Определите лидеров и помощников. Составьте план выхода из кризисной си-

туации. Приведёте его в исполнение. Несмотря на то, что многие из вас считаются преемниками глав корпораций, на самом деле подобный пост смогут занять только отличившиеся во время стресс-теста. Только фактически подтвердив умение держать себя и ситуацию в руках. Какой бы она ни была. Вероятно, ваши родители вам этого не сообщали?

Первый ряд молчал. Чёрный Огонь как-то чересчур серьёзно подался к преподавателю. А если он принял слова как данность, что оставалось делать остальным?

– Управление корпорацией – само по себе постоянный стресс. Тут, кроме наследственности, нужны особые качества. Вы будете нести ответственность за решения, от которых зависят не только судьбы миллионов, но и их жизни. Вы должны уметь принимать решения, иногда – очень тяжёлые решения, сохранять все имеющиеся в вашем распоряжении ресурсы и жертвовать ими. Включая человеческие. Все действующие на текущий момент главы корпораций, то есть все ваши родители или опекуны осведомлены, зачем вы здесь. Они подписали разрешения на проведение стресс-тестов от вашего имени. Желающие могут ознакомиться. Из текста вам станет понятно, что стресс-тест может включать любые, подчёркиваю – любые элементы заданий, включая опасные для жизни. Жирным шрифтом выделен пункт, что АМК не несёт никакой ответственности за получение вами моральных или физических травм, а также, в некоторых случаях, и вашей гибели.

Мужчина взмахнул рукой, и за его спиной открылось окно с файлами, из которых каждый мог скачать то, что ему понадобится. Кира ради интереса заглянула в список. Конечно, её имени там не было, как и имени Вафли, – всё же им не грозило управление корпорацией. Но по количеству имеющихся разрешений становилось понятно, что все первые ряды там в наличии в полном составе. А по возникшей тишине стало также ясно, что никто из них ничего подобного не ожидал.

– Итак, я всё сказал. Повторяю коротко: когда услышите тройной гудок сирены, отправляетесь по своим комнатам и остаётесь там до отмены. Выходить нельзя даже в столовую, ответственность за ваше поведение возложена целиком и полностью на вас. Ваш стресс-тест начнётся без предупреждения. Единственное, что могу посоветовать, – он замолчал и эффектно провёл взглядом по толпе. Словно топором воздух рубанул. – Будьте наготове.

В полной тишине мужчина довольно усмехнулся и удалился из зала. Каблуки его сапог стучали. Точно из Космодемии! Сговор у них с нашими, что ли? – подумала Кира. Преподаватели АМКи сидели напротив, тихо переговариваясь.

– Кажется, у меня небольшой шок, – прошептала Вафля. Кира посмотрела на неё и пожала плечами. Аналогично.

– Почему задание курсантов известно, а наше нет? – громко спросил Чёрный Огонь у преподавателей.

Те, услышав вопрос, спешно бросились совещаться. Отве-

тил мужчина, который у Киры не преподавал, но она знала, что это тоже член какого-то большого корпоративного клана, и обучает он студентов только по собственному призванию, без оплаты.

– У курсантов Военной космодемии всегда одно и то же задание, – скрипучим голосом произнёс преподаватель. – Нет смысла его скрывать. В вашем же случае возможны варианты. Вся доступная информация будет выложена в сеть, в вашу группу. Теперь прошу расходиться.

Вопросов они больше слышать не желали, сразу же удалились прочь. Кира взглянула на экран – да, в группе студентов, которую создали именно для текущего полёта, было полно информации. Но... кроме списка разрешений там только какие-то акты да распоряжения. Всё это – пустые бумажки безо всякой конкретики! Одна бюрократия!

Получается, никаких намёков или подсказок им не дадут. Настроение стало угнетённым. Будто гроза приближается, и не знаешь, когда именно хлынет. А ты без зонта и раздевая. Студенты как-то неуловимо быстро и тихо разбежались, словно растворились в воздухе. Девчонки вернулись в комнату.

Кира недоумевала, зачем на стресс-тест взяли таких, как она, бюджетниц. Да, всего семерых, но ведь взяли? Для чего? Ради массовки? Чтобы играли роль шахматных фигур в руках Чёрного Огня и Снежной Девы? Не те ли они «человеческие ресурсы», которыми собираются рисковать?

Но нет, это предположение выглядело глупым и надуманным. Слишком много сил и средств на них затрачено, чтобы пускаться на убой. Тут что-то другое.

Позже Оленька Ни-о-чём предположила, что это шанс, который сильные мира сего дают даже обычным людям.

– Социальные лифты, – покопавшись в памяти, выдала она. – Самое вероятное объяснение. Вдруг среди нас, бедных родственников, найдётся сильный духом лев, способный перегрызть глотки всем вокруг гиенам.

– Ага! И много ты знаешь львов из низов? – хмыкнула Вафля.

Оленька Ни-о-чём порылась в памяти.

– Они определённо есть. Могу вспомнить...

– Не сейчас! – перебили девчонки хором.

Поздно. Глаза Оленьки остекленели, и она начала прочёсывать свою память.

– Заместитель главы ОРИСТ-рейл обучался на бюджетном месте в АМКе, закончил обучение пять лет назад. Полтора года как занимает свой пост. Ему уже передано в личное владение пятнадцать процентов акций компании.

Выдав всё это, Оленька Ни-о-чём моргнула и посмотрела обычным взглядом. Когда она так переключалась, с режима «инфо» на режим «обычный человек», у всех вокруг возникало подозрение, что тут явно у кого-то мозги не в порядке. А всё потому, что в обычном состоянии Оленька всегда улыбалась – мягко, по-доброму, и глаза у неё были как у ве-

рующей – всепрощающие. А в состоянии поиска походила на биологического робота, чьи глаза мигают, пока процессор обрабатывает информацию. Разительный, жуткий контраст.

Девчонки медленно переваривали сведения.

Слова Оленьки немного успокоили, однако всё равно было не по себе. Ранее полёт воспринимался как награда за хорошую учёбу, а вышло, что это очередной экзамен. Причём неизвестно, для кого и зачем.

Целый день они болтались без дела и старательно делали вид, что нет впереди никаких стресс-тестов. Что за ерунда? Слово-то какое глупое!

Кира написала письмо тётке. Подумала, что они слишком редко виделись в последнее время. И это только её вина. Ну да, тётка, может, и не самый приятный человек на свете, и маму заменить не смогла, и склонности её раздражают, а вернее – бесят, но, по крайней мере, тётка не бросила Киру в детдоме! Старалась. Ну, пусть не вышло у неё, но она старалась!

По сути, именно тётка привила ей любовь к учению. Сидеть и зубрить то, от чего у твоих ровесников зубы от скуки сводит – вот самое главное умение, переданное Кире в процессе «воспитания». Она не сразу научилась ценить это своё умение, а только когда получила пробные выпускные школьные тесты и увидела цифру первой категории, которая позволяла поступить везде. Везде!

Это была такая редкость в их захолустной школе, что вы-

пусковым фото Киры украсили школьную галерею, а её же фоткой на фоне АМКи – школьный сайт в разделе «Гордимся».

Да, она не подвела. Академия межпланетных корпораций! Кто бы мог подумать!

Если совсем начистоту, то Кира туда поступила именно потому, что это был самый сложный вариант. Никогда она не стремилась именно туда, не бредила корпорациями и их щупальцами, не желала стать их частью, как, к примеру, Вафля.

Просто отправила результаты в приёмную комиссию и получила оповещение: вы приняты. Просто и буднично.

Итак, она описала тётке корабль, комнату и панорамный экран в бездну, которую, увидев хоть раз, невозможно забыть. Тётка никогда не покидала Земли, боялась летать, поэтому ей будет интересно. Подробности, мелочи, нюансы – вот что она любила больше всего не свете.

Кира старалась, описывала каждую деталь, выбирала интересные и необычные слова. И остальных девчонок, своих соседок, описала. И какова программа полёта. Только о грядущих испытаниях – ни слова. О них, честно говоря, вообще думать не хотелось.

В общем, строчила большую часть дня! Легче было бы записать видеосообщение, но тётка лучше воспринимает информацию визуально, а не на слух. Видео она может и не досмотреть. А Кире очень нужно было, чтобы тётка прочла всё до последней буквы. Чтобы знала о ней как можно больше,

чтобы запомнила на текущий момент именно такой.

Спать легли, как обычно. И как обычно вскочили утром от топота, звучащего из коридора. Кира даже спронеся ощутила странное желание выйти из каюты и присоединиться к бегущим. К счастью, недолгое – оно быстро развеялось под влиянием лени. Умственные нагрузки – это одно, это даже приятно, а вот физические – не-не-не.

Не её это, не её...

Подъём, завтрак, тренажёрный зал, прогулка по корабельной оранжерее, чтение, обед.

И началось.

Не оттягивая неизбежное надолго, к концу обеда прозвучал тройной сигнал. Начался стресс-тест курсантов. Они покинули столовую минут за десять до сигнала, одновременно, ровным строем, и теперь уже, верно, готовились к испытаниям. Броню натягивали или бластеры чистили – что они там могли делать, никто толком не знал.

– Давайте в комнату, – Кира отставила стакан с недопитым компотом и нервно осмотрелась. Как ни странно, все студенты АМКи торопливо вставали и расходились. Прелесть, какие послушные! А ведь она думала, что они, назло системе, будут сидеть тут с видом самых важных жителей планеты и в ус не дуть!

Даже толстый Дарвин, который никогда не двигался быстро, всегда ступал еле-еле, как истинный аристократ в сотом поколении, уже вытирал рот салфеткой и измерял взглядом

расстояние до выхода.

Конечно, задерживаться девчонки не стали, уже через несколько секунд были дома. В каюте закрыли дверь и заперли изнутри. На всякий случай. Кира подумала ещё: какое там «нарушать правила»! Да нет такой силы, которая заставила бы их высунуть нос наружу!

Вначале они сидели тихо и прислушивались к звукам. Кажется, курсанты вот-вот затопчут в коридоре, а то и драку затеют. Или стрельбу. Как-то же они должны отстоять корабль и не сдать его врагу. А нападающие? Кто-то же должен играть роль нападающих и захватить корабль? Интересно, это будут преподаватели или кто-то из команды? Хм.

В любом случае, какие-то звуки должны были доноситься. Но было совсем тихо. Так, будто все по ту сторону вымерли.

– Это нервирует, – в сотый раз пройдя по периметру комнаты, сказала Вафля. – Почему так тихо?

Тут же включилась Оленька Ни-о-чём и бодро отрапортовала:

– Возможно, на мостике включили звуковой щит. Такая функция существует на кораблях подобного типа. Даже, подозреваю, не общий щит, а отдельные, на каждую каюту. То есть можно оградить от проникновения любых звуков именно какие-то конкретные помещения, обычно жилые.

– Так отчего же мы каждое утро вскакиваем от грохота, потому что по головам бегают курсанты? – возмутилась Ваф-

ля. – Могли бы и оградить!

– Поддержка подобного щита – энергозатратная процедура. И ещё психологи рекомендуют не оставлять людей в космосе без окружающих звуков – после нахождения в полной тишине появляется большой процент психических отклонений и самоубийств.

– Тьфу!

Но хотя бы понятно стало, отчего тихо. Кира с облегчением подумала, что на самом деле так гораздо лучше – не хотелось бы слышать всякие жуткие непонятные звуки и представлять, кто и каким образом их издаёт.

И чтобы не дёргаться лишний раз, надо было чем-нибудь заняться.

– Чем займёмся? – тут же спросила Вафля. – Есть предложения? Иначе тут с ума сойти можно! Я уже столько всего напредставляла! Бр-р-р.

– Может, фильм посмотрим? Или поиграем? – перебила Анита, которая не любила слушать про чужие страдания.

– Давайте в «Эльфийские стрелы любви» по сети? – предложила Кира. Рекламу этой игры она видела как раз перед полётом и не прочь была попробовать. Кроме того, эта новая простенькая игрушка была бесплатной, поэтому подходила всем.

Девчонки резво уселись в кружок на полу между диванчиками гостиной зоны и открыли свои экраны. Сформировали из них маски, которые надвинули на лицо. Кира морг-

нула и очутилась в тёплом сказочном лесу. Солнце заливало поляну, цветы пестрели среди сочной зелени, оглушительно щебетали птицы. В воздухе там и сям висели яркие клубки магии, похожие на милые шаровые молнии.

Игра была от первого лица, поэтому Кира не стала тратить время на настройку собственной внешности, а выбрала один из случайных наборов и нажала пуск.

И вот на поляну из воздуха опустились эльфийки. Как на подбор, красавицы, разве что в разной одежде и с разным цветом волос.

– Готовы? – спросила одна из них голосом Вафли.

– Да, а что делать нужно? – спросила вторая голосом Аниты.

– Принца эльфийского будем покорять. Вот этого, – между эльфийками тут же возникла трёхмерная модель принца. Кто-то присвистнул. Принц был чудо как хорош, ну просто глаз не оторвать! Чистая, прозрачная кожа, сиреневые огромные глаза и потрясающая мужская фигура. И смотрел эльф с лёгким интересом, как живой. Мягко улыбался, склоняя голову то к одной, то к другой. У него даже ушко дёрнулось.

Вафля продолжала зачитывать правила:

– Нужно собирать вот эту магию – шарики, которые светятся, – и улучшать себя. А потом все за принцем: кого выберет и предложит руку и сердце – та и победила.

– Готова! – крикнула Кира, рассматривая собственную ру-

ку. Тонкие зеленоватые пальцы, изящная татуировка на запястье, острые ногти. Игра выпущена в качестве рекламы другой, с полным погружением, и если там такая же детализация, может, стоит и взглянуть.

– Тогда запускаю. Три, два, раз. Старт!

Мир на секунду посерел, запуская процессы, и игра началась. Сгустки магии на полянке девчонки собрали быстро, кому-то даже хватило на улучшения. Кира заметила, что Вафля купила себе «Прыжок-Зависание в воздухе» – очень полезная штукавина для собирания сгустков, висящих слишком высоко. А Оленька Ни-о-чём зачем-то приобрела светящийся след – эффектное, однако лишённое всякой практической ценности улучшение.

Так, а что тут вообще есть?

Кира открыла список улучшений. Ого. Его рассматривать, вероятно, можно неделю. Лишний плюс за игру в полную версию! А времени не то чтобы много – девчонки уже скрылись в лесу в поисках других сгустков. Значит, что нужно делать? Придумать хитрый и безотказный план. А именно, первым делом стоит накопить на что-нибудь полезное, что позволит собирать сгустки более эффективно! Значит, убираем из списка всё, что меняет только внешность, и заодно все бессмысленные эффекты вроде «Мерцания» или «Чарующего звона». Одежду, ездовых единорогов и летающих лебедей туда же! Список сократился наполовину. Теперь можно и искать. Случайным образом, потому что иначе

времени не хватит.

Ну, где там моё везение?

«Вязкий мёд». Нет. «Колючие лианы». Снова нет.

Далее... самое интересное. «Ослепляющий дым»? Неплохо, неплохо, но противниц три, а перезарядка умения – две минуты, это слишком много.

«Яд». Ничего себе! Они точно в эльфов играют? А-а-а, понятно, это не смертельный яд – жертву просто будут преследовать «Тошнота» и «Головокружение». Тоже неплохо, но слишком замороченно для короткой игры. Видно, от полного варианта осталось.

Вот! «Полёт». Идеально! Но стоит столько, что придётся рисковать. Если Кира успеет купить «Полёт», большая вероятность, что выиграет. Если не успеет... ну что же, это ведь просто игра.

Как будто специально, тут же раздался голос Вафли:

– Кстати! Проигравшие скидываются победившей по сто рублей.

Ну вот! Кира скорчила недовольную мину – благо, никто не видел. Сто рублей – это ничего себе так стимул, чтобы не проигрывать. Можно купить месяц доступа в какую-нибудь популярную игру, включая полную версию этой. Впереди летние каникулы, будет время поиграть. Так, решено: нам нужны эти деньги, сказала Кира своей героине и ринулась в чащобу собирать сгустки.

Ей пришлось попотеть. Овраги, канавы, дикие животные,

которых нужно было отгонять магическими пассажами, отчего руки быстро устали – Кира буквально взмокла. Но смогла набрать сгустков на «Полет»!

Остальные тем временем уже щеголяли во всяких обновлениях. Анита к тому же пыталась стрелять в соперниц замораживающей магией. Хорошо, что ледяная стрела еле летела к цели и от неё было легко уклониться.

Ну, теперь держись! Кира взлетела под самое небо и попала в тьму-тьмущую сгустков. Прямо в эпицентр их скопления! Она хватала их по несколько штук и поглядывала вниз. Там, чуть левее, на поляне стоял и слегка светился прекрасный принц, и нельзя было пропустить тот момент, когда к нему ринутся другие. Скоро это произойдёт, дело нескольких минут – кто-нибудь не выдержит и решит, что достаточно хорош. И битва совершенствований начнётся.

Кира включила список улучшений и стала выбирать. Честно говоря, брала наугад, даже не вчитываясь в названия и характеристики, только бы картинка была яркой и привлекала внимание.

И вот внизу мелькнула эльфийка, окутанная облаком мелких бабочек. И на всех парах понеслась к принцу! Время!

Кира бросила сгустки и спикировала вниз. Ещё двое уже прыгали из-за деревьев.

К принцу успели все. Остановились, изобразили нечто, похожее на реверанс. Подтвердили готовность к участию в выборе и остались ждать решения.

Принц улыбался каждой и моргал глазами, считывая улучшения. Кира с трудом удерживалась, чтобы не подпрыгивать на месте. Ну же, ну! Триста рублей – всё лето можно играть! Давай же, прекрасное цифровое нечто, выбери меня!

На секунду принц прикрыл глаза, а после открыл их – те горели голубым светом. Он стал поворачиваться и остановился напротив Киры. Вроде бы. Нет, скорее между ней и Вафлей. Его рука дрогнула и поднялась...

Ну! Меня! Меня! Выбери меня! – молила Кира.

И тут лес пропал. Словно по щелчку взял и вырубился. Принц растворился, не сделав выбор. Перед глазами белел пустой экран.

– Не-е-е-ет! – застонала Кира, испытывая горячее желание кого-нибудь убить. Разве можно прерывать игру на таком моменте? Это просто... просто преступление!

Но игра окончательно отключилась. И конечно, никакого сохранения в ней предусмотрено не было. Кроме того, теперь на экране мелькало предложение присоединиться к какому-то закрытому каналу. А судя по подписи, сделанной в приказном тоне от лица АМКи, отказываться от этого приглашения не стоило.

– Все видят запрос? – спросила Вафля.

– Да. Присоединяюсь, – ответили остальные.

Девчонки друг за другом приняли его и оказались в сером пространстве. Личность тут отображалась в виде палочки белого или чёрного цвета. Длина и ширина палочки за-

висели от внутриакадемического рейтинга, поэтому Кира с подругами были тонкими и низкими, а остальные высились за ними, словно колонны, на которых держится небо.

– Всем слушать! И не перебивать!

Они стояли кругом, а в центре возвышался чёрный столб, который говорил голосом Саблезуба. Вот уж кого Кира на дух не переносила! И боялась. Как и все остальные девчонки. Он был злой и грубый, мог спокойно оттолкнуть с дороги или обозвать матерными словами. Воспитания в нём был децел, да и то с истекшим сроком годности. Непонятно, кто в здравом уме доверит такому дебилу управление корпорацией. Да, родители бывают, конечно, безумные, любящие детей до потери пульса, но все они любят также и своё положение, и деньги, которые с таким кривым управленцем, конечно же, потеряют.

Неужели Саблезуб их созвал? Тогда хорошего не жди.

– Все тут? Судя по счётчику, все. Хорошо, начинаем. У меня для вас сообщение. Скоро нам собираются устроить стресс-тест – может, уже через несколько часов. Ну, вы сами всё слышали. Так вот, когда стресс-тест начнётся, вы все сделаете то, что я сейчас скажу. Слово в слово! Понятно? Иначе каждого урою, вы меня знаете!

Рядом с ним образовалось ещё два чёрных столба – значит, их трое, они действуют заодно.

– Давай уже, говори, – недовольно проговорил один из белых столбов голосом Снежной Девы.

– Всё просто, мальчишки и девчонки, очень просто. Делать вам ничего не нужно. Инструкция такова. Когда стресстесты начнутся, вы отправляетесь куда-нибудь подальше от рубки управления и занимаетесь чем угодно, только бы в другой части корабля. Можете отсидеться в каюте.

– А вы? – спросила Снежная Дева.

– А это не ваше дело, – судя по голосу, Саблезуб довольно ухмылялся. – Но можете мне поверить: этот стресс-тест наши важные университетские прыщи навсегда запомнят!

Он захохотал, и рядом появился четвёртый столб, а после пятый. За ними мельтешили чёрные столбы поменьше.

Итак, вся верхушка выпуска мужского пола что-то задумала. Кира покусала губы. Что бы те ни задумали, закончится это плохо – по всему этому паршивому сбору видно. Несанкционированный канал, работающий по-чёрному. В полётах никто бы не разрешил заводить студентам свой обособленный канал – значит, они сидят на пиратском оборудовании. Это нарушение сразу правил пятидесяти, не меньше!

– Эй! Признавайся, давай, что вы там за воду мутите! – Снежная Дева вдруг заговорила встревоженным тоном. – Я хочу знать, за что мне потом может достаться!

– Признаваться? – он хмыкнул. – Или что?

– Или ройка сломается меня урывать, – лениво сказал другой женский голос. Зои, чемпионка множества соревнований по вольной борьбе.

Кира быстро прикинула про себя: да, если Зои захочет, пожалуй, отделает Саблезуба так, что тот к маме запросится. Он хоть и наглый, но телом сублильный, бьёт исподтишка и только слабых – а то вдруг ответят, личико попортят.

– Присоединяйся к нам! Чем больше народу, тем круче будет, – неожиданно сказал тот. Сменил тактику. Перешёл от угроз к попытке договориться.

– Я слушаю предложения, – так же лениво ответила Зои.

Чёрные колонны неподвижно высились в центре. Некоторое время царило молчание: понятно было, что они переговариваются по другому каналу.

– Да всё просто, – наконец заговорил Саблезуб. – Мы пройдем их стресс-тест. Только на наших условиях! Пусть не рассчитывают, что будут нам указывать и нами командовать! Мы тут главные! Мы диктуем правила!

– Ну и? Какие правила? – Зои была неумолима.

– Мы захватим корабль. Курсанты же отрабатывают отбитие захвата? Чем мы хуже? Мы их уделаем! И всех остальных. Мы покажем, чего стоим!

Девчонки молчали – видимо, из-за шока, а Кира про себя молилась, чтобы этот план оказался шуткой. Иначе всё это плохо, очень плохо закончится.

– Итак, повторяю. Сидеть тихо, не мешать. Ах, да! Если получите личную команду – выполнять. Иначе будете иметь дело с нами всеми! – Сказал напоследок Саблезуб, и канал закрылся, выбросив всех участников вон.

Кира сдёрнула маску и закрыла экран. Вернула его на запыстье. Ей хотелось вскочить и нервным шагом ходить из угла в угол, но места было мало, поэтому она осталась сидеть.

Девчонки тоже сняли экраны, переглянулись – глаза у них были размером с блюда.

– Что-то мне это всё не нравится, – пробормотала Вафля. Будто остальным нравилось!

– Это плохо закончится, – мрачно добавила Оленька, – потому что такого прежде не было.

– Не было чего? Не встречались самоуверенные клановые детки, которые меняли ли бы правила стресс-теста? Или что? – спросила Кира.

– Стресс-тесты крайне опасны, – поучительным тоном заговорила Оленька Ни-о-чём. – Их тщательно готовят, продумывают до мелочей. И то невозможно предугадать всё. За всю историю проведения стресс-тестов дважды происходили несчастные случаи. Были зафиксированы даже смерти. Также пытались неоднократно их запретить, однако безрезультатно.

– А на что они похожи? – Кира вдруг подумала, что опыт предыдущих групп может пригодиться. – Стресс-тесты? Известно что-нибудь?

Оленька Ни-о-чём засопела и нехотя ответила:

– Известно очень мало. Такие тесты, сами понимаете, редко бывают, раз в несколько лет. В доступе только общая информация. Ни имён, ни подробностей. В Космодемии это

всегда захват какого-либо объекта, который нужно защитить. А у студентов АМКи – стрессовая ситуация. Под это определение что угодно можно подогнать.

– Неплохая у них система секретности! – восхищенно присвистнула Анита. – Даже не могу представить, сколько стоило это скрыть.

– Да чёрт с ними, нам-то что теперь делать? – Кира чуть не задрожала. – Может, преподавателям сообщим?

– Ага, и наживём врагов до конца своей жизни, – мрачно ответила Вафля. – Слышала же, что Саблезуб сказал?

– Мы сообщим инкогнито!

– Смеёшься? – Анита снисходительно улыбнулась. – Нас вычислят за пять секунд.

– Но ведь это... это – я даже не знаю, что! – Кира вскочила, взмахнула руками. Через секунду сникла. – Ну, давайте бросим жребий, и самая невезучая пойдёт докладывать. Хоть не все пропадём.

Конечно, идти закладывать никто не хотел. Угрозы от Саблезуба, может, и не были такими уж страшными, однако сам факт необходимости заложить своих собственных соратников никому не нравился.

– Нужно ещё подумать – может, обойдётся. – сказала Анита.

– Что обойдётся? Если эти... – Кира с трудом сдержала нецензурное ругательство. – Если они сделают, что собираются, руководству АМКи по-любому такое самоуправство

не понравится. Они впадут в ярость. А нас всё равно потом исключат – за нарушение правил! Скажут: знали и ничего не предприняли. Их же не исключат – сами понимаете, нет ничего, за что исключили бы члена корпорации! А козлы отпущения будут нужны!

– Сценарий вполне вероятный, – тихо проговорила Вафля.

– Хватит! – отмахнулась Анита и обвела всех снисходительным взглядом. – Сидите тихо! Мы скажем, что приняли всю эту историю за шутку. Мы же не будем участвовать. Какие к нам претензии?

– Такие, что студенты задумали бунт! Самый настоящий бунт! И что мы были в курсе, но ничего не сделали. – Кира осмотрела девчонок, но к сожалению, никакого понимания на их лицах не нашла. Не говоря уж о поддержке.

Что ей было делать? Читать лекцию по этике и морали? Она чувствовала, что должна рассказать – ну вот прямо должна, и всё тут! Потому что иначе произойдёт нечто ужасное. Катастрофа. Непоправимое бедствие! И в этом будет её вина. Но заставить остальных думать подобным образом она не могла.

Анита слишком самолюбива – до остальных людей и их проблем ей дела нет, Оленька глуповата – с такой лучше не связываться, одни беды, а Вафля просто побоится. Каждую можно понять. Да только понимай, не понимай – останешься разбираться со всем сама.

– Ну и ладно! – сказала Кира в сердцах. – Сама расскажу. Вы будете ни при чём. Оставайтесь чистенькими. Учитесь дальше. Спите по ночам спокойно.

Она забралась в свой спальный отсек и опустила жёсткую шторку. Сунула в уши наушники, свернулась в клубочек, притянула колени к груди и постаралась ни о чём не думать.

В жизни Киры не так уж часто случались моменты, когда ей приходилось действовать своему страху наперекор. Это когда жутко, аж трясёт, кровь стынет, но ты всё равно делаешь, что должна. Наверное, это всего второй раз. В первый она на суде сказала, что хочет остаться с тёткой, хотя представительница опеки грозила, что Киру чуть ли не засадят в тюрьму, если она посмеет отказаться от детдома. Правдой это не было, понятное дело, и сейчас Кира и не подумала бы бояться такой глупой угрозы, но восьмилетнему ребёнку угроза казалась вполне реальной.

В тот раз Кира смогла. И ни разу не пожалела.

И сейчас сможет.

Тройной сигнал отбоя раздался глубокой ночью по корабельному времени. Курсанты закончили стресс-тест, и можно было выходить из кают. Но так как до завтрака оставалось всего четыре часа, никто, конечно же, просыпаться и выходить не стал. Девчонки поднялись, как обычно, утром – правда, на этот раз не потому что за стеной топали бегущие курсанты, а потому что сработал будильник.

В этот раз даже Анита провела в санузле не более пяти ми-

нут. Всех жутко интересовало, как прошёл стресс-тест курсантов Космодемии. Может, они пойдут сейчас в столовую, а там по пути развороченные стены и дырки в потолке? И всё залито кровью?

Конечно, ничего похожего по пути не было. Наоборот: чистейшие стены, идеальный порядок, запах цитрусов в воздухе. Всё как обычно. Правда, без курсантов, которые постоянно бегали по коридору, становилось как-то не по себе.

В столовой героиня вчерашнего стресс-теста тоже не появились. Студенты АМКи рассредоточились по залу, расселись редкими кучками и зыркали друг на друга, словно враги.

Если девчонки и думали узнать новости, то остались ни с чем. Только в разгар завтрака в столовую вошёл тот самый мужчина, который рассказывал им про стресс-тест (на этот раз в военном кителе), и сообщил, что курсанты успешно прошли своё испытание, и дальнейший график полёта в ближайшие дни не изменится.

Когда он удалился, Кира вылезла из-за стола и побежала к работникам столовой.

Выбрала мужчину в поварском костюме, который как раз выглянул проверить, не нужно ли добавить еды на пустые подносы, и спросила у него:

– Вы знаете, кто это был? Ну, кто объявление только что делал?

– Полковник Геройченко?

– Геройченко?

– Ага. Очень даже говорящая фамилия, верно?

Действительно... Кира поблагодарила и вернулась за стол, чтобы доесть завтрак. Девчонки недовольно зыркали на неё, но молчали. Заставить Киру изменить своё решение они не могли.

Решив не откладывать надолго, Кира отправилась искать Геройченко сразу после завтрака. В ней теплилась надежда, что если она доложит о заговоре непосредственно ему, а не своим преподавателям АМКи, то, возможно, об этом никто другой не узнает.

Конечно, хотелось бы быть честной и смелой, выйти вперёд – одной против толпы, выкрикнуть правду всем и каждому в лицо, но она понимала, что клановые детки всегда будут иметь больше прав, чем она. В данной ситуации Кира рисковала всем своим будущим, а они – всего лишь коротким нестрашным наказанием, вроде показательного исключения на пару недель.

По расспросам персонала выходило, что полковник Геройченко находится в своём кабинете на третьей палубе. Узнав номер нужной каюты, Кира направилась туда, и с каждым шагом сердце стучало всё сильнее.

Она собиралась поступить правильно, по совести. Но отчего же было так паршиво?

На миг Кира даже притормозила, но тут же взяла себя в руки. Нет, решила – так решила! Не знаешь, как делать – поступай правильно, разве не так говорят? Словно про неё.

Нет, не позволим сомнениям себя остановить!

Но стоило ей завернуть за угол, где был коридор с дверью в нужную каюту-кабинет, как она врезалась во что-то мягкое.

– Ой.

Человек.

Кира подняла голову. Мгновенный испуг, что это может быть сам полковник Геройченко, прошёл. Ну и что, если он? Ну, встретились чуть раньше. Может, сама судьба их свела?

Но это был один из троих мальчишек-бюджетников – тот, который всё время таскался за Саблезубом. Наверное, работал на него. Такое часто встречалось в АМКе.

Его имени Кира не знала, как и прозвища. Не слышала о нём ничего – ни хорошего, ни плохого.

Он был ненамного выше её ростом и довольно худым, лицо неприметное. Сейчас, столкнувшись и рассмотрев его близко, Кира отметила, что у него правильные черты лица, острые скулы, маленький рот. Неровно стриженные светлые волосы. В общем, он выглядел не то чтобы тускло, а как-то безобидно. От такого неприятностей не жди.

Но тут он горько вздохнул и сказал:

– Не советую.

Голос парня слегка сипел.

– Что? – удивилась Кира, не пытаясь даже отодвинуться.

– Не советую ходить туда, куда ты идёшь. И болтать тоже не советую.

Кира смерила его, как она надеялась, презрительным взглядом.

– И куда я иду?

Он и глазом не моргнул.

– Может быть, к полковнику? К нему нельзя. Он очень, очень занят.

– Не помню, чтобы я тебя спрашивала, можно мне куда-нибудь ходить или нет.

– Ты не спрашивала. Но послушай меня: тебе нельзя туда идти.

Он с таким решительным видом стоял на пути, что Кира на секунду дала слабину и чуть не сдалась, не отступила. Но всё же... всё же...

– Какое тебе дело?

Парень посмотрел куда-то поверх её головы. Подумал и снова вздохнул.

– Слушай. Я понимаю, правда. Ты хочешь как лучше. Ты решилась. Ты в каком-то смысле молодец. Но... я работаю на Саблезуба почти три года. Поверь мне, тебе не нужен такой враг.

Кира сглотнула. Он говорил не спеша, очень тихо, но отчего-то она его прекрасно расслышала и сразу же поверила каждому его слову.

Но разве она этого не знала с самого начала? Враги появятся – это неизбежно. Невозможно лавировать вечно: жизнь такова, что, уваливая от одной машины, легко угодить

под другую.

– Пожалуйста, – добавил он.

– Отойди с дороги, – проговорила Кира. Голос, кажется, дрогнул.

– Я тебя не пущу.

– Да что ты пристал? Какое тебе дело?

Он продолжал смотреть поверх её головы и чуть-чуть хмуриться.

– Просто поверь мне. Не надо.

Потом парень сунул руки в карманы тёмно-синей толстовки с белой полосой по швам, переступил с ноги на ногу и в сотый раз вздохнул.

Если бы он продолжал уговаривать или руками размахивал, как-то удерживал – в общем, мешал, делал хоть что-то, у Киры была бы причина оттолкнуть его, убежать. Но парень так и стоял на месте и кажется, улыбался. Грустно.

– Ты меня даже не знаешь! – прошептала Кира.

Он стоял, и преграждал путь, и молчал, и это было как-то совсем ненормально. Кира растерялась. Толкаться с ним, что ли? Он хотя и не особо здоровый на вид, но парень – значит, сильнее. Ну не драться же с ним, на самом деле? Можно, конечно, завизжать и попросить помощи, но это ещё глупей. Он её не трогает – в смысле, руками. Угрозы в общем-то не представляет. Но на дороге ведь стоит?

Тут раздался звук разъезжающихся дверных панелей. Как-то очень быстро парень толкнул Киру в плечо, и ещё раз,

и ещё – и они вдруг оказались за углом.

Послышались мужские голоса, которые о чём-то озабоченно переговаривались. Они удалялись, и один из голосов принадлежал полковнику Геройченко. Значит, в кабинете его больше нет.

Ну вот, упустила случай поговорить! Не бежать же за ним? Да ещё когда свидетели вокруг. Придётся приходить повторно. И снова для этого собираться с силами!

Парень тем временем, как ни в чём не бывало, развернулся и ушёл. Даже не взглянул напоследок и ни слова не сказал.

Чертыхаясь и призывая на его голову проклятия, Кира вернулась в каюту. Пойдёт после обеда. И уж постарается, чтобы на её пути больше никто не стоял!

Но перед обедом она вдруг получила личное сообщение со знаком приоритета. А она выставяла приоритет только на новости от администрации АМКи.

В сообщении было написано: «Все бюджетники по возвращении на Землю получают по пять тысяч рублей, если будут сидеть на попе ровно».

Подписи не было, но суть послания говорила сама за себя. Саблезуб вскрыл почту университета и писал от их имени. Зато теперь им не только угрожали, но и кидали подачку.

Кире стало ещё противнее. Она сморщила нос и тут заметила, что остальные девчонки тоже что-то получили и прочли.

Анита выглядела довольной, почти светилась. Вафля вос-

приняла новость с философским видом, будто бы ей всё равно, а вот Оленьке Ни-о-чём действительно было наплевать – то ли она не поняла, что её собираются купить, то ли не видела в этом ничего важного.

Пять тысяч – неплохие деньги, Кира получала повышенную стипендию в пятьсот рублей и этого ей вполне хватало на всё, включая одежду. И от этого аж тошнило. Неплохие, но некоторых купить нельзя и за всё золото мира!

И если раньше Кира собиралась заложить Саблезуба, исходя из принципа и неких моральных установок, то теперь ею руководила, в основном, злость. Пусть засунет себе свою подачку куда подальше! После обеда она найдёт полковника, и пусть все катятся к чёрту! Она поступит правильно, по совести, а остальные пусть сами за себя отвечают!

– Кстати, – сказала Кира. Девчонки дружно уставились на неё. Вроде как недавно они поссорились, но с другой стороны, время уже прошло. Не дуться же друг на друга до конца жизни? – А вы знаете, как зовут того парня, который помогает Саблезубу? Ну, из бюджетников который.

Как ни странно, никто не знал. Вафля тут же стала перечислять всех подряд, и как-то вышло, что известны все имена – они же вместе уже четвёртый год учатся, а вот этот словно испарился из памяти.

– И ты не знаешь? – У Киры оставалась последняя надежда – Оленька Ни-о-чём.

Та думала почти три минуты – космический срок.

– Никита. То ли Савченко, то ли Панченко.

– А кличка?

Ещё несколько минут, и Оленька даже покраснела от натуги. Сдалась.

– Нет, ничего не помню.

– Спасибо.

Кира сразу же уткнулась в свой экран и наушники в уши сунула, потому что теперь начнутся расспросы: а что такое? А почему ты спрашиваешь? А он что?

А ей не хотелось отвечать. Да и что ответить? Он мне угрожал? Вроде, нет – ну, по крайней мере, не напрямую. Он меня напугал? Заинтриговал? Сбил с толку?

Нет, нет, и ещё раз нет!

Так что хватит о нём.

Примерно через полчаса, когда начинался обед и они собрались уже выходить из каюты, моргнул и выключился свет.

На обед они в этот день не попали.

Глава 2. Приземление

Все одновременно получили сообщения. Девчонки остановились у двери и бросились их открывать.

– Чёрт! – Вафля жала и жала на подтверждение, но гаджеты не реагировали. Прочесть сообщения не получалось.

– Кажется, почтовая программа зависла, – отрывисто бросила Кира.

– И у меня, – Анита пожала плечами и отключила экран. – Ну и ладно.

– Что ладно? Вдруг это начало стресс-теста?

– Ну и? Если программа зависла, что я сделаю?

Кира, наконец, тоже сдалась и отключилась от сети. Серьёзный сбой – тут нужно ждать, пока ошибку исправят корабельные системщики, а с их стороны действительно ничего не сделаешь.

– Интересно, а что случилось? – Оленька Ни-о-чём с любопытством посмотрела на потолок, где мигали красные лампы. – О чём сообщение? На самом деле стресс-тест? Или ставку подняли тысяч до десяти?

Это она о тех деньгах, что обещал Саблезуб, подумала Кира. Хотят больше. Действительно, если уж продавать себя, то чего мелочиться!

– Ага, мечтай, – фыркнула Вафля и тут же приосанилась. Представила, наверное, что сможет купить на такие деньги.

– Похоже, это всё-таки начался наш стресс-тест. А мы даже инструкции получить и прочитать не можем! – Кира никак не могла успокоиться. Она вся извелась, корила себя, что не успела поговорить с полковником. Ведь знала же, что нужно спешить! И была недостаточно настойчива!

А теперь, судя по всему, уже поздно.

– И что нам делать? – Вафля нахмурилась. Она тоже не очень-то радовалась наступлению стресс-теста, да ещё когда условия выполнения непонятны. Анита сказала:

– Да ничего. Не буду лезть, пойду лучше почитаю.

Спокойно отправилась в свой спальный отсек, опустила шторку, и её как бы не стало.

– Может, и правда просто ничего не делать, – не очень уверенным тоном сказала Оленька Ни-о-чём. – Обед можно пропустить, не страшно.

– Ну и не делай! – непонятно отчего огрызнулась Вафля. Оленька надулась и тоже спряталась в свой отсек.

– Что-то тут не так, – пробормотала Кира. Она понятия не имела, что делать. Выйти и бегать по коридорам? Искать полковника? Искать кого-то, кто знает, почему нет электричества и почему не работает сеть? Искать студентов и спрашивать совета у них?

Она посмотрела налево, в зеркало. Там застыло её испуганное отражение. Бледное лицо с острым подбородком и вздёрнутым носом, пряди коротких волос, которые пытаются выбиться из причёски, словно иголки у ежа. Тоненькая

фигурка в сером спортивном костюме – вся словно иллюстрация слова «трусиха».

И всё же... Всё же...

Кира не знала, что делать. Получится ли что-нибудь. Одно знала точно: нельзя просто сидеть и ждать.

– Думаешь, стоит выйти? – шёпотом спросила Вафля, подходя к двери. Её толстая коричневая коса закрывала почти полспины.

– Не знаю, но я пойду.

Вафля помялась, но ответила:

– Я с тобой.

– Если что... прячемся. Давай, вначале попробуем выяснить, что происходит, так, чтобы нас не заметили. Мало ли... Сама понимаешь.

– Ладно.

Они открыли дверь. Кира высунулась наружу, в гулкий полумрак, и осмотрелась.

В коридоре было пусто. И уныло. На потолке и на полу, обозначая габариты, светились тонкие линии, сейчас красные. Значит, свет отключился не только в жилых секторах. О каком тогда стресс-тесте речь? Когда он был у курсантов, свет на корабле не отключали. Вполне вероятно, дело в чём-то другом.

Все соседние двери в жилые каюты были закрыты, в коридорах ни звука.

Прятаться здесь было негде. Коридор напоминал трубку

с ровными стенами, под полом и вдоль стен местами проходили короба с проводами и трубами, но они были тщательно закрыты. И даже если открыть – Кира туда не влезет, там только собака средних размеров поместится, да и то, если провода убрать. Вафля тем более не влезет: она выше ростом и вообще в размерах больше. Ещё в стенах бывают выемки для технического оборудования, но обычно они забиты всякими важными и нужными приборами или просто хламом, который, однако, никуда не исчезнет и место под собой не освободит.

– Куда? На командный пост? – шёпотом спросила Вафля.

– Да, давай.

Они вышли, закрыли дверь и тихо прокрались в сторону перехода на высший уровень. Это была лифтовая площадка. Конечно, она не работала, на пульте мигал красный аварийный сигнал. Подниматься пришлось бы вручную по настенной лестнице или в обход по нормальной, но той, что расположена далеко.

Девчонки не успели решить, что выбрать. Слева раздался шум, грохот, и от неожиданности они, как кролики, прыгнули вправо. Но на пересечении коридоров снова раздался шум, уже с другой стороны. И кто-то крикнул – громко, как будто что-то приказал. Конечно, они снова свернули и попытались сбежать уже в другую сторону. Звуки раздавались то там, то сям, они беспорядочно бегали, пока Кира не остановилась и не дёрнула Вафлю за рукав.

– Ну, хватит! Так можно без конца метаться. Чего ради мы вообще убегаем?

– А вдруг это стресс-тесты? Пять тысяч на дороге, знаешь ли, не валяются.

Кира поморщилась, но промолчала. Не читать же Вафле нотацию в такое время и в таком месте? Вместо этого она сказала:

– Давай разделимся, поодиночке проще прятаться. Иди налево, я направо. Встретимся через полчаса в каюте.

– Ладно.

Кира глубоко вздохнула, встряхнулась и пошла в сторону, откуда доносились крики. Решила: поймают, и ладно. Что ей сделают? Она скажет: пропали свет и связь, иду искать кого-нибудь, кто знает, что происходит. Пяти тысяч ей не жалко, жалко своего душевного спокойствия. Да и вообще...

Несмотря на это, выбегать из-за угла, раскинув дружелюбно руки, она, конечно, не стала. Подкралась как можно ближе и прислушалась.

Кто-то методично повторял одно и то же. Вроде там были слова «Шевелись» и «Быстрее». Но, может, показалось.

А потом вдруг взвыла сирена. Та, которая на крайний случай. На случай эвакуации.

Кира подскочила на месте и тут же забыла про стресс-тесты, угрозы Саблезуба, которые вдруг показались пустыми и глупыми, и про все прочие дела, вместе взятые. Вначале она не поверила, но буквально через несколько секунд отброси-

ла всякие сомнения. Эвакуационная сирена звучала, только если случалось что-то ужасное, какая-нибудь смертельная угроза, опасность для жизни. Тогда следовало немедленно бежать в сторону спасательных катеров. Их на корабле было несколько – два больших и с десятков маленьких. Маленькие блокировались до тех пор, пока от корпуса не отходили большие. В любом случае, сейчас нужно бежать на спасательную площадку. Что она и сделала; правда, ноги плохо слушались.

При посадке они просматривали учебные ролики об особенностях полётов в дальний космос. И слышали сирену. Её ни с чем другим не спутаешь – словно гвозди в уши ввинчивают. Также в ролике несколько раз повторили: по сути, услышать эту сирену – самое страшное, что может произойти во время путешествия.

Никто, конечно, не допускал на самом деле, что это произойдёт. И вот вам пожалуйста!

Девчонки в каюте... тоже уже должны бежать к катеру. Вдалеке Кира увидела двух членов команды, которые спешили – показались и пропали в направлении спасательной площадки.

Тут ещё и на стенах зажглись табло со знаком опасности – красным восклицательным знаком в треугольнике на жёлтом фоне, а голос корабельного оповещения начал повторять сообщение: «Внимание. Всему персоналу и гостям корабля немедленно отправляться к причалу номер один для проведения срочной эвакуации».

Но что могло произойти? Кира бежала по коридору сломя голову, видела, как перед ней бегут туда же другие люди, но в панике не могла понять, знакомые это или нет. Вроде лица, которые она не раз видела раньше. Где? Где она их видела? И другие лица – побелевшие, с широко раскрытыми глазами, охваченные паникой. Незнакомые, но близкие из-за ужаса, отражающегося в глазах. Она чувствовала точно такой же.

Все были одеты в обычную одежду – ни защитных комбинезонов, ни скафандров. Значит, выбежали из кают или мест работы, как были, не подготовившись.

Может, надо было остановиться и подумать. Так делают разумные люди? Или нет? Неважно. Как животное, которое бежит от пожара, Кира бежала к спасательному катеру. Она уже ни о чём не думала.

И вот он впереди, катер. Широко открытый вход приглашающе мигает огоньками, люди сбегаются со всех сторон и с облегчением ныряют внутрь. Возле входа стоит капитан корабля. Увидев его таким хмурым, нервным, Кира потеряла последние сомнения: эвакуация действительно происходит. С ней, здесь и сейчас.

А через секунду её сбили с ног.

Очнулась Кира быстро – по сути, она и не теряла сознание, только на некоторое время прекратила ориентироваться в пространстве, чуть-чуть оглохла и ослепла. Очнулась она, сидя на большой мягкой кушетке в видео-зале, что недалеко от спасательных катеров. Ряды мягких кресел и диванчи-

ков располагались вдоль стен, видеопанели на которых сейчас были отключены. Под потолком мигала красная лампа, но ещё горело несколько тусклых белых лампочек – аварийное освещение. Света было достаточно, чтобы хорошо видеть.

Напротив диванчика, на котором лежала Кира, за экранами сидели её сокурсники – те самые пятеро, которые играли роль центральных колонн при недавнем разговоре.

– Правый сектор пустой, – говорил Чёрный Огонь, всматриваясь в изображение. Его густой голос звучал совершенно спокойно, а чёрная рубашка была аккуратно застёгнута, как в любой другой день.

Саблезуб, Чёрный Огонь, Шпрот, Дарвин и спортсмен Зыкин. Среди них Кира не увидела только Ахлейна. Странно, сейчас его место занимал Дарвин, хотя ей казалось, толстяк умнее.

– Правый перекрывай. Что с нижним? – Саблезуб азартно улыбался.

– Нижний плохо как-то идёт, – ответил Зыкин. Его вытянутое лицо выглядело изумлённым, будто он сам не верил в то, что творил.

– Добавь громкости динамикам, – приказал Саблезуб.

– В каютах будет слышно, а мы и так там закрыли щиты на полную. Наши и курсанты запаниковать могут.

– На нижних нет кают, придурок.

– Ой, точно, – Зыкин бледно улыбнулся и стал менять на-

стройки.

Дальше всё снова замерло и Саблезуб отодвинул экран и устался на Киру. Покосился ей за спину.

– Она что тут делает?

– Поймали у катера. Хотела с командой сбежать, – ответил чей-то голос сбоку. Кира посмотрела – за диваном, оказывается, стояли ещё трое парней; двоих она видела, но лично не знала, а третьим был Никита. Говорил не он.

– У катера? – Саблезуб оскалился. – Какая непослушная штучка. И что же тебе за это будет?

Он будто задумался, сунул руку в волосы, и его взгляд делался всё более нехорошим. Брови он хмурил всё сильнее, как плохой актёр. Так как брови у него были тонкие, выглядело это не страшно, а смешно.

– И пускай бы шла, – вдруг сказал Никита. – Зачем она нужна.

Саблезуб недовольно зыркнул на него.

– А мне хотелось бы верить, что мы все заодно. Мы все студенты АМКи! Все в одном болоте сидим! Так что хотелось бы верить, что я могу попросить сокурсников, и они не откажут мне в маленькой просьбе. Ради общего блага. Разве я многого просил? Просто проявить понимание к своим однокурсникам и их нуждам. Просто посидеть в своей долбаной каюте!

Под конец он уже орал. Кира не то чтобы испугалась – просто было неприятно на него смотреть. На то, как его глаза

наливались красным, а изо рта брызгала слюна. Как он трясся, словно припадочный.

«Да он же безумный», – подумала Кира. Неужели все эти люди не видят, что якшаются с безумцем? Может, один Ахлейн разглядел, раз не с ними?

Наверное, Саблезуб кричал бы ещё долго, но тут дверь снова открылась, и втащили другую девчонку. Очень богатое и крайне глупое существо – пожалуй, самую глупую девицу, которую Кира когда-либо встречала. Что не мешало той прекрасно обучаться в АМКе. Свои же прозвали её Пустота – прозвище весьма меткое.

Сейчас Пустота была одета в домашний восточный костюм изумрудного цвета, её длинные шикарные волосы, похожие на шоколадную волну, растрепались, и ещё она была сильно испугана.

– Пустите!

Её отпустили, она убрала пряди, упавшие на лицо, огляделась и стала подвывать дрожащим голосом:

– Почему вы тут сидите? Надо бежать! Вы что, дебилы?

– Куда бежать? – Саблезуб скорчил участливую мину. – Зачем?

– Сирена! – не найдя более доходчивых слов, Пустота подняла вверх руки и потрясла ими, будто молилась небу. – Надо спастись!

– Сирена? Какая сирена? Пацаны, вы слышали сирену? Нет? Вот видишь, мы не слышали сирену.

– Да вы что?!

Пустота растерялась, медленно опустила руки. Глаза у неё стали размером с блюдце, тонкие белые пальцы нервно подрагивали.

– Как же так? Была сирена! Когда свет погас, мне не по себе стало в каюте одной сидеть. Я... испугалась и вышла! А там сирена! Надписи везде горят, чтобы к спасательному катеру бежали! Давайте же, вы тут не слышите, но надо убежать! Мы же все умрём!

– Ты точно не выдумываешь? – Глубокомысленно спросил Саблезуб. Его глаза горели от восторга.

Пустота так сильно испугалась, что её затрясло. Что-то было во всём этом мерзкое. Кира вздёрнула голову.

– Была сирена. Я тоже слышала. Но не бойся, она ненастоящая. Это они включили. Балуются.

Ой, зря она это сказала, зря! Саблезуб, потерявший жертву для развлечения, тут же заново разъярился. Казалось, сейчас в прямом смысле слова вспыхнет.

– Второй нижний сектор пуст, – тем временем доложил Шпрот, кудрявый молодой человек романтической наружности. Он довольно хмыкнул и отвлёкся от экрана. Оглядел застывшую от ужаса Пустоту, сидящую на диване Киру и окружавших их парней. Оживился: – О, вы где девчонок нашли?

Саблезуб с недовольным видом метнулся к своему экрану и принялся что-то проверять.

– Сядь, – Кира тронула Пустоту рукой, та обернулась, уви-

дела, кто посмел к ней прикоснуться, и высокомерно задрала нос. Кира отдёрнула руку. Конечно, самое время разбираться, кто круче. Кто элита, а кто так, мимо проходил.

– Капитан, – вдруг крикнул Дарвин – голосок у него звучал тонко, как у девицы. – Мы кое-что забыли! Капитан в катер не войдёт, пока вся команда не будет внутри! А там ни нас, ни курсантов. Что делать?

– Курсанты пытаются выйти, – тут же закричал Чёрный Огонь. Кира и не знала, что он умеет кричать – ни разу раньше не слышала.

Все тут же забыли и про неё, и про Пустоту, и про другие экраны, бросились и сгрудились у экрана Чёрного Огня. Саблезуб незаметно растерял весь апломб.

– А они могут выйти? – нервно спросил он.

– Да легко!

– Как?!

– Выломают нафиг двери! Это же туристический лайнер, всё внутри красивое и хлипкое. Что будем делать?

Кира тихонько осмотрелась. Все парни заняты – может, сбежать? Дверь не заперта.

Только что дальше? Никакой сирены нет, это понятно. В смысле, никакой опасности не существовало – это они включили, чтобы начать эвакуацию. Как включили, как получили доступ, как обошли систему защиты корабля? Вопрос не для этого места и времени. Но вывод не утешал. Кира услышала достаточно, чтобы примерно понять, что происходит.

Стресс-тест действительно начался. А потом эти пятеро великовозрастных дебилов перехватили управление кораблём, собрали помощников, заперли курсантов в каютах и включили сирену. Чего они добивались? Эвакуации? Звучит, как бред сумасшедшего! Да, но эвакуация в самом разгаре. Похоже, команда корабля уже в спасательном катере. А сам капитан снаружи. И в любой момент до него дойдёт, что в катер не заявился ни один студент АМКи и ни один курсант.

Она даже позлорадствовала слегка: представила, что скажут и сделают преподаватели и академическое начальство, когда всё это безумие подойдёт к концу, и будут раздаваться наказания. Кажется, исключением тут не обойдётся. Похоже, кого-то реально посадят. Угон корабля – это не шутки.

А-ха-ха-ха!

Тем временем началась суета. Саблезуб с тремя помощниками, среди которых был Никита, разговаривал у стены, Чёрный Огонь откровенно паниковал, следя за экраном. Видимо, курсанты активизировались. Остальные, судя по лицам, тоже не представляли, что дальше.

Несмотря на нервную обстановку, Кира не выдержала и рассмеялась. Ещё вопрос: на кой чёрт они заперли курсантов? Могли бы и их эвакуировать. Боятся их?

Разве не смешно? Кира всхлипывала и хихикала.

– А ну быстро, быстро, встали и пошли отсюда. Не до вас сейчас.

Над ней стоял Дарвин, его большой живот обтягивал тон-

кий свитер модного нынче сиреневого цвета. Он махнул Кири и Пустоте руками в сторону двери.

– Идите в каюты, не мешайте! Там истерите. Тихо только.

Кира, получив разрешение, тут же вскочила и бросилась к двери. Пустота увязалась за ней. В коридоре всё ещё царил полумрак и так же громко орала сирена. Не успели они отбежать и на несколько метров, как за ними из видеозала выскочили четверо парней и понеслись в другую сторону. По дороге кто-то из них крикнул:

– Спрячь оружие, дятел! Тебя курсанты в фарш за него перемелют!

Оружие?! У них и оружие есть?

Теперь на язык просились в основном нецензурные слова.

Чёрт, но что же делать? Что Кира могла сделать? Она просто кипела от негодования и невозможности хоть что-либо изменить. Взывать к разуму этих имбецилов? Три ха-ха! Бежать к спасательному катеру и предупредить капитана? Можно не рассчитывать на успех – они же отслеживают все камеры, наверняка успеют перехватить и уже не будут такими добренькими.

Но, наверное, нужно попробовать. Если очень быстро бежать, то они не успеют перехватить, а там капитан и команда защитят. И, возможно, её не только не отчислял, но и как-нибудь наградят за предупреждение.

Решено! Кира сориентировалась, мысленно проложила дорогу к спасательной площадке, сгруппировалась и побе-

жала.

И прямо за углом упёрлась в упавшую переборку.

Паршивцы! Они перегородили проходы!

Кира шарахнула по переборке кулаками. Костяшки сразу же заныли, зато слегка прояснилось в голове. Все переборки закрыть невозможно, проход к спасательной площадке всё равно останется, но чтобы его отследить, нужно вскрыть систему обслуживания корабля. У неё нет возможности это сделать.

Так, пока двигаем в каюту, а там решим. Кира дёрнула головой, отгоняя сотни невыполнимых планов, которые роились в голове, и побежала в каюту. Пустота побежала за ней. Кира оглянулась пару раз, но у той был настолько перепуганный вид, что Кира не стала её прогонять. Не до того.

Девчонки, стоило ей переступить порог, вскочили и бросились навстречу. Когда открывалась дверь, звуковой щит с каюты спал, и до них стали доноситься звуки сирены.

– Что там? Что происходит? – заголосили они наперебой. Среди них была и Вафля – значит, успела вернуться. – Это эвакуация?

Пустота молча прошла и села на диванчик, обняла себя руками и стала слегка покачиваться влево-вправо.

– Спокойно, это ложный сигнал. Ты что-нибудь узнала? – спросила Кира Вафлю. Та задёрнула головой, будто у неё случился нервный тик.

– Нет, Кирка, нет. Я испугалась и почти сразу прибежала

назад. И ничего не узнала! Прости.

– Ладно, ничего страшного, – Кира нетерпеливо махнула рукой. – Наши дорогие балованные студенты устроили какой-то... что-то безумное. И думаю, противозаконное. Я не знаю, чего они добиваются! Но они объявили эвакуацию, врубили сирену, и вся команда уже сидит в спасательном катере. А курсантов они заперли в каютах.

Кира оглядела изумлённые лица и поняла, что говорить и объяснять ей придётся ещё очень долго. Попробуй, объясни подобное так, чтобы звучало вменяемо! Но вначале, видимо, предстоит доказать, что она в своём уме, что, учитывая ситуацию, сделать будет весьма непросто.

Но тут включился динамик, избавив от мучительных разъяснений того, чего она сама не понимала.

– Все студенты АМКИ немедленно идут на командный мостик. Помним о договоре. Шевелитесь!

Голос они не определили, но это точно не были члены команды или преподаватели.

– Пошли, – Кира тут же направилась к двери.

– Может, лучше в каюте остаться? – как-то неуверенно спросила Вафля. – Пусть там сами разбираются. А мы подождём в безопасности. Зачем нам лезть в их разборки? Нас затопчут и не заметят!

– Как хотите.

Через секунду Кира уже неслась по коридору. И, честно говоря, когда не надо было следить, бегут ли за тобой другие,

стало гораздо проще. Она вбежала на капитанский мостик на пару со Снежной Девой, в спину их уже толкал кто-то ещё.

Мостик был довольно большим помещением – такая круглая тарелка с белоснежными поверхностями и эффектными экранами и приборами. Посередине возвышение для капитана, похожее на подиум нескольких метров в диаметре. Но сейчас, когда сюда набились студенты, стало тесновато. Обилие экранов, панелей, светящихся и мигающих систем оповещения, за которыми никто не следил, действовало, мягко говоря, угнетающе.

– Бери управление! – голос Саблезуба разрезал толпу словно ножом – студенты ринулись в стороны, пропуская его и Чёрного Огня.

Никита шёл следом. Кира глянула мельком: надо же, таскается собачонкой за своим хозяином всегда и везде. Самому не противно?

Чёрный Огонь тем временем устанавливал на панель управления какую-то чёрную коробку, присоединил её к штекерам. Несколько экранов сразу замигали, перестраиваясь.

Тут включилась внутренняя связь.

– Капитан в катере. Люк задрен, можно расслабиться.

Саблезуб шумно выдохнул.

– Как вы его заставили зайти?

– Э... Потом расскажу, история не для слабонервных. Но никто не пострадал.

– Если вы применили силу, сами будете отвечать!

– Не, мы применили хитрость. Потом расскажу.

Шпрот отключился, кажется, всего на секунду и тут же снова включил микрофон.

– Эй, на мостике! – с восторгом завопил Шпрот. – К вам бегут курсанты! Блокируйте двери!

Вот уж кто веселился, будто участвовал в каком-то развлечении вроде игрового квеста. Шпрот всегда и везде главным своим долгом считал именно отдых и получение удовольствия от всего доступного, а временами не совсем доступного, но веселиться сейчас, когда на кону... судьба всего полёта! Кира не сомневалась, что никакая экскурсия уже не состоится. Прощай, мечта! Прощай, завихрение Лиловое Колесо! Ну, невозможно представить, что после такой выходки кто-то из преподавательского состава продолжит путешествие. Так вот: веселиться в такой момент – кощунство!

– Огонь, блокируй! – крикнул Саблезуб. – Ну же!

Чёрный Огонь, наконец, подключился к пульту и стал искать в списке команд блокировку дверей. Никита подошёл к соседнему пульту и тоже принялся регулировать настройки.

В коридоре тем временем раздался топот, и он походил на гул сходящей лавины. Дверь отсека с мягким стуком захлопнулась, щёлкнули фиксаторы, над ней загорелась красная линия. Почти сразу же раздалась звуки ударов с той стороны.

– Ха-ха-ха! – веселился Шпрот. – Слышу, вы успели? Они

и сюда лезут, в видеозал, но мы тоже закрылись. Ну, это вообще! Вот это угар!

– Заткнись! – крикнул Саблезуб. – Делом лучше займись.

– Каким делом?

– Тем, что тебе было сказано. Выполняй план!

– План? Я думал, дальше по команде будем действовать.

Ну, после катера.

– Вот и команда! Выполняй, сказано!

– Ладно, – нехотя отозвался Шпрот и отключился.

– Дальше что? – спросил Чёрный Огонь, опираясь ладонями на стол.

– Не знаю, дай подумать, – Саблезуб метнулся в угол, и стоявшие на его дороге отшатнулись, будто он был настоящим злобным хищником. Впрочем, испугались не все.

– Что тут вообще происходит? – подала голос Зои. Она подошла к пульту и уставилась на Чёрного Огня сверху вниз. Вообще-то они были одного роста, но он не вовремя наклонился над информационной панелью, и она тут же воспользовалась случаем. – Что вы творите, придурки? – крикнула на него.

– Помолчи! – Саблезуб достал свой экран и стал листать какое-то сообщение. Кира успела краем глаза увидеть значок «Письмо» в углу.

Нашёл время почту читать!

– Ты это мне? – Зои круто развернулась. Её внушительный бюст подался вперёд и выглядел весьма угрожающе. Зои

обладала высоким ростом и крутыми бёдрами, и всё это было украшено впечатляющими мышцами. Если в АМКу она и могла попасть просто потому, что была дочерью владельца корпорации, то на арене побеждала только благодаря своим умениям и физическим данным. И это все прекрасно понимали.

Ходили, конечно, слухи, что такая прекрасная физическая форма не обошлась без запрещённых практик гормонального и нанотехнологического улучшения.

Но слухи – они только слухи. Какой родитель подвергнет своё дитя столь ужасным улучшениям с непрогнозируемыми последствиями?

– Да, тебе, – Саблезуб рассеянно просматривал текст на экране, потом отключился. – Капитан, команда и преподавательский состав полностью на борту. Огонь, отсоединяй ка-тер.

Чёрный Огонь занервничал.

– Ты уверен?

– Да! Давай, не тяни!

– Что вы ходите сделать? – не выдержала Кира и попыталась пролезть вперёд. – Не надо! Это же глупо и опасно! Как вы не понимаете?

Её тут же дёрнули за руку и оттолкнули к двери, в самый дальний уголок.

– Хорошо, – Чёрный Огонь даже побелел. Он облизал губы, дрожащей рукой набрал какие-то команды на пульте, а

после глубоко вдохнул и дёрнул небольшой рычаг под пультом. Нажал огромную кнопку, вылезшую на экран подтверждения.

Почти сразу раздались сигналы, такие громкие и частые, будто они пытались друг друга переорать.

– Эй вы, там! – включился динамик. Шпрот снова был весел и жизнерадостен. – Всё! Я запустил прыжок. Шас стартанём.

– Что? – пару секунд в воздухе висела тишина. Потом Саблезуб подскочил к пульту и заорал так, что вены на его шее вздулись. – Ты что сделал, сучонок? Какой прыжок? Отрубай немедленно, слышишь, падла?

– Как какой? Сам же говорил: давай, делом займись. Даю команду и всё такое... Ну, план же был...

– План был – или прыжок, или отправить их всех в катере кататься. Мы уже отправили! Выключай прыжок, баклан!

Саблезуб стал ругаться такими словами, что Кира перестала слушать. Она пыталась понять. Они... что же они наделали?

– Поздно уже, отсчёт пошёл. Пять секунд, – ответил Шпрот и снова хихикнул. Правда, уже нервно.

Но корабль прыгнул уже через секунду. Громкий треск, чернота в глазах и несколько мгновений абсолютной тишины. Потом всё включилось, будто открылись глаза, а звуки гудели в ушах по нарастающей.

Саблезуб ещё раз выругался, но уже как-то вяло.

Это был настоящий шок. Кира несколько раз помотала головой, чтобы прийти в себя, а после принялась толкаться локтями и пробилась в центр, к пультам.

Чёрный Огонь стоял, опустив руки. Его породистое лицо сейчас вытянулось, как у обычного смертного.

– Что произошло? – спросила Зои, которая, похоже, поняла всё первой и теперь искала взглядом, кого бы начать трясти.

– Что-что... Мы прыгнули, – Саблезуб ещё постоял, покачиваясь, а потом захохотал. – Этот придурок запустил прыжок! А мы, вдобавок, скинули весь экипаж на катере. И теперь мы одни посреди космоса... Огонь, проверь связь. Без команды мы не сможем управлять кораблём. Вы все долбаные фрики! Теперь, хочешь не хочешь, придётся звать на помощь. Все планы в бездну из-за вас, лузеров! Чёрт!

Он стукнул ногой по командной стойке и зашипел от боли.

Огонь быстро стал искать доступные связные маячки. Его руки так и мелькали над панелями! Все задержали дыхание. Десять секунд, тридцать... Минута.

Чёрный Огонь опустил руки и покачал головой.

– Нету ничего. Не нашёл. Поблизости пусто. Маячки не отзываются. Ни один. Я зациклил поиск сигнала, нужно ждать.

Все стояли и ждали, но звукового сигнала, который обозначает исполнение команды, не было, как и попыток установления с кем-нибудь контакта. А ведь в той части космо-

са, где они путешествовали ранее, связь устанавливалась моментально. Это всё наводило на такие мысли, от которых хотелось бежать сломя голову.

В дверь тем временем снова задолбили, и удары были такими мощными, какие человек вряд ли смог бы нанести рукой или ногой. Похоже, в дело пошли подручные средства.

– Люди, ну как вы там? – включился динамик. От Шпрота так и несло весельем и бесшабашной энергией. – Ко мне курсанты ломаются, скоро вскроют нас, как консервы. А-ха-ха-ха-ха!

– Дятел! Куда ты нас забросил, debil?

Шпрот не обиделся.

– Ну вот, куда вы примерные координаты оставили, туда и отправил. На автопилоте.

– Примерные? – Саблезуб прищурился и замолчал.

– Разве инструкция не требует всегда корректировать координаты выхода вручную? – тихо спросила Снежная Дева. И так как её специализацией было как раз управление торговым флотом, который, как всем известно, делает перелёты именно с помощью прыжков, все вылупились друг на друга с немим ужасом.

И тут дверь не выдержала напора курсантов и лопнула, пуская трещины по поверхности. Потом смялась и разошлась в стороны. На мостик тут же забежали курсанты – все одинаково взъерошенные и злые. И принесли с собой столько адреналина, что в глазах всё поплыло, и захотелось немед-

ленно сдаться, упасть на спину и поднять лапки.

– Кто тут главный, мать вашу, зачинщик? – сухо спросил курсант, который вышел вперёд. Он сжал кулак такого размера, которым мог, наверное, убить с одного удара.

– Я главный, – Саблезуб тут же задрал голову – в его лице не было и тени страха.

– И что ты, сукин сын, тут наделал?

– Хм. Если бы я.

Саблезуб снова развеселился, крикнул:

– Шпрот, товарищи курсанты желают знать, что ты наделал?

– Подожди, сейчас не до вас.

Голос Шпрота звучал, словно сквозь стену воду.

– Что? – прошипел курсант, угрожающе размахивая кулаком. Те, кто стояли поблизости, поспешно отошли.

После нескольких секунд Шпрот неуверенно добавил:

– Мы смещаемся.

Курсант замер.

– Что значит – смещаемся? – переспросил Саблезуб.

– Шпрот, зайка, лучше бы тебе отойти от управления! – с нервным смешком сказала Зои.

– Тут... – Шпрот словно растерял все слова. – Мы, кажется, это...

Курсант вдруг наклонился к микрофону и рявкнул:

– А ну, отвечать коротко и по делу!

– Корабль падает.

– Что значит – падает? – курсант скривился. – Корабль не может упасть, сморчок! Он в космосе!

В ответ только сопение. Шпрот молчал.

– Может, точка выхода без ручной коррекции оказалась слишком близко к поверхности планеты? Тогда корабль может притянуть гравитация. И мы рухнем на поверхность, – снова вставила свои пять копеек Снежная Дева.

– Что ты сюда прилезла со своими паническими настроениями? – Чёрный Огонь закатил глаза. – Сидела бы себе в каюте, крестиком вышивала.

Снежная Дева не ответила – она словно и не слышала, только смотрела куда-то себе под ноги.

Происходящее казалось Кире настолько бредовым, что, возможно, это сон? Ей просто снится страшный... вернее, до нелепого тупой сон? Да уж... Не повезло. Лучше бы ей снились тропики, пляж или бабочки.

И тут взвыла сирена.

Дежавю.

«Внимание. Всем находящимся на борту корабля немедленно отправляться к спасательному катеру. Расчётное время отстыковки катера – семь минут. Время до предполагаемой гибели корабля – двенадцать минут».

Если это был сон, то какой-то слишком реалистичный.

Кира ещё успела увидеть перекошенное лицо Саблезуба. Ага, видимо, пугать эвакуацией других веселее, чем столкнуться с ней самому. Это она ещё успела подумать.

А потом её накрыла паника.

Все бегали. Орали. Толкались. Главный курсант кричал что-то резкое, выпучив глаза и тряся кулаком, который так и не успел разжать. После его крика, похожего почему-то на речитатив, остальные курсанты развернулись и куда-то дружно бросились рысцой. Кира, ни на миг не задумавшись, побежала за ними следом.

Ей казалось, что если она упустит из виду курсантов, то всё – останется одна посреди одинаковых пустых коридоров. Просто не найдёт путь к катеру. Это была самая настоящая паника – дикая, некрасивая и неуправляемая. Кира никогда не думала, что она такая паникёрша. Предпочитала считать, что в случае чего сможет взять себя в руки и принимать холодные, расчётливые решения. Ага, как же! Сейчас она ни о чём не думала, просто бежала куда-то, а сердце так сильно билось и дёргалось, будто вот-вот выпрыгнет наружу и шмякнется на пол, воздуха не хватало, и всё время что-то глухо звенело в ушах.

В прошлый раз было проще, потому что поблизости были взрослые. Капитан ждал у входа в катер. Вокруг было полно людей, которые понимали, что происходит и знали, как правильно поступить.

Сейчас же эвакуация отягощалась тем, что происходило непонятное. А вокруг только Саблезуб, Пустота или им подобные личности.

В люке спасательного катера, который был размером с

нормальную дверь, образовалась толкучка. Все спешили, пытались пролезть дальше от входа, хотя места по всему катеру были одинаковыми. Кира пробилась вперёд, прошла чуть вбок, оперлась рукой о стену катера и остановилась. Она почти не могла дышать. Она потерялась и просто не понимала, что делать. Она в катере. Что дальше?

Кто-то дёрнул её вниз и усадил в кресло. Наклонился, вытащил и застегнул ремень безопасности.

Это был Никита. Он был совершенно спокоен. Наверное. Его губы не дрожали, глаза не моргали каждую секунду, как у Киры. И он не бегал вокруг с воплями, а работал с таким невозмутимым видом, будто всё идёт в штатном режиме и повторяется каждый божий день.

Щелчок закрытого замка, затянутый фиксирующий ремень, потом кислородная маска, которую он повесил ей на шею. Никита чётко проделал всё, чего требовала инструкция по действиям в экстремальной ситуации. Инструкция, о которой Кира и не вспомнила.

Она, наконец, поймала его взгляд. И прошептала:

– Мы умрём?

– Я не знаю.

Глаз он не поднимал. На щеке проступила длинная царапина, а ворот тёмно-серой футболки был вытянут, будто за что-то зацепился. Кира отчего-то ясно увидела эти мелочи и запомнила их, будто разум попытался ухватиться за что-то обыденное, чтобы не утонуть в панике.

– Дыши медленно и глубоко.

Кира тут же послушалась. Действительно, стало легче.

Пристегнув ремни и проверив надёжность креплений, подёргав их хорошенько, Никита отошёл. Противоположный ряд кресел занимали курсанты – чётко и быстро. Каждый пристёгивался самостоятельно.

Рядом в кресло упала и забралась с ногами Пустота. Она выла. Длинные волосы успели каким-то непостижимым образом скататься в сосульки.

– Сядь нормально и пристегнись, – прошептала Кира. Глубоко вдохнула. Сирена завывала, корабельный голос отсчитывал время. Оставалось тридцать секунд. – Дыши медленно и глубоко. Давай!

Пустота, не прекращая подвывать, села рядом и стала пристёгиваться. Потом схватила Киру за руку, вцепилась в неё, как коршун.

– Не отпускай меня! Пожалуйста!

– Не отпущу.

Все кресла вокруг уже были заняты. Кира рассматривала народ и чувствовала, что её трясёт. Где девчонки? Они здесь? Или остались в каюте? Вокруг, в основном, курсанты. Но вон... Ахлейн, за ним Зои, а потом Анита. Анита здесь – значит, девчонки успели. А остальные? Сколько на корабле было народу? Три дюжины студентов, чуть меньше курсантов. Или больше?

А дальше катер вздрогнул, заскрежетал и стартанул.

Кира закрыла глаза. Её сильно прижало к креслу. Но всё в порядке, это нормально: отстыковка сработала, они в безопасности.

Полёт продолжался всего несколько минут. Наверное, катер должен был отлететь на безопасное расстояние от корабля, подать сигнал бедствия и ждать помощи. Вначале так и было, но после катер как-то странно накренился, его развернуло вокруг оси и затрясло. Не так, как при обычном полёте. А потом будто дёрнуло и резко куда-то потащило.

Объяснение такому полёту в голову пришло только одно. Яркой вспышкой, полным осознанием, настоящей бедой.

Кажется, с расстыковкой опоздали. Или неправильно рассчитали время. И сейчас катер, как и корабль, попал под действие гравитации и падал... падал на какую-то планету. Стены трещали, и если открыть глаза, то, наверное, можно будет увидеть, как тонкие панели ходят ходуном. Как по ним плывут волны от давления, как те приподнимают их раз за разом, всё выше и выше, пока, наконец, не сломают. И в щели тут же хлынет ледяной воздух, и яркий свет, и... катер развалится.

Вниз упадут только горящие куски.

Кира не смотрела. Она изо всех сил жмурилась, сжимая руку Пустоты.

А потом катер развалился.

Глава 3. Зажигалка

Это было что-то... Это было. Она жива.

Кира разлепила глаза. Болело всё. Но катер не двигался, не горел и не развалился. А должен был?

Она нахмурила лоб, пытаясь вспомнить. Они летели? Пали? Или что? И корабль... взорвался? Или нет? Вот он, целый...

Кира ничего не помнила. Левое запястье пронзило болью. Это Пустота так и продолжала сидеть, всхлипывая, и сжимать руку Кире мёртвой хваткой. Та уже онемела.

– Отпусти, – прохрипела Кира. Пустота не послушалась, и пришлось с силой дёргать рукой. Кисть закололо, когда она освободилась, и стало восстанавливаться кровообращение. Соседка тут же сжалась и спрятала руки на груди, завесилась волосами.

Потом пришлось заново учиться дышать. Пахло гарью, металлом и пластиком, но огня не было видно.

Неизвестно через сколько времени Кира встала. Большая часть сидений уже опустела. Несколько человек осоловели хлопали глазами, приходя в себя, ещё часть брела по проходу к открытому люку, из которого лился свет.

Кира прошла к аварийному выходу и выбралась наружу. Задержала дыхание и огляделась.

Вокруг расстилалась пустошь, поросшая клочками се-

ро-зелёного леса. Катер, похоже, опустился или упал на какой-то каменистый холм, и отсюда хорошо просматривались окрестности. В одной стороне виднелся островерхий горный хребет, в другой холмы поднимались вверх и зарастали лесом густо-густо, ещё две стороны уходили вниз и плохо просматривались. И сколько бы Кира ни смотрела, она не видела ни единого строения или иного доказательства существования тут разумного населения. На горизонте не высились города, не были обустроены каналы или дороги, не отмечалось и следа человеческой деятельности.

Но был воздух. Лес напоминал земной. Но это не Земля. Они упали, упали... Неизвестно где.

Скоро их начнут искать, вне всякого сомнения. Возможно, уже начали. В спасательном катере, где находилась команда корабля, связь наверняка была – они же находились в местах, по которым проложены популярные туристические маршруты. Так что после пропажи корабля команда на катере сразу подала команду SOS. А может, и раньше, как только поняла, что произошло: студенты АМКи захватили корабль.

И если Киру искать практически некому – ну что может поделывать одинокая тётка-пенсионерка? – то за своих любимых деток владельцы корпораций любому пасть порвут. Искать будут.

Только найдут ли? Кира сглотнула.

А с другой стороны – они ведь живы! Учитывая, сколько дебильных поступков подряд совершил Саблезуб со своей

дурной компанией, они всё же живы!

– Так, все очухались? – вдруг громко крикнул чей-то голос. Кира оглянулась – тот самый курсант, который ими командовал при эвакуации (с большими кулаками и квадратной челюстью). На вид ещё более злой, чем прежде. – Все целы? Помощь никому не нужна?

Раздались вялые ответы. Раненых было только двое: одна девчонка при посадке разбила лоб, а Шпрот прищемил руку. Теперь его ладонь была синяя и распухшая.

Курсант проверил, убедился, что пальцы на руке Шпрота шевелятся, с ненавистью взглянул на него и сказал:

– Собираемся! Живо!

Неподалёку курсанты уже сбились в кучу на свободной от камней площадке. Их главный выскочил вперёд, запрыгнул на плоский камень. Хотя и без этого был тут самым высоким.

– Все сюда! Ближе. Давайте, подходите!

Курсанты окружили его первыми. Студенты АМКи не спешили следовать их примеру – они не были хорошо организованы и до сих пор бродили как призраки, смотря по сторонам и друг на друга дикими пустыми глазами. Большинство находилось в шоке.

Пожалуй, им не помешает немного порядка и вменяемого командования, подумала Кира. И пошла к курсантам, по пути схватив за руку Вафлю. Живую. Нужно было порадоваться, но чувства словно потухли, подёрнулись дымкой равнодушия.

Или, может, это сон? Тогда понятно, почему чувства словно снегом припорошены.

– А ну, все сюда немедленно! – прикрикнул курсант, теряя терпение. После окрика студенты принялись сползаться к нему, хоть и спотыкаясь, но куда бодрее.

Через некоторое время все собрались в одном месте.

Курсант с квадратной челюстью обвёл всех тяжёлым хмурым взглядом.

– Я – Лука. Командир курсантов Космодемии данного созыва. Теперь попробуем разобраться, кто такие вы.

Кира поморщилась: и голос у него слишком громкий, дребезжащий, и слова слишком непонятные для данной ситуации. Что за бред он несёт?

Но все молчали.

– Ты! – курсант ткнул пальцем в Саблезуба, а после схватил за грудки и подтащил к себе поближе. – Куда вы нас забросили?

– В смысле? – вяло спросил Саблезуб. У него на лбу виднелся синяк – видимо, тоже головой приложился.

– Где мы? Что это за планета? Почему упал катер?

Не дождавшись ответа, курсант стал трясти Саблезуба, как куклу. Тот смешно дёргался и вяло пытался освободиться.

– Сейчас же говори, гнида, где мы, иначе я тебе все зубы пересчитаю!

– Да ты знаешь вообще, кто я такой?

Кира скривилась и покачала головой. Ой, не тот тон выбрал Саблезуб, не тот.

Курсант коротко ткнул «великого человека» кулаком в живот, Саблезуб икнул и застонал.

– Плевать мне, кто ты такой, понял? Говори, где мы. Я больше ждать не буду.

– Да не знаю я! У Шпрота спросите. Он нас портовал.

Лука отпустил Саблезуба, и тот медленно побрёл прочь, заплетаясь ногами, и сел подальше на один из валунов.

– Где Шпрот? – спросил курсант у толпы.

– Я это, я! – Шпрот, широко улыбаясь, вышел из толпы и поднял руки. – Я рад, что все мы живы! Это круто! Планета с кислородом, обалдеть! А вот где мы, я не знаю.

Лука медленно осмотрел его. Кудрявая шевелюра Шпрота распушилась, и теперь его голова походила на радостный одуванчик. Улыбка сияла до ушей, а полосатый свитшот на фоне однотонной одежды остальных сильно выделялся какой-то несуразной абстракцией.

Обижаться на Шпрота всегда было крайне затруднительно. Как говорится, рука не поднималась. Даже Лука поумерил пыл.

– Как не знаешь? Ты же выставлял прыжок.

– Я выставлял. Да, признаю, это был я. Но координаты уже имелись. Их внесли заранее. Саблезуб, кто и какие координаты вносил? Честно, я понятия не имею! Я же просто автопилот включил. Ну знаете, нажал кнопку «пуск».

– Просто автопилот включил? – зарычал Лука. Остальные курсанты тоже загудели, и весьма агрессивно.

Кажется, они в этом больше меня понимают, подумала Кира. Сама она не видела ничего преступного или ненормального в том, чтобы запустить автопилот. На Земле давно уже весь транспорт на автопилоте. В космосе корабли в большинстве своём на автопилоте. Да чего там, на поверхности Земли в большинстве случаев отключать автопилот было вообще запрещено! За это могли реально оштрафовать!

Но судя по гулу, в данной ситуации автопилотом пользоваться было никак нельзя.

– Туристический лайнер не мог прыгнуть по абы каким координатам. Такое доступно только военным кораблям. Да и откуда они могли взять координаты? Не выдумали же сами. Только из справочника разведанных планет, – раздался женский голос. Снежная Дева говорила так уверенно, холодно, что даже Лука опустил голову, прислушиваясь. – Значит, мы прыгнули к планете, которую обследовали и сочли пригодной для жизни. Поэтому мы дышим, и жить здесь тоже можно. По крайней мере, некоторое время. Дальше... Спасательный катер, вполне вероятно, тоже направлялся сюда, как к самой вероятной точке для спасения. И допускаю, что на планете остались какие-то следы человека. Заброшенные исследовательские базы или комплексы по добыче полезных ископаемых.

– Думаешь, планета обитаема? – спросила какая-то кур-

сантка.

– Нет, – Снежная Дева покачала головой. – Была бы связь. Да и эти... умники наверняка выбрали координаты пустой планеты – они же выпендриться хотели, – на её лице впервые возникли какие-то эмоции – Снежная Дева с ненавистью глянула в сторону, где сидел Чёрный Огонь. Тот ответил ей не менее агрессивным взглядом.

– Как я и думал, – тяжело сказал Лука. – Ни мозгов, ни умения, один тупой гонор.

– Никто не хотел неприятностей, – миролюбиво сказал Шпрот, всё так же широко улыбаясь и держа руки поднятыми.

– Есть ли шанс, что на планете существует разумная жизнь? – спросила коротко стриженная курсантка. Та самая, единственная среди них блондинка. Её голос был таким мягким и тихим, что вопрос еле расслышали.

– Нет, – Снежная Дева с сожалением покачала головой. – Если бы была разумная жизнь, пусть даже примитивная, оставили бы пункт наблюдения за ней. То есть мы бы смогли установить с ними связь. Здесь пусто. Мы одни.

– Да ничего страшного, скоро за нами прилетят, – сказала какая-то студентка. Часть народу повернулась к ней и взглянула с недоумением, а часть только кивала, будто была согласна с этим утверждением.

Лука немного помолчал и приказал курсантам:

– Ко мне!

Они отошли подальше в сторону и зашептались. Главарь что-то объяснял, и большинство согласно кивали. Недовольно хмурились разве что двое-трое, но и они, посмотрев на остальных, согласились. Блондинка взглянула на студентов украдкой и тут же отвела глаза, словно от стыда.

Похоже, курсанты пришли к общему решению. Лука вернулся к студентам, уставился на них с угрюмым видом и сообщил:

– Так, слушаем сюда. Мы уходим. Вас, недоумков, не хотим видеть. Вон те горы на горизонте будут северным направлением. Значит, мы будем находиться по левую сторону, вы – по правую. Тут, у катера, будет линия разграничения. Сидите тут, валите куда хотите – без разницы. Но к нам лучше не приближайтесь! Всё понятно?

– Как уходите? А мы? Вы же курсанты! – раздались недоумённые голоса студентов АМКи. – Курсанты Космодемии! Вы не можете бросить гражданских!

– Бросить? Да мне вас удавить охота! – Лука выдвинул челюсть и подался вперёд, а остановился, только уперевшись взглядом в Снежную Деву, которая так и стояла соляным столбом на пути, задрав подбородок. Скривился. – Вы все только и делаете, что на нас ездите. Такие, как вы! Владельцы корпораций, золотая кровь! – передразнил он. – Всю свою жизнь на нашей шее! Хоть сдохнете тут, придурки – и пальцем не пошевелим! Сами виноваты.

Кира с удивлением проводила взглядом его, а потом их

всех – курсанты на самом деле уходили. И посматривали назад, на студентов АМКи с презрением и злорадством. Кире тоже досталась пара подобных взглядов.

Точно! Она поняла! Они решили, что тут все до единого – наследники корпораций.

Кира чуть не рассмеялась. Забавно, ничего не скажешь: впервые в жизни её приняли за богачку, и как раз тогда, когда выгоднее оставаться простой студенткой.

В остальном курсанты правы: сами виноваты. И никто не станет разбираться, что верховодил Саблезуб, а помогали ему всего несколько человек. Нет, всех станут под одну гребёнку грести.

Кира оглядела студентов. Как дошкольники какие-то несмышлёные, стоят с унылым видом, будто игрушки растеряли и не знают, где искать. Даже Зои как-то скисла – сидит, обхватила голову руками и смотрит в землю.

Никто не знает, что делать. Где же их хвалёные лидерские качества? Почему никто не вскочил и не крикнул, что нужно делать? Почему не убедил, что всё будет в порядке? Ни воды, ни еды, ни крыши над головой. Ни-че-го.

Голова вдруг закружилась. Стало так тяжело, что Кира развернулась и побрела на катер. Вошла и уселась в ближайшее кресло. Нужно было что-то решать, о чём-то думать, но голова отказывалась работать. Кира откинулась на спинку и замерла – так виски ломило меньше.

Тело онемело от запоздалого страха. Хотелось просто си-

деть, пусть пройдут года – и пусть будет, что будет. С закрытыми глазами. Отключиться. Забыть обо всём. Не думать.

Она зажала уши руками и долго-долго сидела, прокручивая в голове перечень вещей, которые разрешили взять с собой в полёт. Десять пунктов, включая одежду и средства личной гигиены. Повторение зазубренного материала всегда успокаивало, а сейчас позволило уйти от ненужных мыслей.

Ненадолго.

Рядом всхлипнули. Кира встрепенулась: одно дело самой сидеть, страдать, но зачем ей компания? Сейчас ей никто не нужен, даже Вафля, с которой они вроде неплохо жили. А упали на чужую планету – и она даже не знает, что там с соседкой по комнате. Как она спаслась, о чём думает, чего боится?

Но это была Пустота. Она съёжилась на сидении неподалёку и как только заметила, что Кира обратила на неё внимание, сразу заняла:

– Я не знаю, что делать, ы-ы-ы-ы...

– Я тоже не знаю.

– Я так боюсь. Боюсь наружу выйти. Там же... там ничего нет. Где мои родители? Где дом? Кто мне поможет...

Смотреть на Пустоту, пускающую слюни, было невыносимо противно. И жалко её тоже было.

Невыносимо.

Кира встала и ушла, а сердце ёкало: как-то неловко было оставлять за спиной плачущего человека. Да что там плачу-

щего? Рыдающего в три ручья! Но ещё сложнее оставить за спиной наследницу огромной корпорации так просто, будто она ничего собой не представляет. Ха!

Здесь и сейчас, и правда, ничего не представляет, равнодушно подумала Кира.

Снаружи было всего несколько человек, в основном таких же растерянных, как и раньше. Кто-то хихикал, кто-то водил ногами по земле, вороша камешки, кто-то осоловело пялился по сторонам.

Ещё бы! Вокруг расстился незнакомый мир, лишь на первый взгляд похожий на Землю. Солнце не жаркое, оранжевое, как апельсин. Но может, просто холодное время года? Ветер дул, как дома, и звенело какое-то насекомое... или животное. Звук был, как у цикады, разве что в несколько раз тише. Вот запах был незнакомым, каким-то растительным. Деревья? Трава? Земля?

– Где остальные? – громко спросила Кира.

Кто-то отреагировал на вопрос, кто-то нет. К ней подошла Оленька:

– Там воду внизу нашли, многие спустились попить.

– Ты ходила?

– Да.

– А... можно эту воду пить?

Оленька пожала плечами и ничего не ответила.

Кира зажмурилась на секунду и снова уставилась вдаль. Можно, нет – у них нет выбора. И откладывать смысла нет.

Даже если те, кто выпил воду первыми, отравятся – что это изменит? Или так умирать, или от жажды.

Она развернулась и пошла в указанную Оленькой сторону. Дорога вниз была лёгкой, уже намечалась тропинка: примятая травка, обычные камешки, разве что оттенки у этого всего непривычные, да на поверхности какие-то розовато-белые разводы и пятна. Местные растения выглядели почти как земные, только в большинстве своём скрюченные какие-то и опутанные ветками друг друга. На самых многочисленных деревьях с узкими изумрудными листьями висело много плодов. Или семян, кто его знает. Размером с орех, тёмно-фиолетовые, глянцевые. Похоже, насколько они съедобные, тоже вскоре предстоит выяснить.

У подножья холма между деревьями вился вполне себе обычный ручей. Ну, по крайней мере, похожие были в национальных парках, где сохраняли природу в естественном состоянии. Кира, конечно, никогда не пила из ручья или из любого другого природного резервуара, но к счастью, в этом не было ничего сложного: зачерпываешь рукой и ко рту подносишь – вот и все чудеса. Вода была на ощупь чуть плотнее, чем-то неуловимым похожая на жидкий гель, но пахла привычно – в общем, Кира не раздумывала. В горле давно пересохло.

Напившись, она сразу почувствовала себя лучше. Правда, теперь захотелось есть, в животе забурчало и заныло, будто там сидело живое существо. Желудок ожил. Но нет, с едой

стоило подождать. Конечно, рано или поздно кто-нибудь попробует эти плоды, которые призывно висят на окружающих деревьях, но...

Знать бы, где они, на какой планете. Хотя бы примерно. Тогда Оленька могла бы напрячься и осчастливить всех дозой полезной информации.

Кира ещё какое-то время сидела у ручья и смотрела на водяные блики. Сколько времени прошло? Местное солнце, казалось, застыло на месте, тени не двигались. По небу плыли маленькие тёмные облака, но тоже еле-еле. Наверняка, тут сутки длятся дольше. Сколько же?

Она включила свой экран. Прошло почти девять часов с обеда, который так и не состоялся, то есть с того момента, когда она смотрела время в последний раз.

Поблизости зашуршали шаги.

– Эй, народ! Давайте, все наверх поднимайтесь – нужно поговорить. Давайте, давайте, мы ждём.

Надо же, Дарвин вдруг стал разговаривать вежливо. И вертит головой, смотрит так заискивающе, словно просит сделать ему одолжение. Обычно толстяк только бурчал и повторял, чтобы все от него отвалили. Теперь вдруг передумал.

Студенты понемногу стали подниматься и возвращаться к катеру.

«Что мы имеем?» – думала Кира, делая шаг за шагом. Сил было маловато, особенно учитывая, что ела она в последний раз много часов назад. Мы не имеем ничего, никаких ин-

струментов. Мы не сможем разжечь огонь, выстругать копьё и построить крышу над головой.

Как это вообще делается?

Сколько мы продержимся на воде и фруктах? Сумеет ли дожждаться помощи?

Так, нет – об этом думать слишком страшно.

У катера она подошла к площадке, где уже состоялся один разговор, с курсантами, и села то ли на травку, то ли на мох. В общем, на что-то мягкое. Рядом устроилась Зои, её глаза были окружены тёмными пятнами, а губы скорбно поджаты.

Прошло немало времени, прежде чем собрались остальные. Расселись вокруг мрачными тенями. Вели себя так тихо, словно царил всеобщий обет молчания.

Вперёд вышел Саблезуб.

– Хм. Ну, и угрюмые у вас рожи! Да расслабьтесь! Мы собрали информацию. Всё в порядке. Это чтобы вы не паниковали и не выли, как припадочные. Не сигнали с горы и не бились головами о камни.

– Почему ты так говоришь? У неё была паническая атака! – закричала какая-то студентка в малиновом костюме. – У тебя тоже могла быть!

«Ну вот, – мимоходом отметила Кира. – У кого-то был припадок». А она даже не слышала ничего. К счастью.

– Но не было же. И не я выл и по земле не катался, как умалишённый. Так, не перебивай, – отмахнулся Саблезуб. – Назира, иди, расскажи, что узнала.

Назира встала с камня. Университетская «дикарка», которая тщательно избегала всех развлечений и не водилась ни с кем из корпоративных деток, хотя и была одной из них. Впрочем, вообще с людьми не водилась. Зато у неё в поместье был свой модифицированный тигр и настоящие лошади и собаки. Назира обладала тёмным скуластым лицом и чёрными глазами, а волосы красила в рыжий цвет. У неё были крутые бёдра, но короткие ноги. Поначалу её прозвали Бес-тия, но кличка не прижилась.

– Вначале самое главное: мы с вами находимся на планете, пригодной для жизни, – начала Назира своим напевным голосом. – Почти обитаемой.

– То-то здесь не протолкнуться от людей, – буркнул кто-то.

– Планета пригодна! Жить тут можно. Радуйтесь, что кислорода достаточно. Но мы не с того начали. Вначале хорошие новости! Перед полётом каждый из нас получил марку Дольцера. Это такой нано-прибор, напоминает пластырь, который нам всем приклеили к пояснице. Ещё примерно два месяца мы в безопасности в плане здоровья. Эта марка отслеживает состояние организма, нейтрализует яды и вредные вещества в случае, если те попали в организм, доставляет необходимые витамины. Даже как противозачаточное средство действует. Девчонки в курсе, цикл у всех остановлен.

– Это мы всё знаем! И что дальше? – спросил кто-то.

– Значит, два месяца мы в относительной безопасности. За это время, если нас не найдут, мы должны суметь тут устроиться.

– Два месяца? Вы что, да вы в своём уме? – пронзительно завопила Пустота, её голос дрожал. – Я не буду тут два месяца сидеть!

– Ну, можешь уйти, – фыркнул кто-то.

– Нас найдут, – убеждённо заявила Пустота. – Уже скоро! Назира покачала головой.

– И тут плохие новости. К сожалению, могут найти не так быстро, как бы нам того хотелось. Думаю, лучше готовиться к худшему.

– С какой стати? Я не собираюсь тут жить! – Пустота выскочила в центр, к Назире, и как волчок обернулась вокруг своей оси. Её сбившиеся в комки волосы болтались, как звенящие на ветру палочки из восточных подвесок. – Нас найдут!

– Сядь! – прикрикнул Саблезуб, а когда Пустота не послушалась, грубо схватил её и оттолкнул в сторону.

– Итак, первое: у нас есть марки, это уже плюс, – продолжала Назира. – Второе – тут должны остаться базы разведки, это как минимум. Разные организации, которые одновременно ищут что-нибудь полезное. Если повезёт, тут есть ещё и исследовательские точки! В любом случае, тут есть несколько баз. Понятно? Иначе планеты не было бы в списке доступных для прыжка. Нужно их найти.

– Несколько баз? Да мы годами можем бродить по планете и ни черта не найти! – возразил кто-то. Кира молча согласилась. На поверхности целой планеты несколько баз?! Это одна на сколько тысяч квадратных километров? Да курам на смех!

– И всё же будем искать. Они разбросаны далеко друг от друга – конкуренция, сами понимаете. Каждый прятался от остальных, чтобы в случае чего не делиться ценными находками. Какую-нибудь, да найдём. Даже на заброшенной базе масса вещей, который нам пригодятся. И крыша над головой. И, вполне возможно, связь. А если базу укомплектовывали на случай возвращения – там будут и еда, и медикаменты, и маяки с дальним радиусом действия! И тут последний, третий момент. Марка действует не только в медицинском смысле – это ещё и зарядка для ваших гаджетов.

Вот этого Кира не знала. Сейчас гаджеты были бесполезны. Будь там хоть все удобства и знания мира, толку от них, если сядет зарядка?

Пока с их помощью можно было бы разве что попытаться отправить сообщение или установить связь с теми, кто будет их искать. Конечно, если искать будут поблизости.

Но если зарядка будет постоянной... Это же просто праздник!

– Наш спасательный катер обладает автономной антенной. Я проверила – она в рабочем состоянии. Это значит, что сигнал бедствия будет подаваться автоматически, и как толь-

ко поблизости окажется подходящий корабль – он сразу его примет. И это ещё не всё! Эта антенна позволит нам также поддерживать связь. То есть в радиусе её действия мы можем друг другу звонить и писать. А вместо зарядки использовать марку. Она заряжает наши гаджеты! Правда, заряжает плохо и медленно, – вздохнула Назира. Ну конечно, стоило только обрадоваться! – Несколько дней нужно для того, чтобы ваш экран работал хотя бы несколько минут. Так что заряд экономьте. Ну, и это всё.

Она словно выдохлась, как-то растерянно огляделась и отошла, смешавшись с остальными.

Кира вздохнула. Да, несколько минут каждые несколько дней – это почти ничего. И всё же, это какая-никакая связь. Кажется, в их положении нужно радоваться любой мелочи.

– И что дальше?

Чёрный Огонь сидел неподалёку и зло смотрел в сторону Саблезуба.

– Дальше-то что?

– Дальше пойдём искать базы. Туда, – наглым тоном заявил тот.

Кира вместе с остальными глянула в указанную сторону. И, конечно, не поняла, почему именно туда.

– Всё нормально будет. Заживём, как в средневековье. Будете меня слушать, делать, что говорю. Будете мои холопы, а я буду ваш царь. И всё будет зашибись!

Саблезуб расхохотался, хотя что тут смешного? Как-то

тревожно звучало. И весь его вид, такой самодовольный и предвкушающий, ничего хорошего не обещал.

– А я думаю иначе, – вдруг решительно сказал Чёрный Огонь. И встал.

И начался скандал. Взорвался, как граната.

Если коротко, Огонь обвинял Саблезуба в том, что они тут находятся. Что по его вине они застряли неизвестно где и неизвестно, чем это всё закончится. И заявил, что собирается действовать сам по себе, и что там Саблезуб вякает, для него значит ещё меньше, чем звук вакуума, то есть ни-че-го. Он намерен взять своих самых проверенных друзей и найти базу самостоятельно, без указок человека, который просрал всё. А тот пусть себе другую компанию ищет.

Потом они припомнили друг другу всякие случаи, о которых Кира не знала и знать не желала. Спорили, в какую сторону имеет смысл идти. Чёрный Огонь считал, и вполне разумно, по мнению Киры, что двигаться нужно на север, где высились горы. С высоты, возможно, удастся что-нибудь заметить. А Саблезуб утверждал, что двигать нужно на восток от катера – там лес пропадает и пусто, значит, видимость лучше.

Когда их разборки всем порядком надоели, в разговор вступила Зои и заявила, что они оба пусть хоть загрызут друг друга – ей плевать, кто главный. Ей такая компания не нужна. Что пусть они все дружно и резво валят отсюда, а она соберёт девчонок и будет ждать помощи у катера. Что от пар-

ней больше проблем, чем помощи. По их вине они тут, оба виноваты, и доверять после такого что Огню, что Саблезубу станет только тот, кто тупой и ещё тупее.

Ей посоветовали закрыть варежку. Она ответила, что пусть следят за своей... К ней присоединились другие девочки, и потом уже среди воплей было не разобрать, кто что кричал.

Склока была такой громкой и безобразной, что Кира не выдержала. Ушла и спряталась на катере, забилась в какой-то угол подальше от люка.

Смогут ли они вообще выжить? Даже думать не хотелось. Но, судя по всему, бесполезно ждать хоть какой-то вменяемой организации от тех, кто сейчас устраивает разборки снаружи. Какие из них вообще лидеры, руководители? Психованные придурки! Думают только о себе и о том, как бы друг перед другом выпендриться.

И вот в какой-то момент, чтобы не слушать крики, Кира стала прислушиваться хоть к чему-нибудь другому.

И услышала звук. Сползла с кресла и пошла в другой конец катера. Там, на последнем ряду кресел, она увидела Никиту. Тонкая ткань футболки обтягивала его согнутую спину, на которой чётко выделялись острые позвонки.

Кира не сразу поняла, что он делает. Пришлось подойти ближе.

На одном из мягких сидений лежал большой плоский камень, на камне – пряжка от ремня безопасности. Вторым

камнем Никита долбил по краю пряжки, выравнивая в ровное и острое лезвие.

Кира остановилась напротив. Он делал нож? Тесак? Скальпель? Неважно, он делал какой-то инструмент, которым можно резать или хотя бы пилить. Да, действительно, в современных реалиях – полезная штука. Что тут в катере есть? Только кресла, монолитная основа с мягкой обивкой да ремни безопасности. Сиденья можно распотрошить и использовать как матрасы, но чем потрошить? Всё упирается в нож. Нож в их положении круче банковской карты с кучей денег на счету.

Никита покосился на Киру и продолжил стучать. Звук был глухим.

– Здесь камни другие, хорошо. Стучат тихо, – сказал он между делом.

– Что ты собираешься делать с этой штукой?

– Посмотрим.

Кира смотрела на его склонённую голову. Тонкая шея, затылок такой незащитный. Сам худой, а руки большие – выделяются, как лапы у щенка крупных пород. Из таких щенков вырастают здоровенные кабели, но ведь он не щенок – он, как и Кира, уже совершеннолетний.

Снаружи донёсся очередной громкий вопль.

– Они ругаются, – сказала Кира, посмотрев в сторону выхода.

– Да.

И больше ни слова.

– Если бы ты тогда меня не остановил, ничего бы этого не было! Мы бы сюда не попали!

Его руки замерли на секунду, а после продолжили стучать, как ни в чём не бывало.

– Почему ты молчишь? Нечего сказать?

– Тебе тоже нужен нож. Рукоятку можно сделать из ремня: обмотать здесь, где петля, и прижечь на огне, чтобы расплавился материал. Несколько раз плавить, пока ремень не превратится в твёрдую рукоятку. Проверь, чтобы была удобной и хорошо держалась в руке. Чтобы ничего не торчало и не кололось. Пока рукоятка горячая, её можно подровнять камнем, как пластилин. Поняла?

Он показывал пальцем, куда именно и как нужно приделывать рукоятку.

– У меня нет огня, – с отвращением ответила Кира.

Он снова промолчал, отвернулся и принялся долбить с такой силой, что кресла дрожали.

Снаружи кричали всё громче и громче. Может, даже дрались. Кира не хотела этого видеть и слышать. Ей казалось, в сложившейся ситуации нужно держаться вместе, помогать друг другу, искать выход, но ничего этого не будет. Саблезуб уже хочет завести себе рабов, будто одного ему мало, а Чёрный Огонь, хоть и тянет на себя одеяло, совсем не ради блага остальных. Нет, просто ему тоже хочется управлять. И Зои... так ли разумно делить всех по полу? В чём смысл? Не

может же Зои не понимать, что если соберёт только девчонки, это никак не поможет им выжить.

Чёрт! И разговаривать бесполезно. Если Кира полезет между ними и попытается что-то объяснить, слушать никто не станет. Она для них всё ещё приبلудная бюджетница, второй сорт и права голоса не имеет.

Тут раздались тихие шаги. Никита бросил работу, выпрямился и настороженно застыл.

От входа неторопливой походкой шёл Ахлейн. Его развевающаяся шёлковая рубашка всё ещё была чистого, благородного цвета слоновой кости, а взгляд – безмятежным, как у настоящего восточного мудреца. За его левым ухом виднелся чёрный матовый шарик вирту-станции – устройства, напичканного всякими модными и не всегда полезными, зато всегда дорогими штуковинами.

Забавно, что без зарядки даже от вирту-станции было мало проку.

– Кто тут? – мягко улыбаясь, поинтересовался Ахлейн, спрятав руки в рукава. Несмотря на его показную мягкость, жест получился угрожающим, будто у него там припрятано оружие. Он окинул обоих внимательным взглядом: – У вас тут романтик, что ли, наметился? Время ли его устраивать?

Пожурил, будто добрый друг. Только Кира видела, какие холодные у него глаза.

И она, и Никита промолчали. Ахлейн продолжил свой путь, прошёл к стене и стал бродить вдоль неё, рассматри-

вая обшивку. Минуту, другую... Что он мог искать на пустой стене?

– Ты что-нибудь ищешь? – не выдержала Кира. Никита вернулся к долблению пряжки, но тоже поглядывал на происходящее одним глазом.

– Что-нибудь?.. – Ахлейн перестал осматривать стену и подошёл. Бросил взгляд на сиденье, где пряжка уже весьма походила на кривое, но острое лезвие. – Да, можно сказать, ищу, – задумчиво заговорил он. – Ищу какие-нибудь наборы для выживания. Вы знаете, что в маленьких катерах есть целые отсеки, забитые полезными предметами? В больших же они не предусмотрены... как все считают. Цель большого катера – спасти как можно больше человеческих жизней, а не поддерживать их функционирование. Но может, кто-нибудь подстраховался? Вдруг кто-нибудь решил усовершенствовать содержимое именно этого спасательного катера? Какой-нибудь выживальщик? Нам бы пригодилась любая помощь.

– Если бы тут были наборы, наверное, курсанты знали бы? – Спросила Кира.

Ахлейн снова остановился, глянул на неё искоса, быстро, не поворачивая головы. Сверкнули тёмные глаза.

– Курсанты?.. Курсанты ушли не просто так. Никто, похоже, не заметил, что у большей части курсантов были пояса и скрытые системы ношения? Они хорошо подготовились. Наборы быстрого реагирования, м-м-м... Со стресс-те-

стов остались, видимо. Там наверняка анализаторы воды и воздуха, витаминные комплексы, лекарства. Возможно, оружие. Но главное – подозреваю, у них завалялось и несколько медицинских нано-крестов. Тех самых, что могут спасти жизнь – залатать тело, даже если его прошло насквозь. Так что дорогие курсанты не просто так нас бросили... Они бросили нас умирать. Но не могу их судить. Всё это богатство пригодится самим. Кто его знает, как бы мы поступили на их месте.

Никита на миг поднял голову и продолжил заниматься своим делом. Кире услышанное, конечно, не понравилось. Мягко сказано. В то, что курсанты куда лучше были оснащены и скрыли это от остальных, она сразу поверила. Вот та последняя деталь, которая расставила всё по своим местам. Что-то было непонятное в скорости, с которой Лука принял решение уйти. Что-то не укладывалось в систему. Но если учесть припасы... всё сходилось. Да, приятного мало. Но она только вздохнула и покачала головой. Решение курсантов на их совести.

– Правда, если нас всё же вытащат, – продолжал, словно раздумывая, Ахлейн, – то их всех с позором уволят из Космодемии или из спецвойск – в общем, наказания им не избежать. Своё будущее они профукали. И вот на фоне всего этого вырисовывается очень интересная штука... – он эффектно вскинул голову. – Раз они рискнули своей карьерой, а военную карьеру ох, как непросто строить... Видимо, они

были уверены, что нас не найдут.

Никита вдруг стукнул по пряжке с такой силой, что камень отскочил и ударился в стену. Раздался глухой звук.

– Ну, ладно, – Ахлейн проследил за полётом камня и, как ни в чём не бывало, пожал плечами. – Думаю, мои надежды не оправдаются – ничего там, в стенах, нет. Жаль.

Он неторопливо удалился. Кира провожала его внимательным взглядом и думала, что, пожалуй, он во всём этом происшествии, последствия которого пока не получается охватить своим слабым разумом, единственный спокойный человек – как айсберг посреди бушующего океана. И это, учитывая ситуацию, подозрительно.

Или не только он?

Никита продолжал работать. Его руки уже были покрыты синяками и царапинами, камень часто соскальзывал и бил мимо. Но Кире, кажется, придётся хуже, когда она соберётся повторить обработку ножа. А что ей придётся это делать, к гадалке не ходи.

От голода ли, или оттого, что перенервничала, но силы вдруг закончились. Кира подняла поручни у кресел напротив Никиты, улеглась на сидения, натянула капюшон толстовки на голову, скрючилась, сунула руки подмышки и замерла.

В голове помутилось. Там, на улице, продолжались разборки, напротив упрямо стучал по пряжке Никита, в голове крутились слова Ахлейна об оснащении курсантов, и всё это

сводило с ума.

Хорошо, что на корабле было принято ходить в своей привычной одежде. Советовали спортивный стиль, Кира послушалась, поэтому теперь на ней комплект удобного нижнего белья, носки, кроссовки, футболка, спортивные штаны и толстовка с капюшоном. Вот был бы смех, ходи они в прекрасных платьях и на шпильках!

Так и предстала перед глазами небольшая толпа светских львов и львиц в вечерних нарядах, которые торчат на необитаемой планете посреди пустыря и изумлённо оглядываются по сторонам в поисках фуршетных столов. А-ха-ха-ха!

Кира закрыла глаза, потому что ничего не видела из-за слёз.

А вдруг сейчас просто прилетят спасатели? И не нужно будет ломать голову, что дальше. Не нужно будет бояться, дрожать, обманывать себя, повторять, что ничего страшного или непоправимого не произошло. Повторять, что всё будет хорошо, когда сама ни единому слову не веришь.

Кира отключилась и потерялась. А когда очнулась, наступил вечер. От входа шло совсем мало света. Криков слышно не было.

В самом катере тоже было тихо и пусто. Кира поднялась и подошла к креслу, где работал Никита. Пряжки нет, только торчит кривой огрызок обрезанного ремня. Значит, он смог заострить пряжку и отрезать ремень. Упёртый, ничего не скажешь.

Жаль, эта упёртость не добавляет мозгов. Иначе зачем работать на такую скотину, как Саблезуб?

Снаружи Киру ждал сюрприз. Там почти не было народу, но на камнях неподалёку лежали огрызки плодов – тех самых, что росли повсюду на деревьях. Кто-то знатно подкрепился!

– Они съедобны? – спросила Кира у Вафли, которая сидела неподалёку прямо на земле. Такая чистоплотная во всём Вафля – и на земле. Смотрелось дико. Но хуже того: она выглядела безучастной, как, должно быть, и сама Кира полчаса назад.

– Вроде да. Все едят.

– А как? Кто рискнул?

Кира села рядом с подругой, впервые с момента падения ощутив необходимость общения. Не хватало звуков человеческого голоса.

– Шпрот попробовал.

– Шпрот?

– Да. Вначале Саблезуб кричал, что пробовать должны парни-бюджетники, их не жалко. Но они сбежали.

– Сбежали?! Кто? Куда?

– Да просто отбежали подальше.

– Кто? Все трое?

– Нет, этого своего белобрысого он не трогает. Двух других пытался озадачить. Ну, а те, не будь дураками, сбежали. Так вот, тут Шпрот выходит, такой весь из себя, вперёд и

говорит: да ладно вам, не заводитесь, я попробую. И попробовал.

– Бр-р-р...

– Ну вот. Наша марка Дольцера этого, пусть этому самому Дольцеру на том свете ангелы поют, говорят, и яд нейтрализует. Шпрот сказал: помереть не помру – ну, пострадаю животом, если несъедобное, и ладно. Но вроде съедобное. Он пять штук сожрал – и ничего. Тогда и остальные стали есть. Я тоже пробовала – они странные, плоды эти: на вид одинаковые, фиолетовые, как баклажаны, а мягкие только местами. А местами жёсткие – зубы сломать можно. Огрызки смешные такие остаются.

Вафле даже удалось растянуть губы в улыбке – мрачной, как ночной кошмар.

– Забавно.

В животе у Киры раскатисто проурчало.

– Шпрот им уже и название придумал. Пышечки.

– Пойду и я попробую.

Пришлось спускаться к воде – там больше плодовых деревьев, да и пить хотелось. На улице стало темнее, но не сильно, и, видимо, темнеть будет ещё долго. Жаль только – это значит, что и ночь, скорее всего, будет длительной. В долгую ночь температура может падать очень низко, до минусовых температур. И...

Хватит уже себя пугать! Просто подождём и посмотрим.

Внизу Кира сорвала несколько плодов. Сразу же вцепи-

лась в один из них зубами. Еда!

Действительно, странный фрукт или овощ, кто его разберёт. Левая часть зубов провалилась в мягкую мякоть, с правой зубы занули, встретившись с твёрдой преградой. Есть эти фрукты было проблематично, но на вкус они были неплохие. Не сладкие, а с лёгкой кислинкой, без семечек. Мясистые, ватные. И насыщали вроде неплохо. Хотя... если сутки не есть, любая еда станет божественной.

После «ужина» и личных дел Кира отправилась искать подходящие камни, чтобы сделать себе нож. Помощи нет, антенна до сих пор не зафиксировала передачи хоть какого-то сигнала. Их не нашли. А Кира не то чтобы была пессимисткой – скорее, жизнь показывала, что даже надеясь на лучшее, стоит готовиться к худшему. Нож в таком положении не помешает.

Так начался новый этап её жизни.

Удивительно, каким невероятным образом застыло время. Раньше, на Земле, каждая минута была на счету, день расписан с утра до вечера, а всё свободное время, если повезло и оно образовалось, можно было занять гаджетами. А сейчас они словно застыли в безвременье. Словно мухи за стеклом, только и делали, что лениво ползали, не зная, чем заняться. Спускались к воде, жевали фрукты, пытались спать, свернувшись на траве или на креслах в катере, старались выдумать что-нибудь – и ничего нового не придумывали.

Только одно происшествие выбивалось из ряда. Отличил-

ся, как обычно, Шпрот.

Дело в том, что после приземления студенты вначале не заметили вокруг ничего живого. Однако потом появились какие-то летающие существа, которые парили очень высоко, а потом и любопытные мелкие зверушки – видимо, местные грызуны.

Между камнями постоянно что-то мелькало, но слишком быстро. Похоже, живность боялась студентов больше, чем те живность.

И вот однажды Шпрот поднялся от ручья, вздохнул так, словно взобрался не на холм, а покорил Эверест, и упал на покрытый мхом камень. Несмотря на постоянную облачность, камни хорошо прогревались на солнце, сидеть на них было мягко и приятно.

И тут же вскочил. Оказывается, камень был занят. Туда залезла, видимо, погреться, жаба. Ну, или ящерица. Морда как у жабы, тело как у ящерицы, лапы растопыренные. Даже цвет похож: серо-бурый какой-то, с чёрными пятнышками. И склизкая на вид. Она осоловело хлопала глазами и рассматривала Шпрота, а тот – её. Кира, заметив местного обитателя, который не спешил прятаться, подошла ближе. Многие подошли. Было интересно посмотреть, что за существо такое. Вдруг оно съедобное? На вид, конечно, отвратительное, ну, если рассматривать в плане еды, но если придётся...

А существо приподнялось на задние лапки и стало похоже на суслика.

И тут Шпрот отличился. Ну, не мог он иначе, не мог! Он наклонился над зверьком и томно произнёс:

– Фу! Ты чего, такая отвратительная морда, ко мне подкатываешь? Я не переносу после обеда чудовищ. Валяй, скидывай свою шкурку, платышко поярче, зубки почисть – и тогда познакомимся. Давай, давай отсюда, сказал!

И он взял и отбросил жабу прочь, в траву. Та даже как-то крякнула, когда приземлилась. Но вроде не сильно.

Шпрот улёгся обратно на камень с видом падишаха, озирающего свой гарем, и оглядел всех собравшихся. Он любил внимание, чего уж там, очень даже любил. Без чужого внимания он сох, как цветок без воды.

Шпрот открыл рот – видимо, чтобы сказать что-нибудь смешное, ну или просто ляпнуть глупость, как обычно, но тут вдруг произошло нашествие.

Из-за камня пронёсся вихрь жабо-сусликов, такой быстрый, что их с трудом удалось рассмотреть. Они пробежали по Шпроту, сбили его на землю и потоптались по нему всей своей тысячей лап. Мало того, они его покусали. Зубов, похоже, у жабо-сусликов не имелось, так что укусы походили на синяки, однако всё равно ему досталось.

Так все выяснили, что жабо-сусликов лучше не обижать. Посмеялись, конечно, тем более что Шпрот после нападения пару часов ходил как пьяный и утверждал, что это его зацеловали. От большой, мол, любви. Из чего сделали вывод: слюна или слизь зверьков обладает каким-то седативным эф-

фектом. Так что вряд ли их стоит есть. Да и связываться... жабо-суслики придут мстить.

Хотя надо признать: те больше на рожон не лезли, прятались за камнями и редко приближались. Посвистывали иногда, но при первых же звуках человеческого присутствия убегали прочь. Но Ахлейн всё равно несколько раз упомянул, что по возвращении домой намеревается снять триллер с названием «Мечь жабо-сусликов» и надеется, что Шпрот соберёт ещё больше интересных фактов об этих милых зверюшках.

Хорошего настроения от «наказания Шпрота с применением нарко-засосов», как прозвали этот случай, хватило ненадолго.

Ночь не наступила. Когда почти стемнело, все ждали: будет долгая ночь, готовились к ней, сэкономили заряд батареи, но свет вернулся. Оранжевое солнце снова выкатилось на небосвод, а за ним вереницей три голубовато-розовых мелких шарика.

Примерно в это время часть студентов ушла.

Если не вдаваться в подробности, это получилось так. Чёрный Огонь решил, что нужно отправляться искать базы, причём немедленно. С ним ушло большинство парней. Никаких уговоров они не слушали. Чего ждать? Базы сами по себе не найдутся. Если подоспеет помощь извне, найти их группу в любом месте на поверхности планеты будет проще простого. Сидеть у катера и ждать неизвестно чего они не

видят смысла. Долго питаться фруктами невозможно, как и жить без всего. Глупо ничего не делать, если есть шанс найти базу и жить до прилёта корабля с относительным комфортом. А так как по дороге они столкнутся неизвестно с чем, то девчонкам лучше сидеть у катера, в относительной безопасности, и ждать. Всё равно от них толку в пути не будет, а будет только одна нервотрёпка.

Они ушли. Вооружённые самодельными ножами и рюкзаками, сделанными из обивки сидений. Больше брать было нечего.

Но на этом неприятности не закончились. Вскоре ушёл Саблезуб и увёл остаток парней. Ушёл, прикрываясь теми же красивыми и правильными словами, хотя в его исполнении они звучали фальшиво и пафосно.

Как и хотела Зои, в лагере остались одни девчонки. Ушли даже двое бюджетников, которые постоянно бегали от Саблезуба, потому что тот при первом удобном случае старался к ним прицепиться. Видимо, поэтому они увязались за Чёрным Огнём.

Но перед уходом невольно сделали всем подарок. Эти двое с лёгкой руки Оленьки Ни-о-чём нашли ещё один вид пропитания. Оленька как-то вспомнила, что на всех планетах с растительностью, напоминающей земную, с бóльшей вероятностью съедобными окажутся корни и корнеплоды, а не те их части, которые растут на поверхности. А при термической обработке однозначно следует отдавать предпочте-

ние корешкам, оставляя верхки врагам.

Так и вышло, что за время очередного своего отсутствия двое бюджетников нашли и приготовили корни растения, похожего на большое алоэ. Сами корни были толстые, длинные, как морковь, только зелёного цвета. После того, как их запекали в углях, они становились мягкими и довольно вкусными. Ну, по сравнению с местными фруктами. Также съедобными оказались корешки, похожие на бусы – шарики на верёвочке, но они были почти безвкусные. Ещё несколько видов даже пробовать не стали – те после приготовления неприятно пахли, а по утверждениям Оленьки это – первый признак ядовитости.

Бюджетники вернулись тогда в лагерь с гордым видом и с кучей печёных корешков, завёрнутых в листья. Видимо, рассчитывали на какую-то признательность со стороны остальных. Однако ничуть не бывало – вместо благодарности Саблезуб так на них наехал, что они снова были вынуждены уйти.

Корешки, однако, разнообразили скудный рацион студентов. Но ненадолго. Марки хватало, чтобы пока поддерживать организм, добавляя необходимые микроэлементы и витамины, но рано или поздно она истощится. И тогда понадобится разнообразная еда. Первым делом, белок. Никто, конечно, не собирался охотиться – студенты просто не знали, как это делать. Возможно, курсанты смогли бы найти, загнать и убить животное, но точно не студенты АМКи, кото-

рые мясо в своей жизни видели только на тарелке.

Однако, возможно, тут была рыба. Далеко на востоке вроде бы искрилась вода.

Так размышляла Кира. Она считала, что всего важнее сейчас найти рыбу, но парни, как выяснилось, считали иначе. Куда важнее меряться... чем они там мерялись. Вначале свалил Чёрный Огонь, а после Саблезуб. У катера теперь царство женщин.

Это было, словно какой-то сюр. Кира ещё помнила, как смотрела вслед Чёрному Огню и Ахлейну, замыкающему колонну уходящих людей. Как думала, что они, возможно, правы. Действительно, нужно искать базу. Действительно, девочкам лучше остаться здесь. Действительно, других вариантов нет.

Или есть? Просто их не искали? Но теперь без разницы, теперь только адаптироваться к самостоятельному существованию, рассчитывать на свои силы.

Да, а вот Ахлейну в его одежде придётся проще всех: она свободная, лёгкая и тёплая. Вот ещё о чём думала Кира. Хм... Вот такие вещи начинаешь ценить, попав в переплёт, а не фирму или соответствие наряда модной тенденции.

И вот, только недавно она смотрела вслед первой группе и пыталась убедить себя, что это ещё не крах, как теперь уходила вторая. А девочки словно не понимали... или делали такой глупый вид, потому что всё равно не могли никого остановить.

Они уходят неизвестно куда. Да, осталась связь, и обе группы обещали сообщать временами, как у них дела и где они находятся, но это ведь всё равно мало утешает. Неизвестно где, одни, и в случае чего некому помочь.

А девчонки только смотрят так снисходительно, как будто парни их поугатать решили, а на самом деле за ближайшее дерево зайдут и вернуться, как ни в чём не бывало, и на этом всё закончится.

Нервничали разве что Вафля да Пустота. Хотя вторая нервничала всегда. От неё все жутко устали, однако что поделать – деться было некуда. В любом месте на расстоянии двухсот метров от катера можно было услышать всхлипы и причитания, увидеть склонённую голову со сбившимися в комок волосами и трясущиеся от ужаса плечи, обтянутые изумрудной тканью.

Вначале её было всем жаль, и все её по мере сил и возможности успокаивали, но вскоре это прошло. Какое там успокоиться! Да она умудрялась заразить пессимизмом любого, кто хотел её поддержать и рискнул открыть рот. Теперь все избегали Пустоту и прямым текстом посылали её куда подальше – мол, своих хлопот хватает.

Когда уходила группа Саблезуба, Кира вдруг словно проснулась и взглянула на происходящее по-новому. Не то чтобы от них было много помощи, одна нервотрёпка, но всё же они были. А остаться одним...

Первым шёл Саблезуб. Такой важный, довольный, будто

точно знал, где находится база со всеми удобствами. Будто сейчас дойдёт до базы и останется там жить в своё удовольствие, а остальные пусть хоть сдохнут.

Он спустился по крутой тропинке в сторону запада, и за ним поочередно стали спускаться его товарищи. Из главарей с ним отправились Зыкин и Дарвин, а Шпрот и Ахлейн выбрали сторону Чёрного Огня.

Хотя какая сейчас разница, кто какую сторону выбрал, если в результате они все уходят?

Кира стояла у тропинки, чуть в стороне, прячась за огромным валуном. Сразу и от девчонок, и от мальчишек. Ей было страшно.

Никита тоже уходил с Саблезубом. Конечно же. Разве у него был выбор? Первый сделанный им нож достался Саблезубу и сейчас торчал у того из самодельной кобуры, сшитой из ткани сидений. Никита сделал себе другой.

Сейчас он шёл последним. Когда он проходил мимо Кирры, та вдруг задрожала. Не то чтобы она боялась остаться без него совсем одной, но всё же Никита по какой-то неведомой причине пару раз ей помог. Тогда в катере, когда пристегнули ремни, и когда учил, как сделать хороший нож. Кира сделала. Все пальцы себе отбила, все руки исцарапала, но сделала. Разве что с огнём были проблемы – зажечь его могли только четверо, и все парни. Простое везение: в их гаджетах по случайности оказалась такая своеобразная функция. Функция давно устаревшая, не пользующаяся спросом. Только четве-

ро на всех, но теперь в лагере не осталось ни одного. Конечно, уже сложили печь, где в глубокой яме тлели угли, но когда они прогорят, как быстро девчонки забудут про огонь, вовремя не подкормят и тот потухнет – Кира не знала. Но это случится обязательно, к бабке не ходи.

Тогда им придётся сидеть на одних ягодах.

Вот и всё, они уходят. Никита уходит. Уже поравнялся, посмотрел своим ровным взглядом. В последнее время Кире казалось: он смотрит не просто так, ей почему-то пришло в голову, что в это время он думает, так быстро, что мысли даже не успевают мелькать и отражаться в глазах. Показалось, видимо.

Но чёрт возьми!.. Да какая разница, если сейчас он тоже уйдёт!

Кира невольно шмыгнула носом. Мужчины всегда убегают, всегда. Они так устроены. Иногда они даже умирают, только бы сбежать от проблем.

Никита оглянулся на катер, потом посмотрел вниз, на тропинку, где уже скрывался последний из парней. Потом вдруг быстро свернул с дорожки, подошёл к Кире и схватил её за руку. Она даже вздрогнула от неожиданности – его пальцы были сильными и цепкими и сжались, будто тиски. Но так же быстро Никита её отпустил, развернулся и поспешно спустился вниз. Его белобрысая голова почти сразу пропала из виду.

Кира сглотнула и только тогда поняла: в руке что-то есть.

Она что-то сжимает со всей силы. Посмотрела – что?
На её ладошке лежала маленькая синяя зажигалка.

Глава 4. Рыбалка

Вскоре наступила ночь. Очень тёмная. Девчонки, как испуганные куры, сбежались в катер и сбились в кучу. Устроились на тех сиденьях, обивка которых пока уцелела, и боялись высунуть наружу нос. У большинства ещё работали гаджеты – значит, и фонарики можно было включить, но всё равно было страшно.

Потому что там, в ночи, раздавались жуткие звуки. Скрежет и хлопанье крыльев, тонкие вскрики и ещё какое-то хриплое сипение. Будто кого-то душили, и он отчаянно пытался из последних сил вздохнуть. Представлять, кто их издаёт, было не очень приятно.

– Может, планету эту бросили и не стали заселять потому, что тут в темноте вылезают на поверхность всякие чудовища? – предположил кто-то.

И всё! Понеслось! Каждая тут же выдумала про себя какую-нибудь жуть, и только десятки круглых глаз испуганно блестели в темноте и тишине. Ужаса вокруг накопилось столько, что он почти ожил и зашевелился.

Можно было разогнать темноту светом, но все сэкономили заряд гаджетов и лишний раз ими не пользовались. Поэтому решили разговаривать, стали вспоминать своих домашних питомцев и всякие забавные штуки, которые те вытворяли. Ну, чтобы как-то отвлечься.

Но Кира к разговору не присоединилась. Питомцев у неё отродясь не было. Вместо этого она подобралась к выходному люку из катера и осторожно села там, прижавшись к стене так, чтобы видеть контур выхода. В момент приземления люк открылся автоматически, сдвинулся вдоль стены и наглухо застрял. И хотя в катере было темно, Кире всё равно казалось, что там, за дверью, гораздо темней. Прямо чернила каракатицы.

Она крепче прижалась спиной к стенной панели, достала и включила на своём экране функцию самого узкого лучевого фонарика. Луч получился тонкий и расплывчатый. Для начала сойдёт.

За пределами корабля луч выхватывал вполне привычную уже обстановку. Камни, местную траву-мох, в которой то-нешь по щиколотки, кривые деревья с бело-серой сердцевинной, заросли кустов-кораллов. Вот, пожалуй, и всё. Что там могло издавать все эти устрашающие звуки, видно не было. Может, и к лучшему.

Кира сделала свет ярче и продолжила осматривать окрестности.

Потом раздался шорох, звук шагов, и рядом села Зои. Она повернулась к Кире и внимательно на неё уставилась. В полумраке, созданном экраном, лицо Зои казалось слепленным из серо-синего пластилина. Её щёки словно раздались вбок, а подбородок гротескно выпятился вперёд. Кире стало не по себе. Раньше – казалось, уже в прошлой жизни – на неё вни-

мания никто из студентов не обращал – ну, кроме таких же нищих бюджетников, а сейчас вон постоянно подходят и заговаривают. Они, конечно, теперь все в одном положении, но всё равно непривычно.

– Думаешь, свет не привлечет ничего лишнего? – негромко спросила Зои.

– Думаю, если это вылезли ночные обитатели, то свет их скорее отпугнёт.

– Тоже верно.

Кира продолжила своё занятие. В голову вдруг пришло, что они хотя бы смогли спрятаться в катере, а вот обе группы парней? Прошло не так много времени, чтобы успеть найти базы – они же не супервезучие, иначе тут не оказались бы. Да и если посчитать: выжили, попали на планету, где возможна жизнь – и всё, забудьте про ещё какое-нибудь дополнительное везение до конца своей жизни.

– Ну, что там? – спросила Зои. Кира с удивлением заметила, что та нервно сжимает руки.

Вообще Зои была странным персонажем. На людях она относилась к мужчинам с пренебрежением, как к некоей неизбежной проблеме – такой же, как плохая погода. Нет, она встречалась, конечно, время от времени с каким-нибудь красавчиком из числа альфонсов, буянила с ним на вечеринках, устраивала какие-нибудь скандалчики, а потом эффектно с ним расставалась. Жертвы её «романов» регулярно наполняли программы о пикантных подробностях жизни

знаменитостей, рассказывая о своей «короткой, но самой яркой из всех испытанных» страсти.

Но, несмотря на любовь к некоей рисовке, она была сильной и самодостаточной. Выглядела сильной, вела себя как крайне сильный человек. Отстаивала свою позицию, стремилась всегда быть первой.

Но сейчас никто не сказал бы, что она заводила. А если уж Зои боится...

Нет, на улице ничего не было видно. Может, если сделать луч света предельно маленьким, но с предельной же дальностью, тогда удастся выхватить объекты, издающие эти душевраздирающие звуки?

Чёрт, ну не дурочка ли? Кира покачала головой, укоряя саму себя. Как она забыла про телевизор? Тоже далеко не самая популярная функция из тех, которые пихают в гаджеты просто для количества. Но у Киры она как раз была.

Быстро настроив экран и выставив максимально доступное расстояние – двести метров, Кира направила его в сторону камней.

Несколько секунд экран мигал, а потом показалось изображение.

Кира чуть не вскрикнула, но в последний момент удержалась, закрыла себе рот рукой. Как в дешёвой мелодраме. Но сработало!

– Что? – Зои подобралась вплотную. – Что такое?

Кира молча протянула ей экран. Там, на чёрном фоне, где

пунктиром были обозначены очертания валунов, что лежали напротив корабля, виднелось несколько огромных жёлто-красных пятен. Форма у них была, как у толстой личинки. Шевелились и изгибались они так же.

– Только не это! – воскликнула Зои и сама закрыла себе рот руками.

– Тихо! Хочешь панику развести? – прошипела Кира.

В катере слышно было, как в углу хнычет Пустота. Остальные тоже то и дело дёргались. А если они увидят это... визгов не избежать. Кто знает, что прилезет из темноты в ответ на визги вполне съедобных людишек?

Зои схватилась руками за лицо, потом резко отняла их и полезла в карман своей куртки. У неё была хорошая милитари-куртка – писк сезона для дикого отдыха; даже странно, зачем такую брать в цивилизованный полёт. Ну да ладно, повезло кому-то – и хорошо.

– Нужно позвонить парням! – забормотала Зои. – Огонь оставлял мне список, в каком порядке они будут держать гаджеты включёнными. Надо найти и срочно позвонить. И Саблезубу. Я хотя его и терпеть не могу, но с ним другие. Нужно предупредить!

– Тихо, не кричи, – Кира, сама себе удивляясь, выхватила из рук Зои её экран. – Ты что делаешь? Нельзя звонить! Если они затаились где-нибудь и сидят тихо, ты своим звонком их выдашь! А если нет... То ничего нового ты им не сообщишь. Их гаджеты куда круче наших. У Ахлейна целая вирту-стан-

ция на голове – забыла?

Зои пожевала губами.

– Ладно, – сдалась она. – Думаю, ты права. Ахлейн всяко лучше нас за такое время проанализирует местность. Этот сморчок мог бы и сам прислать нам кое-какую полезную информацию. А то только отписки: всё в норме, базу не нашли, будьте здоровы.

– Угу.

Кира внимательно следила за этими толстенными штуками на экране. Красный цвет неторопливо переливался в оранжевый, в жёлтый, снова в красный.

– Смотри. Они... они ползают, не летают. И ползают очень медленно.

Зои наклонилась и тоже прилипла к экрану.

– Может, медленно, только пока нет жертвы. А потом как рванут!

– Может быть... Ты видишь, что других животных поблизости нет? А тут этих жабо-сусликов столько – ступить некуда.

– Угу.

Так они и сидели, пока батарейка не показала низкий заряд.

– Щас! У меня тоже есть тепловизор. Вроде бы.

Зои тут же вытащила свой.

– Не надо, – Кира выключила экран и сунула обратно в карман. – Не трать батарейку. Неизвестно, какой длинной

будет ночь. Мало ли что понадобится.

– Нам надо знать противника! Толку от экономии, если мы пропустим что-нибудь важное? Вдруг они в летучих превращаются? Вдруг увидят животное и поскачут галопом? Или, не знаю... засосут тонким длинным хоботом, а мы не будем к такому готовы!

В общем, Зои вытащила свой экран – он у неё был более навороченным – и включила его. Да, и изображение тут передалось лучше: пятна были более чёткими.

– Фу! Эти твари состоят из сегментов, – скривилась Зои.

– И всё же не факт, что это хищники. Ты слышала когда-нибудь про хищную личинку? Это же смешно! У неё ни лап, ни зубов, её предназначение – накопить полезные вещества и вылуп...

Кира запнулась и замерла, смотря в одну точку.

– Накопить запасы и вылупиться, ты хотела сказать? – голос Зои охрип. – Это ведь могут быть чьи-то детёныши, верно?

Кира медленно выдохнула. Сердце билось и болело. Боялась она сейчас не того, что из личинок вылупляется какое-то существо, более приспособленное для охоты на людей. Боялась она за две группы парней. И еле сдержала желание самой броситься звонить им, чтобы убедиться: всё в порядке.

– Даже если так, мы не знаем их жизненного цикла. Чёрт, да мы вообще ничего о них не знаем!

– Кроме того, что они плотоядные.

На Зоином экране с повышенным качеством отображения были видны не только толстые личинки. Там были крошечные мигающие пятнышки – наверняка, жабо-суслики. Других существ таких размеров и в таком количестве они в окрестностях не замечали. И вот эти точки подбегали иногда к личинкам и тут же пропадали, гасли.

– Не факт, – задумчиво сказала Кира. – Может, они под землю в норы прячутся.

– Тоже может быть.

В общем, они ещё немного поглазели в тепловизор и отключили его, потому что ничего нового не увидели.

Теперь нужно было переждать ночь.

Кира и Зои перебрались в дальний угол катера, к остальным. Только Пустота сидела в сторонке, как всегда скрючившись на сиденье с ногами, а остальные сбились в кучу и слушали, как Алмазные Глазки вспоминает о своей шикарной жизни, которую она так нелепо потеряла. Сейчас эти рассказы воспринимались как любая другая сказка, то есть то, чего не бывает на белом свете. Мечтательный голос с придыханием шептал:

– И вот я тогда улетала на острова... Туда, за Карибы, в секретное место. Там воздушные платформы прямо над океаном, над атоллom. Домики висят над водой, можно лечь в комнате лицом в пол и следить, как под тобой рыбки плавают. Или на гамак над океаном... хорошо нервы успокаивают.

ет. В шторм домики поднимаются выше волн и раскачиваются, как огромные качели. В стены бьют волны. Пена, брызги, аромат! А вид какой! А морепродукты какие, м-м-м...

– Про еду не стоит, – буркнула Снежная Дева.

– Да вообще не стоит! – Сказала Зои. – Чего душу травить? Наружу выглянь. Теперь нервы тебе будут успокаивать только унылый пейзаж да возможная опасность. Давай-те лучше о деле. Прикинем, когда ночь пройдёт. Засекал кто-нибудь, сколько часов длился день?

Все переглянулись и пожали плечами.

– Понятно. Хотя чего там – мне тоже не до того было.

– Часов пятьдесят с момента посадки точно прошло, у меня хорошее чувство времени, – сказала Анита.

– И неизвестно, сколько до, – мрачно закончила Зои.

В последующем молчании было слышно, как все шумно дышат.

– Вообще-то, – подала голос Снежная Дева, – ночь может быть короткой. Она же зависит от светил, а тут их несколько. Одно главное, оранжевое, его все видели. И, по крайней мере, три более мелких и не таких ярких. Подозреваю, на самом деле солнц больше.

– С чего ты решила? – удивился кто-то.

– Тени очень странно лежат. Не обращали внимания? Будто в разные стороны. Так вот, солнц несколько. Естественно, что они перекрывают друг друга. Так вот, промежутки, когда не светит ни одно солнце, скорее всего, небольшой.

– Разве бывает, чтобы несколько солнц в одной системе? – спросил кто-то.

– Всё бывает, – спокойно ответила Снежная Дева.

Кира не могла скрыть удивления. Снежная Дева сидела, сложив ногу на ногу и рассеянно трогала рукой косу, которую только что заплела. Ещё раньше Кира отметила, что её спортивная кофта была мятой, но чистой – после ухода парней девчонки смогли спокойно стирать и сушить вещи. Но если для Киры и остальных бюджетниц стирка была делом обычным, пусть даже такая экстремальная – в холодном ручье без моющих средств, то остальным пришлось нелегко. Алмазные Глазки вообще пыталась свалить эту работу на бюджетниц, даже деньги предлагала выплатить потом, когда вернутся домой, но дурочек стирать её исподнее не нашлось. В общем, стирка далась всем тяжело. А вот Снежная Дева замачивала, отбивала палкой и отжимала свою одежду с таким видом, будто ей это не стоит ни малейшего труда.

Она выглядит так... будто довольна тем, что здесь оказалась, поняла Кира. Точно! Вот сидит в мятом костюме с косой, заплетённой из плохо вымытых волос, постукивает по подлокотнику сломанными ногтями, под которыми грязь – и словно всем этим втихаря наслаждается.

– И как это? Разве планета не вращается вокруг солнца? А если их несколько? – спросила Зои.

– Может быть одно основное солнце и несколько в соседних системах, достаточно ярких, чтобы свет доходил сюда. А

если несколько солнц рядом, то все вращаются вокруг одного и одновременно вокруг друг друга. По сложным траекториям. Но если мы задержимся тут надолго, можно будет построить примерную модель смены дня и ночи, – глаза Снежной Девы вспыхнули от восторга, словно это занятие – лучшее из всего, чем она когда-либо занималась.

– Надолго? Мы не задержимся тут надолго! За нами уже летят! – подала голос Пустота, которая успела подобраться ближе. От неё, честно говоря, пахло вонюшкой. Пустота предпочитала страдать, а не морозить ручки в воде, пытаясь отстирать свою одежду. А её волосы напоминали комочек грязной ваты. Уже не расчесать, подумала Кира. Впрочем, вскоре все, у кого хватит ума, отрежут длинные волосы.

– Опять ты приползла? – недовольно спросила Алмазные Глазки. – Вали отсюда, от тебя несёт!

Кира напряглась. Но сказать ничего не успела.

– Не кричи на неё, – спокойно попросила Снежная Дева, ковыряя ноготь. – Она испугана и несчастна.

– Почему я должна сидеть рядом и нюхать, чем от неё несёт? – не унималась Алмазные Глазки. – Пусть идёт наружу! Я, может, тоже испугана и несчастна!

Кира вспомнила личинок, и ей захотелось врезать этой капризной истеричке.

– А ну, замолчи! – это уже Зои вступилась. – Пусть сидит. Никто никого никуда выгонять не станет. Тем более в ночь! Поняла? Она одна из нас!

Алмазные Глазки хмыкнула и демонстративно пересела подальше, а Пустота съёжилась на своём кресле и опустила голову. Но, как ни странно, на этот раз не плакала.

– Будем надеяться, Любовь права и ночь окажется короткой, – через время вздохнула Зои. – А пока не вздумайте выходить наружу.

– Огонь погаснет, – сказала Назира. – Может, кто-нибудь сходит подбросит дров?

– Нет! – отрезала Зои. – Наружу никто не пойдёт! Огонь – не главная наша проблема.

– Но как мы без него? Мы же не сможем снова его разжечь. Нам будет нечего есть, – и так по-детски трогательно это прозвучало, что Кира чуть не бросилась грудью на амбразуру и не сообщила, что у неё есть зажигалка – значит, об огне можно не волноваться. Сдержалась. Всё же это по нынешним временам слишком ценная вещь, и не настолько она доверяла остальным, чтобы открывать все свои карты.

И вот ничего не оставалось, как ждать. Благо, в туалет можно было выйти, если не отходить от катера. Зои ещё несколько раз проверяла личинок, и те оставались так же далеко и так же едва шевелились.

– Может, они просто подышать вышли, – в конце концов сказала Зои и вздохнула так, что стало ясно: об этом оставалось только мечтать.

А потом все вымотались и заснули – кто на полу, кто скрючившись на креслах. Даже Алмазные Глазки забыла, что

брезгует находиться возле Пустоты и задрыхла на соседнем сидении.

Ночь длилась восемь часов двадцать минут. Когда стало быстро светать, Снежная Дева сделала пометку в своём гаджете и сказала:

– Нам повезло, что восемь часов, а не сто и не тысяча. Теперь будем отслеживать длину дня.

Кира содрогнулась, представив, как они тысячу часов подряд сидят в катере без еды и воды, пяля глаза в темень. Зои тем временем резво включила тепловизор и водила им у входа, проверяя окрестности. Кира тихонько подошла и стала ждать.

– Ну что?

– Нету. Ни одной.

Зои показала экран – там было совершенно пусто. Прыгали мелкие точки – жабо-суслики, точки чуть побольше сидели спокойно – что-то другое. Личинок видно не было.

– Но куда они делись? – Недоумевала Кира.

– Видимо, туда, откуда взялись.

– Под землю?

– Да. Не думаю, что они прилетели на стрекозых крыльшках. Скорее всего, они сидят под землёй.

Кира медленно выдохнула. Другого объяснения она тоже не могла найти.

– Значит, главное для нас – не рыть тоннели.

Конечно, пришлось рассказать остальным девчонкам о личинках. Теперь, днём, новость о местных ночных обитателях звучала не так страшно. Тем более, что никаких следов на поверхности они не нашли. Земля выглядела, как всегда: ровной, утрамбованной, нор и дыр не было. Не найдя доказательств, некоторые девчонки вообще пропустили байку о личинках мимо ушей – их больше волновало, что погас огонь. Закинутых в очаг перед наступлением ночи дров не хватило, тут они вообще быстро прогорали, а угли не держали тепло. В общем, в очаге осталась только куча пепла.

Пришлось перейти на ягоды. Но и они заканчивались, деревья пышек стремительно пустели. Приходилось ходить на сбор всё дальше и дальше от катера. И когда, как появится новый урожай, никто понятия не имел.

Без огня было не обойтись. Кира вся извелась, пока придумывала, каким образом можно зажечь огонь, чтобы никто не узнал о зажигалке. Просто взять и принести откуда-нибудь? А где взяла? Шла, шла, а он горит? Караул, а не объяснение. Или просто пробраться, пока никто не видит, и зажечь сразу в очаге? Но на это потребуется хотя бы несколько минут, и не факт, что её не заметят. Тут ведь постоянно кто-то ошивается поблизости, и невозможно отследить перемещение одновременно дюжины девчонок. Сказать, что из уг-

лей раздула? М-да, объяснение – хуже не придумаешь.

Но тянуть дальше было некуда, у некоторых началось несварение желудка. И Кира поступила следующим образом: взяла да и зажгла огонь на пути у девчонок, которые шли в место, где ручей образовал озерцо, удобное для купания. Там, среди камней у воды она оставила костёр и даже постаралась придать ему такой вид, будто он сам загорелся от молнии.

Долгое время после того, как огонь вернулся в очаг, Зои ходила хмурая, присматриваясь ко всем и каждому. Видимо, сделала правильный вывод: кто-то в лагере умел зажигать огонь. Но поделаться она ничего не могла – не устраивать же обыск всех и каждого?

Кира при виде её потерянного лица испытала, конечно, стыд, но недолгий. Если исходить из интересов группы, стоило бы рассказать про зажигалку. Да, стоило. Но... хозяин зажигалки так не сделал. Почему? Очень просто. Иначе она давно уже принадлежала бы Саблезубу.

Кира не верила этим богатыньким дамочкам. Они такие смиренные да доброжелательные только до тех пор, пока им не пришли на помощь. Стоит в небе появиться катеру спасателей, всё моментом вернётся на круги своя. Они ведь уверены, что уже по праву рождения выше Киры и всегда будут выше. Они избранные, элита. Такое воспитание не сотрёшь парой совместно проведённых дней на безлюдной планете.

И вот огонь вернули, усовершенствовали очаг, продубли-

ровали второй у катера, чтобы была возможность поддерживать огонь ночью, и снова смогли запекать корни. Но этого было мало. Нужна была другая еда.

Кира подумывала отправиться на разведку на восток, куда ушла группа Саблезуба – ведь там блестела вода. По крайней мере, ей так казалось, когда Кира особо рьяно вглядывалась в горизонт.

Однажды она стирала белье и думала, что даже если удастся найти рыбу, её же нужно ещё поймать. Впрочем, раньше времени можно не заморачиваться. Пункт первый – найти.

И тут из-за камней вышла Пустота. Она давно перестала походить на ту шикарную девицу, на которую пускал слюну каждый встречный представитель мужского пола. От неё ощутимо воняло, она ходила теперь скорчившись, прикрываясь руками и пряталась под своими всклокоченными волосами.

Кира заметила, что Пустота подбирается к ней.

– Привет.

Та кивнула и вдруг быстро спросила:

– Ты можешь... можешь мне помочь?

В общем-то, не особо хотелось, но Кира почему-то не смогла отказать и кивнула.

– Как... как стирают одежду?

– Что?

– Я просто не умею. Я никогда не стирала. Вроде видела... есть же специальные аппараты, да? Туда загружают одежду,

но там столько правил! Зависит от материала, от цвета... ма- чеха всегда жаловалась, что прислуга путает что-то, и одеж- да портится. А мне нельзя, чтобы испортилась – у меня же другой нет!

У Кире и челюсть отвалилась. Да уж, она и не задумыва- лась, почему Пустота так себя запустила... Слишком много думала о других вещах. А всё так просто.

– Смотри, – Кира кивнула головой вниз, на свои руки. – Берёшь то, что хочешь постирать. Мочишь в ручье, в воде, полностью. Потом ждёшь несколько минут и трёшь руками в самых грязных местах. Вот так. А потом полоскаешь. Это бельё, его нужно так постирать несколько раз. А штаны и кофту можно положить и побить палкой – руками слишком тяжело будет ворочать. Только палкой, не камнем! Камнем можно ткань порвать и дыр наделать. А так ничего ткани не будет, продержится долго.

– Ясно.

Пустота стояла рядом, дрожала и смотрела.

– Давай, попробуй. Снимай одежду, – Да, ей это точно не повредит! Кира с энтузиазмом кивнула. – Снимай, снимай, я за тобой присмотрю.

Та мялась.

– Ну, что? Будешь стирать, нет?

– Всю одежду? – Пустота сглотнула и ещё сильнее вцепи- лась в свою восточную куртку.

– Ну, можешь не всю. По частям. Но лучше вначале весь

верх, а потом...

– Нет, верх не буду, – резко сказала Пустота.

– Ладно, вначале низ.

Кира потратила на помощь не меньше часа. Намучилась больше, чем сама Пустота, которая, и правда, понятия не имела, что делать. И смешно, и плакать охота.

Наконец, справившись с этой задачей и почувствовав себя героиней, Кира оставила Пустоту сушить свои вещи и отправилась к катеру. Всё вокруг выглядело уже иначе – не так, как после прилёта. Теперь вокруг стояли навесы, крытые ветками, и настилы из мягкой сухой травы и мха. Валялись куски местной глины жуткого грязно-коричневого цвета, которую девчонки недавно нашли в овраге неподалёку и теперь пытались слепить из неё посуду. Пока не получалось: она лопалась при обжиге. На ветру висела лохматая верёвка – её сплела Снежная Дева. Вот натурально высушила длинную траву и сплела верёвку. Прямо затейница!

Кира села отдохнуть посреди всего этого хозяйства, рядом с очагом, куда стащили удобные круглые камни.

Как-то сложилось, что многие тут собрались. Сейчас, верно, только Пустоты и не хватало. И Зои шла от ручья, о чём-то вздыхая.

– Что там – новости от парней есть? – спросил кто-то.

Зои подошла и уселась так, чтобы видеть всех. Достала свой экран.

– Новости есть. От группы Огня. Они добрались до гор –

я так понимаю, тех, что на севере, но подняться высоко не получилось. Не объяснили, почему. Наверное, подъём крутой, а снаряжения нет. Но кто знает... Они только короткие сообщения шлют и ничего лишнего не пишут. И вот они теперь идут зигзагом, обходят их, чтобы дойти до следующих гор.

– Как они пережили ночь?

Зои вздохнула.

– Они ночевали на деревьях. Там дальше, они пишут, начался лес, в котором деревья как грибы: тонкий ствол и корона, как шляпа. В ней удобно спать. И ещё там животные другие, крупнее, но они пока ничего конкретного не писали. Деталей нет, в общем. Но обещали, как только батарейки зарядятся у кого-то хотя бы до половины, сразу будут писать, что нового нашли. И нас просили писать важные вещи. У нас есть такие?

Все переглянулись, пожали плечами. Вроде не было ничего важного.

– Ночные животные? – неуверенно спросила Кира.

– Не, они писали, что знают: ночью что-то лезет откуда-то. Тоже думают, что из-под земли, небо вроде чистое было. В общем, у группы Огня всё в порядке. Они очень осторожно себя ведут, я даже меньше беспокоиться стала. Чего и вам желаю.

– А Саблезуб? С ними что? – испуганно спросил кто-то. Зои так сморщилась, что сразу стало понятно: живы-здорово.

вы.

– Что ему делается! – зло пробурчала Зои.

– Ну так что? Что едят? Мы должны знать!

Она скривилась ещё больше, но ответила:

– С ними всё в порядке, они вернулись.

Воцарилась тишина.

– Как вернулись? – оглядываясь, спросила девушка в малиновом. Её звали Ксения. – А где они тогда?

– Хм, – Зои презрительно скривила губы. – Они не вернутся в лагерь! Они засели в западном направлении – сказали, обустроят там лагерь.

– Но почему? Что-то случилось? Они в порядке? Все живы? – посыпались вопросы.

– Все они живы, – как выплюнула Зои. Потом вздохнула: – Ладно, скажу. Этот козлина прислал мне сообщение, что готов принять в свой благоустроенный лагерь тех, кто согласен оказывать ему сексуальные услуги. Обещает в ответ защищать и кормить. Вот мразь, и посмел же!

Снежная Дева весело рассмеялась. Она снова плела какие-то верёвочки, сидя на траве и скрестив ноги. Зои неприязненно поморщилась, большинство остальных переглядывались с недоумением. Равнодушной осталась только Пустота.

– Может, и пойду, – вызывающе сказала Алмазные Глазки, откидывая волосы за спину. Большую часть времени она только тем и занималась, что расчёсывала свои волосы. – То-

же мне, проблема! Зато делать ничего не нужно: живи себе, отдыхай, а тебя кормить будут и всякими мелочами радовать.

– Вот именно, что мелочами, – пробурчал кто-то.

Девчонки принялись обсуждать это предложение – довольно нелепое, по их мнению, поэтому в основном звучал смех. Кира вздохнула и покачала головой. Хотя их рацион не отличался разнообразием, и не было другой одежды, но это ерунда, конечно. Сейчас всем смешно, это понятно. А если вдруг наступит мороз? Закончится действие марок? Нечего будет есть? Появятся какие-нибудь хищники? Она даже думать не хотела, сколько из присутствующих здесь согласятся на условия Саблезуба. Может, и она сама согласится.

Кира мотнула головой, словно вытряхивая из неё отвратительные мысли. Что за глупости туда лезут? Не отдыхала давно, видимо. Из-за того, что на планете не было таких суток, как на Земле, организм не понимал толком, когда ему спать, а когда бодрствовать, оттого и получалось, что ходишь-ходишь, забываешь о режиме, а потом раз – упала и отрубилась.

Но вначале узнать. Там в группе ведь не только Саблезуб? Там и другие.

– А что он говорит вообще? Они нашли что-нибудь? Все целы? – спросила Кира.

– Ничего не говорит, – ответила Зои. – Но думаю, если бы кто-то пострадал, он бы сказал. А информацией он отказы-

вается делиться: говорит, готов продать, мол. Знаем мы его цену – пусть умоется! Ну, и я тоже ничего про ночных личинок не рассказала, ибо нефиг!

– Если он вернулся и молчит, вполне может быть, они что-то нашли и не хотят об этом говорить, – заметила Снежная Дева, не отвлекаясь от своего плетения. Кира заметила, что она плетёт узор гораздо мельче. Самая первая её верёвка порвалась, потому что была крупно связана, как толстая коса. А эта – мелко-мелко, крепкой должна получиться.

– Может быть, – согласилась Зои. Зыркнула в сторону Алмазных Глазок: – Вот кто-нибудь сходит к ним да узнает, – сладенько добавила.

– Если кому-нибудь нужна моя компания, пусть сам сюда тащится, – так же сладенько добавила Алмазные Глазки.

Кира не стала слушать последующую перепалку – для неё это была пустая трата времени. Что толку, если одна окажется более острой на язык, чем остальные? Всё равно, кроме болтовни, они ничего не сделают. Никто не станет искать лагерь Саблезуба, а будут сидеть и ждать, пока им всё поднесут на блюдечке с золотой каёмочкой. Они так привыкли.

Кира вернулась к катеру и легла спать. С группой Саблезуба всё в порядке. Это замечательно. Это главное.

Глаза слипались, а она улыбнулась и напоследок проверила зажигалку в кармане. На месте.

Так и заснула, сжимая подарок в руке.

И опять замкнутый круг. Проснуться, морщась от боли в затёкших мышцах, потому что никогда раньше ты не спала без мягкого матраса. Ещё и придерживалась мнения, что слишком мягким он быть не должен – полезнее спать на твёрдом. Три раза ха-ха! Да ты понятия не имела, что такое твёрдая поверхность!

В общем, проснуться со стонами. Подождать, пока восстановится кровоток и всё пройдёт. Размяться, потому что холодно – укрываться-то нечем. Отправиться вниз с холма, к ручью. Умыться, выпить воды. Лениво подумать, сколько времени – утро сейчас, день или вечер? Разозлиться, что не можешь никак привыкнуть, что ночь здесь была всего однажды. Потом минутка апатии – какая тогда разница, сколько времени?

Потом еда. Ягоды достать проще, копать и печь коренья сложнее, но из них можно сварганить что-то более съедобное. Час времени на добычу и готовку. Но его уйма – чего его жалеть? Зато в процессе поисков попалась ещё и травка – странная травка, тонкая и крепкая, как красная леска. В первый раз она попалась кому-то, кто плохо промыл корни перед готовкой, и обнаружили её, уже когда половину съели, так что поздно было пугаться.

Травка оказалась не только съедобной, она ещё и вкус

придавала. Как глюконат натрия. В больших количествах ещё и как соль служила, но мало кто находил её в больших количествах. Вот и сейчас Кира нашла среди пучка полусухой травы одну тонкую нитку, аккуратно вытащила из земли и улыбнулась. Повезло.

Корни запекали прямо так, в углях, или новым способом – в глине. С травкой без глины не обойтись. Пришлось идти ещё и за глиной. Зато обед (ну, или ужин – кто его знает, а может, даже завтрак) вышел – просто пальчики оближешь!

Что Кира и сделала. Да, да, взяла и начисто облизала пальцы после еды! Половину съела, половину оставила на потом.

Вот тогда она и решила идти на рыбалку. Почему бы нет? Единственное, чего опасалась Кира – это наступления ночи. Точнее, того, что она не успеет вернуться обратно в безопасный лагерь, и ей придётся столкнуться нос к носу с этими ночными личинками. Но сейчас она хорошо отдохнула, поела и была уверена, что в случае чего ей хватит сил вовремя добежать обратно. Ночь наступает довольно быстро, но всё же некоторый запас сумерек останется.

Решено!

Кира вскочила на ноги, сунула остатки корней в подобие мешка, который сама сделала из обивки и пошла к Зои, предупредить. Та удивилась, потом отозвала в сторону и переспросила:

– Куда именно, говоришь, ты собралась?

– Туда, – Кира махнула рукой в сторону востока. – Кажет-

ся, я видела в той стороне, как блестит вода. Не открытая... Не знаю точно, но не такая, как море или океан. Может, озеро? В общем, я хочу проверить.

– Ладно, – Зои наклонилась и сказала ещё тише: – В той стороне засел Саблезуб. Не думаю, что слишком близко, чтобы за пару часов дойти, но всё равно – будь осторожна. Я тут прикинула – не удивлюсь, если его кукушка совсем поехала. Поэтому стоит исходить из того, что он опасен. Поняла?

У Киры глаза на лоб полезли. Зои беспокоится о её безопасности? Волнуется о судьбе бюджетницы, которых миллионы на одну наследницу корпорации? Ну надо же!

– Конечно, буду.

– Ну, давай тогда. Удачи.

Зои неловко похлопала Киру по плечу и отошла.

Ну всё, вперёд! Даже настроение поднялось, словно Кира отправлялась в увлекательное путешествие. На самом деле ещё неизвестно, что там, на востоке. Может, прохода нет. Может, хищники. Хотя они животных подходящего размера в округе не видели – ну, кроме ночных личинок, чей источник питания пока не установлен. Но может, хищники обитают в других местах, где, к примеру, особые растения растут или особая вода? Там, куда собралась Кира?

Надо идти потише и не шуметь, подумала она, двигаясь вдоль ручья.

– Эй! Подожди!

Кира вздрогнула от неожиданности. Она уже полностью

настроилась исследовать мир, уже вся дрожала от нетерпения, а тут задерживают.

На той стороне ручья стояла Пустота. Судя по всему, одежду она постирала, хотя и не досушила – местами на ткани темнели пятна. Ну да ладно. Амбре нет, так чего жаловаться?

– Подойди, пожалуйста!

Кира мысленно закатила глаза, но подошла ближе – теперь между ними было только полметра воды.

– Да?

Пустота мялась на месте. Потом подняла руку и коснулась своей взбитой в ком шевелюры.

– Можешь... Ты можешь отрезать мне волосы?

Вот это да! Уже второй раз за короткое время Кира от изумления не нашлась с ответом. Отрезать волосы? И кто это просит? Пустота? Самая глупая девица, которая, однако, каким-то образом первой сообразила, что длинные волосы в данной ситуации всё равно что камень, который тянет на дно? Остальные-то упрямо мыли голову и расчёсывались пальцами, и заплетали косы и хвосты, завязывая травинками.

А Пустота – сразу резать?

Кира с досадой глянула в сторону запада.

– Послушай... Я не знаю, как тебя зовут. Но спасибо, что помогла мне! Спасибо тебе! Я не хочу нагружать тебя ещё, но мне больше не к кому... – бормотала Пустота.

Не к кому? А кто виноват?

– Да ничего страшного. Просто сейчас не могу, я занята.

Пустота сразу сникла, руки опустились.

– Давай позже, когда вернусь? Ты же так долго уже ходишь? К чему спешить?

Кира, фальшиво улыбаясь, попятилась, а потом развернулась и потопала на восток. Не нужны ей задержки, времени и так маловато.

Итак, что у нас там дальше? Если подумать, они ведь в совершенно незнакомом мире. Конечно, тут много опасностей, но много и другого, интересного и полезного.

Ручей пропал под каменной скалой, одиноко торчащей среди редких деревьев. Видимо, у него подземный источник. Это прекрасно, под землёй вода обычно гораздо чище! Дальше закончился лес, и идти пришлось по долине. Растительности там было немного, больше сухостоя – и деревья, и кусты, и трава. Большие проплешины чистой земли, похожей на пыль, небольшие пятна серо-зелёного мха и много мелких камней. Кира усердно крутила головой, но ничего принципиально нового не обнаружила. Ни животных, ни полезных в их положении растений. Говорят, на каких-то планетах листья на растениях крепкие, как брезентовая ткань, из них можно одежду шить. Но нет, не здесь, не повезло. А на некоторых планетах растут ягоды – как кусок воздушной ваты на ладошке, просто умопомрачительно вкусные! Но нет, и тут не свезло. И совсем уж экзотика – на какой-то планете

есть животное размером с кошку, которое «оставляет после себя» настоящий деликатес – кусочки голубого цвета, вкуснее и полезнее которых нет ничего во Вселенной. Сомнительное, по мнению Киры, удовольствие, особенно смущает слово «оставляет». С какой, интересно, стороны туловища?

Тут же нет ничего. Разве что цветы. Чем дальше, тем чаще попадались цветы – голубые и фиолетовые. Маленькие, как подснежники. Они росли у камней и выглядели очень крепкими, будто пластмассовыми.

Кира не стала их трогать или нюхать. Ни к чему лишний раз рисковать.

Понемногу заросли становились гуще. Деревья исчезли, как и кусты, всё это заменила высокая плотная трава, похожая на камыш или тростник. Или бамбук, потому что стебли были сочные и полые. Вскоре Кире пришлось продираться сквозь него, размахивая руками, сбивая стебли и хорошо их притаптывая.

А ещё она следила, чтобы тростник не поднимался. Потому что он почти в два её роста, и если смятые стебли поднимутся... как понять, откуда ты пришла? Если он растёт на большой площади, то всё: можно и не выйти наружу, бродить по нему кругами, да тут и сгинуть.

И если вскоре ничего не изменится, то тоже придётся возвращаться.

Но заросли закончились, причём как-то резко – просто взяли да оборвались. И Кира вышла на берег.

Это действительно было не море и не океан. А также не река и не озеро. Это походило на... да ни на что не походило. Берег – как пористая губка, словно пена вылезла из воды на землю и застыла. Издалека выглядело словно песок, но на самом деле было не пойми чем. Если ступить ногой – твёрдая поверхность. Жёлтая, плотная, чем-то похожая на пластик. Нет, на пемзу.

Мог ли этот водоём быть искусственным? Первое, о чём подумала Кира. Окинула его взглядом. Да... берег – это ещё ладно, а вот вода... Что это за водоём такой? Или водоёмы?

Перед Кирой расстилалась долина пятен. Жёлтые берега, изрешечённые выемками, в которых плещется лазурная мутноватая вода. Издалека выглядит, как пятнистая ткань. Большинство пятен были большими, но достаточно ли, чтобы там водилась рыба? Или хотя бы моллюски?

Кира представила себе тарелку, полную креветок, и чуть слюной не захлебнулась. Нет, нет, не стоит и мечтать.

И всё же, каким бы странным ни был этот водоём, он сохранил воду, а вода – это жизнь. Нужно проверить. Не зря же она шла?

Кира прошла по берегу, топая кроссовками. Нет, эта губка совсем не крошилась и не приминалась. А ещё она гладкая-гладкая, обточенная водой, как галька. Кира наклонилась и провела по поверхности пальцами. Слегка шершавая, очень приятная на ощупь.

Ну всё! Решено! Вздохнув, она быстро сбросила обувь.

Может, и не очень разумно, но хотелось походить, наконец, по чему-то ровному и приятному.

Ступив на берег босой ногой, Кира чуть не застонала от удовольствия. Нет, это было нечто! Сколько часов, сколько суток подряд она провела в обуви? Даже спать не всегда ложилась разутой. Вначале – потому что была в шоке и просто об этом не думала, потом ещё и чтобы не свистнули. Взять-то новое негде, только сделать или украсть. Угадайте, что выберут корпоративные детки, которые привыкли, что им всё и всегда достаётся за просто так, и никаких усилий прилагать не нужно?

Приходилось играть на очко вперёд.

Кира присела у воды и долго вглядывалась в глубину. Ну, что сказать? Её предчувствия подтвердились. Маленькие лужи оказались мелкими – несмотря на довольно мутную воду, в них просматривалось дно. И... пустыми, на дне даже камешков не было.

Пока она смотрела, сразу представила, как там, на дне этой лужи живёт какой-то зубастый хищник. Сейчас она сунет руку в воду, а он – хап! И откусит её по локоть. Кровица веером, визги, судороги. Мучительная гибель в одиночестве. С таким сценарием фильма ужасов можно победить на конкурсе. Хм.

Вообще Кира не замечала, что обладает чёрным юмором, а тут прямо фейерверк какой-то! Сама на себя не похожа.

Она подумала немного и села на берег, а ноги сунула в

воду.

Может, она как раз такая и есть? Спокойная, как удав, и состоит только из чёрных шуток? Может, это налёт цивилизации делал её вежливой и послушной?

Так, бла-бла-бла, и опять бла-бла-бла. Ноги на месте – значит, никаких хищников в воде нет. Что неплохо: в такой тёплой луже можно устроить чудное спа. Ну просто на высшем уровне!

Как-нибудь в другой раз.

Кира встала и пошла к большой луже. Метров шесть в диаметре, не меньше. А дно?

Вот теперь вглядываться пришлось куда усерднее. Но дна она так и не увидела. А рыба... рыба была. Мелькала где-то там, внизу. Длинные тёмные рыбины, юркие, стремительные, похожие на земных. Может, с зубами. Другие – мелкие белые и жёлтые, они носились у поверхности стайками. Ещё какие-то круглые шары, тоже белесые, но они плавали так глубоко, что Кира их толком не разглядела. Растительности тоже не было видно.

Хорошо бы выяснить, где у этой лужи дно, но вдруг рыба и правда зубастая? Как пираньи, предположим? И если совать ноги в пустую лужу Кира могла себе позволить, то вот сюда – ни за что!

Хм. Рыба есть. Нужна удочка или сеть. У Киры ни того, ни другого. И наживки нет. Но теперь она знает хотя бы, куда двигаться! Попробовать сплести сеть из травы? Нет, непо-

нятно, как её забрасывать и насколько крепкой она должна быть. На удочку? Нитки из обивки сидений можно надёргать, а крючок?

Нужно подумать, посоветоваться с другими. А пока искать.

Кира бродила вокруг этих луж, удивлялась их устройству и пыталась разглядеть в воде что-нибудь ещё. Бесполезно. Ничего принципиально нового.

Всю обратную дорогу она только и думала, как сделать удочку. Или сеть? Она ни черта не понимала в рыбалке. Да чего там, вряд ли кто из студентов вообще понимал. Если они и рыбачили, то с яхты под чутким присмотром наёмного рыбака, который всё за них делал, а они потом только фоткались в обнимку с красивыми рыбинами.

Ну, не голыми же руками их ловить? А что они едят, что делать наживкой? Фух...

Надо спросить у девчонок в лагере – всё равно тем нечем заняться, пусть тоже голову поломают.

К лагерю Кира почти доползла – устала жутко, ноги гудели. Есть хотелось, хотя она недавно доела свои запасы корней.

Однако у огня её не особо ждали. Там ругались.

Кира подошла ближе у свалилась в траву рядом с Вафлей.

– Что происходит?

– Спорят, кто будет корни рыть на склоне за тюльпанами.

Тюльпанами они называли растения, которые росли коло-

ниями – как щётка. По мнению Киры, эти растения больше напоминали забор из дощечек, но так как их украшали тускло-зелёные цветы, похожие на тюльпаны, решили – пусть будут они.

Если начистоту, то совсем не имело значения, как их прозвали, отметила Кира. Понятно, о чём речь, и ладно.

Ссора проходила вяло и вскоре заглохла. Чего они там не поделили вначале и что решили по факту, Кира не поинтересовалась. Она увидела Пустоту, которая сидела в стороне, обняв колени, и исподлобья следила за всеми, будто дикий зверь из клетки. Она сильно похудела, щёки впали. В других условиях Кира первым делом подумала бы, а не стоит ли проверить Пустоту у психотерапевта. Но сейчас... Хм. Сейчас сложно сказать, остались ли среди них те, кому этот самый психотерапевт не нужен.

Она поднялась и пошла к Пустоте, остановилась подальше, чтобы лишний раз не пугать.

– Могу подстричь сейчас, если ещё не передумала.

Та вначале зыркнула с яростью, но пару раз хлопнула ресницами, и взгляд прояснился, засветился ответной благодарностью.

– Да!

Они отошли в сторону, и Кира достала нож. На самом деле то, что ей удалось сделать из пряжки кресла, больше походило на скребок для ремонта, но «нож» куда лучше звучало. Прямо гордость в душе загоралась. Она – обладательни-

ца ножа!

– Как можно короче, – сглотнув, попросила Пустота.

– Как скажешь. Садись.

Кира взяла прядь её волос и стала их пилить. Нож был не таким острым, как ей того хотелось, так что волосы резались с трудом. Дёргала их Кира знатно, но Пустота молча терпела, только носом хлюпнула пару раз. И держала руки на коленях, а пальцы время от времени сжимались и тряслись. Кажется, расставание с шевелюрой давалось ей непросто.

И всё же она ни слова не сказала.

Когда стрижка закончилась, Кира машинально растрепала короткие прядки. Пустота резко оглянулась – её глаза были круглыми и бездонными. В них дрожали слёзы. Но выглядела она всё же не так жалко, как прежде. Даже свеженькой такой выглядела.

– Ты вообще как, в порядке? – спросила Кира. И тут же прокляла себя: не хватало ей ещё и чужих соплей! Вопрос глупый – ну кто тут в порядке вообще? Как тут можно быть в порядке?

– А что? – встрепенулась Пустота. И по-настоящему испугалась, даже сжалась вся.

– Да ничего, просто так спросила, – Кира на всякий случай отступила, сунула нож за пояс и взмахнула пустыми руками. – Просто так. Из вежливости.

Пустота подумала и кивнула.

– Спасибо. Э...

– Кирка.

Та сморщила нос.

– А имя у тебя есть? Настоящее? Терпеть не могу эти университетские тупые клички.

Ого! Зубки прорезались? Кира усмехнулась.

– Кира.

– А я Василиса.

– Приятно познакомиться. Ну, насколько это вообще возможно в данной ситуации.

Кира пыталась пошутить, однако Василиса-Пустота снова нахохлилась и ушла в себя.

Нет, всё же проще без душевных разговоров не пойми с кем. Лучше с Вафлей поболтать или даже с Зои перекинуться парой слов по делу. И хватит с неё общения.

Приняв такое своевременное решение, Кира распрощалась и ушла.

Ну, теперь ничего другого не оставалось, кроме как приступить к делу. Поэтому она, как и планировала, начала готовиться к рыбалке. Прошло несколько часов, и в результате титанических усилий Кира сделала следующие выводы:

1. Тащиться с ней на рыбалку чёрт те куда никто не собирался.

2. Как и чем можно рыбачить, никто не знал.

3. Последний вывод, единственный приятный. Снежная Дева принесла Кире подарок. Подарком стал сачок для рыбы. Это была такая штука из плетёной травы на круглой ра-

ме из лозы и с ручкой из какой-то палки.

Снежная Дева поднесла подарок, хихикая и радостно улыбаясь. Словно она не первая красавица АМКи, а невоспитанная дворовая хулиганка.

Сие сооружение на вид было довольно кривое и хлипкое.

– И как я должна действовать? Это же рыба, а не бабочка! – Кира взяла сачок в руки, неуклюже взмахнула им и даже рассердилась. Но ненадолго. По сути, Снежная Дева – единственная, кто попытался помочь. Ну, вернее, приложил хоть какие-то усилия. Остальные помогали словесно: поддерживали, сто тысяч раз повторили, что Кира сможет, она справится, у неё всё выйдет. Они в неё верят, да! Ну смешно, ей-богу! Ожидали, вероятно, что вдохновлённая словесами Кира воспрянет духом, взлетит и на всех парах понесётся на рыбалку, где как-нибудь всё само собой получится, а после всех ждёт праздник живота из рыбы и морепродуктов.

Жаль, что это так не работало.

Но сидеть и обижаться Кира не собиралась. Не особо-то она на других и рассчитывала. Кроме того, ей было просто необходимо чем-нибудь заняться – она физически не могла находиться без движения, без какого-нибудь действия – желательно, полезного. А ещё ей хотелось хотя бы на время побыть в одиночестве. Всё же два десятка девчонок могут вывести из себя. Конечно, они держались, как могли, и надо признать, держались неплохо, но это только пока они верили, что помощь вот-вот подоспеет.

Кира в это не верила. Нет, безо всякого сомнения, их уже ищут. Все. Но дело в том, что иголку в стоге сена найти проще. Даже если Земля отправит вообще все имеющиеся в наличии корабли (а такого быть не могло), то в масштабах вселенной шансы такие мизерные, что и в микроскоп не разглядеть.

Теоретически, поиски будут продолжаться очень долго. Теоретически рано или поздно какой-нибудь корабль прыгнет достаточно близко, чтобы поймать аварийный сигнал их катера. Но когда это произойдёт?

Думать об этом было невыносимо страшно, куда проще заниматься каким-нибудь полезным делом. Поэтому Кира, хорошенько отдохнув, отправилась обратно к лужам. Теперь в её распоряжении имелся какой-никакой сачок для рыбы, подходящая палка для того, чтобы попробовать сделать копье и самодельный рюкзак для улова. Правда, Кира особо не обольщалась: вряд ли она сможет что-нибудь поймать так быстро.

У неё было единственное преимущество перед остальными – она умела чистить рыбу. Тётка когда-то приносила рыбу, которую ловили соседи-браконьеры, и Кире приходилось её чистить. Если рыба была достаточно свежей, то даже трепыхалась. Так что Кира не сомневалась, что при необходимости легко сможет всадить в неё, живую, копье или нож. Главное, попасть.

Изумрудные Лужи встретили Киру с прежней безмятеж-

ностью. Еле плещется лазурная водичка. Берега пустые, лишь вдали шныряют в камышах какие-то невысокие животные, похожие на свиней. Только они были словно из костей, обтянутых шкурой – такие тощие, что есть там нечего. Ха! Первым делом при виде незнакомых животных Кира подумала не об опасности, а о том, годятся ли эти животные в пищу. Ну, прямо охотничьи инстинкты проснулись!

Однако всё это радужно-радостное настроение быстро испортилось.

Рыба не желала ловиться сачком. Она слишком быстро двигалась и слишком глубоко плавала, чтобы сачок её смог достать. Дважды Кира смогла подкараулить, когда рыбина заплыла в воду над сачком – и дважды не успела вытащить его достаточно быстро. Нет, так ничего не выйдет!

Тогда она решила сделать копьё. Идея приделать к палке нож была отброшена без колебаний. Рисковать ножом не стоит – он легко может отвалиться и утонуть. А сделать новый – это подвиг. На руках раны до сих пор не зажили, куда их заново мучить. Да и смысл? У ножа слишком толстое лезвие, оно скорее порежет рыбину и соскользнёт, чем проткнёт насквозь. Остро заточенное дерево с бóльшим успехом сможет пронзить рыбу. И с меньшими усилиями.

Довольно долго она сидела на берегу и затачивала палку. Дважды правила лезвие ножа о камни. Наконец, осталась довольна результатом. К другому концу копья она привязала кусок верёвки, чтобы его можно было вытянуть из глубины.

Продумала, казалось, всё. Но снова ничего не вышло! Она не смогла достать копьём рыбину, ни в одну не ударила!

Кира пробовала раз за разом, пока не свалилась без сил. И ничего... У берега, где стояла Кира, было слишком мелко, а зайти глубже она не могла. Не было смысла. Глупо целиться в рыбу сквозь толщу воды в метр глубиной.

Ничего не вышло!

Она немного посидела на берегу, свесив голову, и поплакала. Ну и поругалась, как без этого. Это несправедливо! Столько труда, столько сил – и впустую! За это время она мешок корней накопила бы и напекла!

Но вскоре успокоилась. Какой смысл переживать – только лишние силы тратить.

Кира решила пройтись вдоль луж, посмотреть, не найдётся ли чего нового и интересного. Погулять, отвлечься от неудач. Подумать. Кто не опускает рук, тот рано или поздно добивается желаемого. Конечно, если цель реальная. У неё вполне реальная.

Копьё, правда, она в сердцах запулила в заросли. Нужно делать другое – это слишком тяжёлое.

Вскоре на краю зарослей камыша она нашла следы других людей.

Глава 5. Подарок

Вначале она подумала, что это просто прилипшая к поверхности камня трава, но рассмотрев лучше, поняла – это сетка. Кто-то пытался сплести сетку, похожую на ту, которую сделала Снежная Дева.

Сетка порвалась, и её бросили здесь, потому что она была больше не нужна.

Это кто-то из группы Саблезуба! Ну, процентов на девяносто. Курсанты отправились в диаметрально противоположную сторону от катера, однако никому не известно, где они оказались в результате.

Кира вскочила на ноги и огляделась. Она так хотела кого-нибудь увидеть, что оглядывалась довольно долго, круга три по оси навернула.

Никого.

– Эй, тут есть кто-нибудь? – крикнула Кира. Прислушалась.

Тишина.

– Эге-гей! Ау! Люди-и-и!!

Тихо. Даже камыш застыл, перестал шевелиться от ветра.

Никого.

Похоже, кто-то, как и она, пытался здесь рыбачить – и тоже безуспешно. Значит, этот человек или эти люди вернутся. Может, вместе будет проще придумать, как выловить эту

проклятую рыбу?

Поостыв, Кира, конечно, задумалась, стоит ли рисковать и связываться с парнями из группы Саблезуба. Вдруг у них крыша набекрень съехала, и это опасно? Но решила, что когда крыша едет, то вряд ли отправишься на рыбалку добывать пропитание. Скорее, грязью разукрасишь свою физиономию, начнёшь без белья скакать по лесу и вопить, как обезьяна.

Жаль, что они с рыбаком разминулись. Кире тоже пора было возвращаться в лагерь. Она собиралась попросить Снежную Деву свить длинную верёвку, чтобы узнать, какая глубина у больших луж. И ещё бы камень дырявый найти по пути, из которого можно сделать груз. Нырять в глубину, где водится неизвестно что, она, конечно, не станет, а вот груз бросить и посмотреть, сколько верёвки уйдёт под воду, очень даже можно. И не прилипнут ли к ней водоросли. Или моллюски. М-м-м...

Так, хорош мечтать. Пора идти домой.

Но хотелось дать знать этим рыбакам, что они не одни. Передать привет.

Кира шагнула в камыши, порыскала там и сорвала тонкую лозу. Обстругала один конец, сделав мини-копье. Воткнула его в дырку пористого камня и привязала наверх несколько травинок. Такой мини-маяк, по которому издалека понятно, что его сотворили человеческие руки. Это ведь дико приятно, когда на задворках галактики ты видишь доказательство

того, что не одинок. Пусть даже речь о девчонках из соседнего лагеря.

Вернувшись, Кира первым делом нашла Зою и сказала, что на рыбалке видела следы кого-то из группы Саблезуба. Нет ли от них новостей?

– Как нет? Есть, конечно, – недовольно буркнула Зоя. – Этот их козлиный предводитель с манией величия прислал требование к кандидаткам на пост его любовницы. Молчать, пока не спрашивают, и улыбаться.

– Да это не важно, – отмахнулась Кира. – Нет ли новостей, как они живут, где? Нашли что-нибудь интересное?

Зоя старательно окинула Киру жалостливым взглядом.

– Ну, ты разогналась, подруга! Сразу видно, ничего о Саблезубе не знаешь. Не скажет эта скотина ничего, если ему невыгодно.

– Глупо, – ответила Кира. – В нашем положении нужно помогать друг другу, а не так...

– Да о чём ты! До Пустоты быстрее дойдёт, в какой мы жопе, чем до Саблезуба. Так что извини, ничем помочь не могу.

Кира невольно улыбнулась. В академии она не любила общаться с корпоративными детками – и даже не потому, что они считали себя во всех отношениях круче (хотя поэтому тоже, конечно). И всё же вменяемых было больше, чем подобных Саблезубу. Но всё равно – разницу в положении никуда не денешь. О чём, к примеру, можно говорить с челове-

ком, который с младенчества жил в апартаментах, где любая комната больше всей твоей квартиры. С человеком, который тратит на карманные расходы миллионы и не поймёт никогда, почему ты покупаешь не самый крутой гаджет, а тот, что дешевле. С человеком, который на выходные летает на самые дорогие и модные курорты, пока ты годами копишь на один короткий отдых у моря. С тем, кто никогда не делает уборку, а ты сама драишь свой унитаз. О чём им говорить? Нет, они слишком разные.

Но тут всё перевернулось с ног на голову, и даже с Зои есть о чём перекинуться парой слов.

Пока они болтали, к ним быстро подошли две девчонки, Назира и Ксения – та, что в малиновом костюме.

– Зои, – шёпотом сказала Ксения, мельком взглянула на Киру и продолжила: – Мы нашли нору.

– Чего? Какую нору?

– Такую. Дыра в земле. Там, на западе. В лесу. Она огромная и глубокая. Не знаю, кто там живёт, но после этого провала в земле мне как-то сильно не по себе.

– А что ты делала на западе? – сердито спросила Зои. – Туда упёрлись курсанты. Не помнишь, что сказал Лука? А что-то подсказывает мне, что он тот ещё бешеный! Я таких на ринге перевидала. Думают только о том, кому бы вломить!

– Не сделает он мне ничего! – убеждённо заявила Ксения и пренебрежительно усмехнулась.

Зои хлопнула себя по лбу и закатила глаза.

– Так ты будешь слушать, нет? – спросила Назира.

– Ладно, она. А ты что там делала? – Зои уже завелась.

– Гуляла, – огрызнулась Ксения. – Гуляли мы. Воздухом дышали свежим. Клад искали. Песни пели. Грибы собирали. Какая разница, что мы там делали? Ты что, не слышала про нору?

– Слышала. И что ты предлагаешь делать? Бегать и кричать? А-а-а! Нора! Там нора! Так, что ли? Ладно... что за нора?

– Она огромная. Корова может войти, не нагибаясь, – сказала Назира.

– Корова? – Зои скептически посмотрела на неё. – Ты видела хоть раз, чтобы корова нагибалась?

– Что ты придираешься? – Разозлилась Ксения. – Нашла время икру метать!

– Я не видела, чтобы корова нагибалась, – тихо ответила Назира. – Но ты, Зои, лучше бы представляла не то, как она нагибается, а какого размера эта нора!

Та вздохнула.

– Ладно, ты права. Что вы рассмотрели?

– Ничего. Мы увидели: в земле что-то темнеет. Подумали вначале, может, курсанты землянку вырыли или даже разработки чьи-то остались. Ну, вроде базы. Может, тут полезные ископаемые добывали. И вот мы решили посмотреть поближе. Но потом видим – нет, это не человек сделал. Там землю будто когтями скребли и в сторону отбрасывали. Как только

поняли, сразу сбежали оттуда.

– Там ничего не шевелилось?

– Нет, к счастью, – нервно хихикнула Ксения. – А то я бы там и осталась с разрывом сердца.

– Звуки, запахи какие-нибудь?

– Тоже нет. Тихо было, никаких звуков. А пахло... может, какой-то и был запах, но попробуй пойми. Тут везде иногда пахнет неизвестно чем!

Что правда, то правда. Иногда в воздухе появлялись разные необычные, резкие и откровенно неприятные запахи. Неизвестно, чего. Что-то похожее на гниль было и какой-то бензин или мазут. И газ вроде сероводорода. К счастью, всё это быстро проходило. Они, конечно, старались не вдыхать, потому что газ мог быть ядовитым, но не дышать совсем тоже невозможно.

Пока проносило.

Зои вздохнула. Посмотрела на Киру. Кажется, подумала о том же самом: вот откуда лезли личинки. По крайней мере, очень на это похоже.

– И что делать теперь? – спросила Назира.

– Ничего. Будем следить за той стороной и не лезть в лес!

Ксения хотела что-то ответить, но осеклась. И правда, Кири тоже в голову ничего дельного не приходило. Что они могли поделать? Ни оружия, ни инструментов для исследования. Только и можно, что держаться от всего потенциально опасного как можно дальше.

– А если тот, кто нору вырыл, сюда приползёт? – Громко прошептала Ксения, нервно дёргая молнию на своей кофте.

– Ну, пока не приполз вроде, – отмахнулась Зои с таким равнодушием, будто были дела поважней.

– Надо остальным рассказать? – спросила Назира.

Тут Зои не думала.

– Конечно! Может, меньше будут туда лезть.

Ксения недовольно поджала губы.

– А то лезут, куда не нужно, а потом – раз, и кого-то сожрали, – мрачно сказала Зои.

– Тупенькие у тебя шутки! – Ксения так сильно дёрнула молнию, что чуть не оторвала.

– Да ладно, ладно, не бесись, – Зои усмехнулась. – Мы тут все повязаны, сама понимаешь. Так, девчонки?

Кира молча пожала плечами. Кто его знает. Вон большинство умотали вдаль и не считают себя с кем-то повязанными. И вообще, это не её забота. Разобраться бы с рыбалкой.

– А вы там ходили – курсантов не видели, случайно? – спросила Зои.

Девчонки переглянулись и синхронно покачали головами.

– Ничего? Следы какие-нибудь... Ну, сломанные ветки, навесы, кострище?

– Да мы недалеко ходили. Нет, ничего такого. А что, думаешь, они близко?

– Это вряд ли.

Кира про себя согласилась. Теперь она подозревала, что

курсанты не только были лучше оснащены, они ещё и знали больше. Знали нечто такое, чем не хотели делиться.

А может... это всё и есть стресс-тест?

Она дикими глазами огляделась, словно впервые увидела и камни, и серое небо, и рухнувший катер, который, однако, неведомым чудом не развалился и никого не угробил. Необъяснимо, почему не угробил. И вся эта история в целом... Полковник Геройченко сам же говорил: на пределе возможностей. Допускаются опасности и даже гибель. Нечто необычное, ситуация, выходящая за рамки всего, с чем они ранее сталкивались. То, что позволит руководить, управлять и даже жертвовать чужими судьбами.

Сердце вдруг забилося как набат, грохот отдавался в ушах.

Если это стресс-тест, то... то...

– Эй, да что с тобой! – Зои толкнула Киру в плечо и слегка перестаралась – та чуть не опрокинулась на землю. Но в себя пришла.

– Ничего, – буркнула, оглядываясь. Девчонки уже ушли. – Так, задумалась.

– Задумалась? Я решила, ты кони двигать собираешься. Частое дыхание, замерший взгляд, радужка на весь зрачок... Ну, ты даёшь!

– Извини. Просто короткий приступ неконтролируемой паники. Показалось, я сейчас задохнусь.

Зои вздохнула и неуклюже потрепала Киру по руке.

– Да, это мне знакомо. Ну, держись. Не кисни.

Закончив таким образом процесс подбадривания, Зои быстро слиняла к другим, менее проблемным сокурсницам.

Оставшись в одиночестве, Кира снова вернулась мыслями к этому допущению. Что они не в беде, что они пройдут стресс-тест. Но мозг как-то буксовал и не продвигался дальше. Это было очень странно, прежде с Кирой подобного замедления не случалось. Она пыталась снова и снова, и от безуспешных попыток разболелась голова.

Пришлось отступить. На время. Жизнь сама себя не проживёт.

И вот теперь задача на сообразительность. Как поймать рыбу, не имея ровным счётом ничего для её ловли, даже навыков? Даже, по сути, знаний? Вот уж задача так задача. Кира любила сложные задачи. Когда она после множества неудачных попыток и долгих размышлений находила решение, это был почти экстаз. Секс не приносил столько удовольствия, как решение зубодробительной головоломки. Хотя если сравнивать... первое случалось так редко, неуклюже и глупо, что и вспоминать не стоит, а вот головоломки Кира любила.

Так что вперёд!

Первым делом она попросила Снежную Деву помочь с верёвкой, на что та сразу же согласилась. Вторым – отправилась совершать уже привычный цикл – еда-сон.

А когда проснулась, выяснила, что с её лёгкой руки эти необычные водоёмы так и прозвали – Изумрудные Лужи. И

внесли на карту, которую кто-то начал рисовать на обшивке катера. Вернее, выцарапывать острым камешком. Кира слегка «подправила» дорогу и форму самых крупных луж, полюбовалась на картинку, где даже нору на западе обозначили, украсив черепом и перекрещенными костями, и снова отправилась на рыбалку.

Если подумать, это забавно: ходишь, гуляешь, ничего толком не делаешь, а как громко звучит – на рыбалку!

Она надеялась встретить там рыбака. Если он возвращался, то точно увидел оставленное ею послание.

Пусть к Изумрудным Лужам уже настолько примелькался, что Кира нашла несколько более лёгких обходных дорожек и уже запомнила несколько приметных ориентиров – например, особенное дерево с тёмно-зелёной корой и светлыми листьями примерно на середине пути. Поэтому она могла ориентироваться по времени.

И вот знакомые заросли местного камыша, в которых уже порядком вытоптаный коридор выводит на берег из жёлтого камня. Или из жёлтой губки. А лужи сейчас такие зелёные, ну прямо как на картинке! И в самом деле, такую можно вставить в рекламу какого-нибудь экзотического прекрасного уголка – и туристы повалят.

Но студентам АМКи всё это, конечно же, снова досталось на халяву! А-ха-ха!

С колотящимся сердцем выскочив на берег, первым делом Кира, конечно же, огляделась. И скисла – ни единой живой

души.

Ну ладно, чего сразу расстраиваться. Не ждала же она на самом деле, что кто-то заметит оставленные ею следы, встанет истуканом и будет ожидать, пока она появится? Часы пройдут, сутки пролетят, а он так и будет стоять? Нет, конечно! Ничего страшного, что рыбака нет. По логике, рано или поздно они всё равно пересекутся.

Надо выяснить, он вообще появлялся? Нужно пройтись вдоль берега и поискать следы. Идти по прямой к тому месту ближе через лужи, но Кира пошла по дуге – по берегу вдоль камышей. По её подсчётам, до места, где она оставила знак, не меньше километра. И она шла, внимательно смотря под ноги, чтобы ничего не упустить.

И вот уже, кажется, километр позади, а вокруг ничего не изменилось. Ни примятых камышей, ни остатков травяной верёвки, ни её копыя. Ничего.

Кира остановилась. Но тогда... тогда, выходит, всё равно кто-то появлялся и убрал её напоминание – палочку? Она уже совершенно точно прошла место, где её оставляла. Даже если бы тощие кабаны повалили палку, та осталась бы валяться на земле. Но Кира ничего не нашла.

Жаль, конечно... Но может, рыбак из группы Саблезуба посчитал, что им не стоит встречаться? Неизвестно, кто это – может, он посчитал Киру конкуренткой? Хм.

Ладно, что теперь поделывать, нет – так нет. Ничего, справится сама, ей не привыкать.

Кира передохнула, понаблюдала, как в небе над водой кружатся небольшие птицы, тоже какие-то несуразные и костлявые, и пошла к точке своего выхода на берег напрямик, по лужам. Так короче. Заодно заглядывала в воду в поисках чего-нибудь нового. Ничего не нашла.

Где-то на полпути она посмотрела в сторону берега и... взгляд выхватил какую-то мелочь, какой-то знак – предмет, которого там быть не должно. Нечто, явно оставленное человеком. Но Киру от этого «нечто» отделяла, как назло, огромная вытянутая лужа. Ладно... Она бросилась оббегать её вокруг. Ну и, конечно же, словно специально, выбрала самый длинный путь!

Но вот, наконец, добежала. Последние шаги она проходила всё медленнее, будто боялась спугнуть чудо. Подошла. Перед ней торчало копьё – то самое, которое она оставила. Но не просто так. Оно пришпилило на мелководье рыбину.

Рыба! Самая настоящая рыба! Кто бы это ни был, он сделал то, о чём Кира только мечтала – поймал рыбу! И, видимо, не одну, иначе не поделился бы уловом.

Кира присела на корточки и сунула руки в воду. Вот почему она не нашла следов – она искала на берегу и в камышах. А подарок ей оставили среди луж. Надо же, она туда даже не смотрела! А надо было всего лишь разок повернуть голову направо!

Кира аккуратно выдернула копьё и схватила скользкое тело обеими руками. Чешуи у рыбины не было, только гладкая

тёмно-серая, почти чёрная кожа. Длинный невысокий плавник на спине и почти такой же на брюхе. Формой рыбина была похожа на угря – вытянутая, с круглым телом. А вот в пасти зубы! И пасть достаточно широкая, чтобы сунуть туда палец.

Красота!

Длиною в две ладони. Жирненькая! Даже слюна выделилась в процессе осмотра добычи. Вернее, подарка, хотя на аппетит это никак не влияло. Это еда! У неё в руках еда! Она вскочила, уже представляя, как разведёт огонь и поджарит рыбину. И съест до последнего кусочка, и косточки обглодает.

Но далеко идущие планы пришлось отложить, потому что вдруг стало темнеть. Из-за слишком пристального внимания, которое Кира уделила пище, она прозевала сумерки. Ещё бы, да она про мать родную забыла, когда рыбу в руки взяла! Хотя, чего о ней помнить? Она ушла от передоза, когда Кире было пять. Ровно за три года до отца.

Надо было спешить!

Кира подобралась, смотря на солнце, которое упало к югу. В прошлый раз от света до темноты прошло довольно мало времени. Нужно немедленно бежать в лагерь.

Но рыба... На всех девчонок её не хватит, конечно же. Тут одной едва червячка заморить. Неохота приносить ценную добычу в лагерь, где наверняка из-за неё начнётся свара. У них ведь нет ёмкости, чтобы, к примеру, сварить суп и раз-

делить бульон на всех. Нет, они могут только запекать на костре и в углях – значит, рыбу эту никак не поделишь. Нет уж, в лагерь такой камень преткновения нести нипочём нельзя! И времени запекать нет – иначе стемнеет, и тогда Киру сожрут личинки. Или какой-нибудь другой неизвестный ночной хищник. Наверное. Может, и нет, но кто в здравом уме рискнёт проверять? Даже ради такого подарка.

Кира посмотрела на рыбину, и на секунду у неё мелькнуло желание проверить. Может, ну их, личинок? Зато печёная рыба, мм – м...

Так, нет – времени на глупости нет. Нужно возвращаться в лагерь.

А рыбу... можно съесть сырой. Не оставлять же здесь? Она протухнет, это ещё хуже.

Кира вытащила нож и стала её чистить. И правда, дома сырая рыба некоторых видов считается деликатесом. Так что Кира сейчас вкусит деликатесной пищи. Она вспорола брюхо, на миг задержав дыхание – вдруг там икра? Нет, только обычные на вид, остро пахнущие кишки. Быстро отпилила голову – рыба очень походила на земную. И пахла очень похоже. Оставалось надеяться, что и вкус не подведёт.

Несколько минут спустя Кира уже на всех парах неслась к лагерю, периодически останавливаясь, чтобы оторвать зубами кусок сырой рыбы. Когда хватало дыхания, она хохотала. Это было просто ужасно смешно! Жрать на бегу сырую рыбу. Такую вкусную, что Кира и с костями бы её проглотила,

но побоялась последствий. Тут ни больницы, ни хирургических капсул, даже нано-кресты существуют в теории и только у курсантов.

Рыба закончилась быстро. Остаток дороги Кира перекачивала на языке кусок хребта и выплюнула его уже у лагеря. Она успела вернуться вовремя. У ручья было пусто и тихо. Место выглядело жутко – обычно здесь кучковались девчонки, болтали, ходили вдоль воды, купались. Даже смеялись иногда. А сейчас и следа от них не осталось.

Будто они совсем исчезли. Вымерли.

Последнюю сотню метров до катера Кира проскакала галопом, и только убедившись, что все уже в катере, с облегчением выдохнула. На одно страшное мгновение ей показалось, что она осталась тут, на поверхности незнакомой ей планеты, совершенно одна. Одна! Все остальные пропали, а может, их и не было никогда. Это – наказание за жадность, за то, что она сожрала подарок – рыбу, в одно лицо и ни с кем не поделилась.

– Фух, наконец-то! – Зои встречала Киру у входа в катер. – Я уже испугалась, что ты не вернёшься.

– Сама думала, что не успею. – Кира согнулась и схватилась рукой за стену, чтобы отдышаться.

– Видела что-нибудь?

– Нет. Всё как обычно. Но я не смотрела, честно говоря, – бежала быстро.

– Ладно. Давай, заходи, мы закроем вход.

Оказывается, девчонки успели сплести подобие панели из лозы и травы, которой сейчас и загородили люк. Панель выглядела хлипкой, и личинка, скорее всего, её бы и не заметила, снесла и смяла только благодаря своему размеру и весу, но всё же так было легче, спокойнее.

Началась ночь.

Зои, Кира и Снежная Дева сидели у входа и по очереди осматривали окрестности с помощью тепловизора.

Долгое время не было ничего. А потом вдруг раз – и несколько крупных пятен.

– Как они так быстро вылезли? – воскликнула Кира, неверяще уставившись в экран. – За полчаса! Они что, быстро ползают?

– Или летают, – мрачно предположила Зои.

– Ну, летают – это вряд ли. Сложно представить такую тушу в воздухе. И потом, нора...

– Нора далеко в лесу! А поблизости нор нет. Они не успели бы доползти из леса, да ещё в горку.

– Или... они вырыли нору здесь. Может же быть, что та нора старая, брошенная? А они переселились сюда. Где живут, там роют выход на поверхность на время ночи, а после прячутся и зарывают вход обратно. Может же такое быть? – горячилась Кира.

– Да всё может быть, – пробурчала Зои. – У нас фантазии не хватит предположить, что может быть.

– Днём нужно будет проверить, нет ли вокруг свежевры-

той земли.

– Лично пройдусь.

Снежная Дева, которая молча всё это слушала, вдруг предложила:

– Может, спросим эту нашу энциклопедию? Вдруг она что слышала?

– Оленьку? – Кира посмотрела во тьму катера, где почти все спали. Вафля сидела неподалёку и наблюдала за ними. Кира улыбнулась ей. Вафля улыбнулась в ответ и закрыла глаза.

– Вроде да. Ту, с энциклопедической памятью. Спросишь?

– О чём?

– Ну, слышала ли она про плотоядных личинок или жуков размером с автомобиль.

– И так понятно, что слышала. Даже я слышала что-то такое.

– Тогда про то, как большое насекомое роет нору в земле, а когда заползает обратно – зарывает за собой, да так, что следов не остаётся.

Кира согласилась. Потом, тихо ступая между кресел, нашла и привела Оленьку, которая не особо хотела вставать и куда-то идти. На месте изложила ей детали.

– Попробуй вспомнить хоть что-то похожее.

– Сейчас?

– Почему нет?

– Я спать хочу. А когда я устала, плохо вспоминаю. – Капризно ответила Оленька Ни-о-чём.

– А ты напрягись! – довольно агрессивно сказала Зои. Оленька надула губы, а Кира вдруг подумала, что раньше такой тон сразу бы приняла в штыки – мол, девица, родившаяся с серебряной ложкой во рту, наезжает на бюджетницу. А сейчас вдруг поняла: Зои любому так сказала бы.

– Пожалуйста, попробуй, – попросила Кира. – Это очень важно. Вся надежда сейчас на тебя, на твою память. Ты можешь нам всем очень помочь!

– Ладно. Только ради тебя, – буркнула Оленька. С неприязнью взглянула на Зои. Вдохнула и задумалась. Её глаза блестели в полумраке, словно значок на экране, который показывает, что процесс идёт. Через несколько минут она мигнула и покачала головой.

– Нет, ничего.

– Жаль.

Кира, честно говоря, тоже надеялась, что Оленька Ни-о-чём вдруг воскликнет: «А! Это же те самые личинки с планеты такой-то в таком-то узле! Об этой планете, кстати, я знаю больше, чем дофига! Вот, к примеру, перечень ближайших баз». И выдаст этот перечень, и всего-то останется, что найти базу и вызвать помощь.

Разочарование было горьким, как кофейный осадок. Оленька ушла, а они сидели и молчали самым траурным молчанием на свете.

Больше ничего не произошло, рассвет наступил, как и в прошлый раз, через восемь часов.

Кира сразу же занялась делом. Собралась, приготовила две порции еды, одну съела, вторую взяла с собой и побежала к Изумрудным Лужам. Её расчёт был прост: наверняка, рыбак из группы Саблезуба, переждав ночь, тоже отправится на рыбалку.

Она бежала всю дорогу, почти не останавливаясь. Уже в конце пути пришло в голову, что надо бы смотреть не только под ноги, а и вокруг. Вдруг появились норы или что-нибудь подобное?

Но было поздно – впереди сплошной полосой вставал тростник. Кира остановилась и привела себя в порядок. Ну, как смогла – отдышалась, пригладила волосы и проверила, чтобы на одежде не было комков грязи и прилипших веточек. А то выскочит, как всклокоченная фурия из кустов, напугает ещё.

На берегу было прохладно, после ночи вода, похоже, долго прогревалась.

И там кто-то был! У камышей на противоположной стороне виднелась мужская фигура.

Он один. Прекрасно! Всё же она переживала и, скорее всего, не рискнула бы подойти, если бы рыбаков было несколько. По крайней мере, сразу. Пришлось бы наблюдать издали. Но не теперь...

Кира быстрым шагом пошла вдоль берега к рыбаку, уже

заранее восторгаясь его умениями. Подарок сам за себя говорил – этот человек смог найти способ и добыть рыбу. Вкусную, сочную, свежую рыбу! Разве это не достойно уважения?

До него оставалось ещё довольно далеко, когда Кира поняла, кто это. И ничуть не удивилась. Если совсем уж начистоту, она с самого начала подозревала, что это будет Никита. Потому что любой из парней, ушедших с Саблезубом, последнее, что сделает, так это начнёт работать или любым другим способом утруждаться. Как и девчонки из лагеря. Они много болтают, но пойти с ней и замарать ручки никто не захотел. Со временем и те, и другие станут, конечно, работать – куда денутся, но вначале будут пытаться припахать кого-то другого. А бюджетник в группе Саблезуба остался только один.

В общем, Кира не удивилась, что рыбаком оказался именно Никита. Не Саблезуб же, ей-богу! Да и вообще, Кире казалось: они похожи в том, что будут пытаться что-то делать. Не смогут просто влачить то существование, которое им уготовила судьба. Учитывая пряжку, учитывая, что он не прошёл мимо в момент эвакуации, а помог пристегнуться... Он из тех, кто молчит и делает.

И кстати, признаваться бы она не стала, но на самом деле была безумно рада, что это именно Никита!

Он ждал на берегу, пока Кира не подошла. Скупая улыбка появилась на его лице всего на миг.

– Так и знал, что это ты.

– Откуда?

– Из всех девчонок ты единственная, кому хватило бы решимости и желания сюда дойти.

– И когда это ты успел составить наши психологические портреты? Мы с тобой знакомы без году неделя.

– Вообще-то мы вместе проучились четыре года.

Кира неловко пожала плечами. Не то чтобы ей было стыдно, что она позабыла эту маленькую деталь. Она пришла в АМКу учиться, что и делала. А не наблюдать за жизнью «иных». По правде, Кира не обращала внимания ни на кого вообще. С Вафлей общалась, потому что та соседка, да и проще вдвоём. Ещё с несколькими бюджетницами – потому что они девчонки и все на одной волне. Но и всё – этим круг общения ограничивался. Кира не следила за остальными студентами и никогда ими не интересовалась. Слушала, конечно, сплетни, потому и знала большинство – а как иначе? Но про Никиту никогда не сплетничали.

– Хочешь сказать, четыре года вёл за нами наблюдение?

– Нет, я не настолько организован. Но учитывая критическую ситуацию, которую мы пережили, хватило и суток.

Кира улыбнулась через силу. Вспоминать те сутки не хотелось, при мыслях о том времени на неё накатывали апатия и безысходность.

– Я тебя рада, конечно, видеть, но давай без этих вот штук – психологические портреты, знаю вас всех, как облупленных, и так далее и тому подобное... не надо.

Он кивнул. Такой серьёзный. Стоит босиком, штаны закатаны до колен, связанные шнурками кроссовки висят на шее. На плечах рюкзак, в руке самодельное копьё. Кира невольно расплылась в улыбке. Дикарь, да и только. Прямо как она сама!

– У меня не получилось никого поймать, – пожаловалась Кира. – Снежная Дева сплела мне сетку и даже садок смастерила, но... – она развела руками.

– Ты нашла то, что я оставил в прошлый раз?

– Да! Это была самая вкусная рыба в моей жизни, – Кира нервно рассмеялась, прикинула, говорить ли, что она сожрала её сырой – и не рискнула. – Как ты её поймал?

– Я тебя научу. Если хочешь.

– Да! Конечно, хочу! Зачем ещё, по-твоему, я сюда таскаюсь?

– Ну, может, ты любишь далеко и долго гулять.

Кира вдруг помрачнела. Наверное, это смешно, да. Но и жутко.

Никита вроде бы не обратил внимания.

– У меня как раз есть второе копьё.

Он отошёл и достал из камыша такую же, как у него, палку, заточенную с одной стороны. На душе потеплело. Никита, похоже, не просто её ждал – он готовился. Хотя и не так уж был уверен, что это она, иначе бы не прятал второе копьё в траве.

– Моё старое, – пояснил Никита. – Мне пришлось сделать

длиннее, а это как раз для твоего роста.

Копьё лежало в руке удобней, чем то, что Кира сделала себе сама. Она перехватила его двумя руками и сказала:

– Я готова!

И они пошли на рыбалку: он – учить, она – учиться.

О! Вот что Кира умела и обожала делать – это учиться. Когда всё уже придумано и сделано за тебя, только и нужно, что перенять навык. Это идеальная жизненная позиция в её понимании.

Никита, таким образом, моментально переместился в разряд учителей, к которым Кира питала уважение просто за один факт их существования. Человек, который умеет что-то, чего не умеют другие – вот что действительно ценно!

Но вначале было ещё одно – то, за что его стоило уважать.

Кира сглотнула и произнесла:

– Кстати... Спасибо. За зажигалку.

– Не за что.

Сказал, даже не повернувшись, равнодушно, будто таких зажигалок у него вагон и маленькая тележка. Но всё равно Кира была рада, что поблагодарила. И тому, что он здесь. Когда живёшь в человеческом муравейнике, не думаешь, каким ценным может стать элементарное человеческое общение с себе подобным. Забываешь, какую благодарность и признание может вызвать чья-то неожиданная забота.

– Ну, ты как, готова?

– Веди, о, лучезарный!

Никита резко обернулся, мелькнул ошарашенный взгляд.

– Это тот, кто несёт свет знаний. А ты что подумал? – захихикала Кира. Похоже, и ему есть чему поучиться.

Пожав плечами, Никита повёл Киру в глубину луж.

– Пока я нашёл только один способ добыть рыбу, – рассказывал он по дороге. – Ты, наверное, видела: тут или совсем мелкие водоёмы, в которых никто не водится, или такие глубокие, что дна не видно.

– Лужи. Я назвала это место Изумрудные Лужи. Это официальное название, оно утверждено нанесением на карту. Ну, на карту, которая на боку катера.

– Вы рисуете карту? Молодцы!

– А то!

– Ладно, пусть будут лужи. Так вот. В глубоких копьём не поймаешь; может, удочкой, но крючок... можно, в принципе, соорудить, только на что ловить? Пока наживку подберёшь... И я решил попробовать вариант попроще. Просто предположил, что если есть совсем мелкие лужи и совсем глубокие, то где-то будут и средние. Там, возможно, водится рыба, которую получится достать копьём. Или ещё вариант – найти место, где глубокая лужа объединена с мелкой, и тогда рыба сможет переплывать из одной в другую и появляться на мелководье.

– Да, я тоже думала, но таких мест не видела.

– А я нашёл. Правда, всего одно. Эти геотермальные источники очень интересно устроены. Думаю, они все связа-

ны. Глубокие – прямыми большими ходами, а в мелкие вода просачивается через стенки, похожие на губку.

– Вполне может быть.

– И эти лужи, они ведь очень большую площадь занимают. Я уходил так далеко, что берег был еле виден – и не видел другой. Думаю, тут площадь может быть, как у земных океанов, на четверть суши. Но идти далеко опасно.

Кира оглянулась – берег отдалялся. Она так глубоко не заходила, почему-то сразу решив, что все лужи одинаковые. Но тут они становились другими. Вода меняла цвет на более насыщенный, в некоторых на дне были видны камешки и даже что-то вроде водорослей.

Они ушли так далеко, что Кира с тревогой посматривала в сторону берега и уже хотела развернуться обратно. Заблудиться среди этих луж... так же страшно, как в камыше.

Никита словно увидел её волнение, сказал:

– Почти пришли.

– А вода тут солёная?

– Ты не пробовала?

– Нет, как-то в голову не пришло.

– Солёная. Я пытался использовать её в качестве соли, но не вышло.

Кира вздохнула. Берег всё ещё виднелся. Тот, от которого они пришли. А вот с другой стороны... Там не было ничего – лужи утекали за горизонт и, видимо, продолжались дальше. Жутковато.

Площадь, как у океана. Хм. А как тут выглядит шторм или буря? Шквальный ветер, волны... Они такие высокие, что вода легко выплёскивается, переливается из лужи в лужу? И человека так же легко снесёт и утопит?

Кто знает, кто знает. Только и остаётся, что угадывать.

Да если бы хоть кто-то когда-то сказал Кире, что она окажется, как потерпевшая кораблекрушение, на необитаемом острове, только ещё хуже – на незнакомой планете – да она этого человека высмеяла бы раз и навсегда, чтобы чушь не нёс!

И вот она тут. Шлёпает босыми ногами по самому странному океану во вселенной.

– Это так всё... нелепо, – вздохнула Кира. – Ну, что приходится бегать тут по лужам, точить ножиком копья и есть, что попало, надеясь, что это тебя не убьёт.

Никита резко остановился, но не обернулся.

– Я... не хотел, чтобы так произошло. Чтобы тебе... или ещё кому-нибудь пришлось так жить.

Он говорил это таким тоном, будто нёс личную ответственность за произошедшее. А он не нёс, как бы Кире ни хотелось найти виновного и всё на него свалить.

– Да ладно, не парься. Что ты мог сделать? Против Саблезуба? Сам же говорил – такой враг никому не нужен.

– А, ну да.

И он, как ни в чём не бывало, пошёл вперёд.

– Во-он она! Лужа, которая нам нужна.

Слово «лужа» он теперь произносил с явным удовольствием.

Кира увидела, что неподалёку в берег воткнута палка с развевающейся травкой, привязанной сверху. Точно такой же знак, что оставляла она.

– Тут и берег широкий. Как раз чтобы вещи оставить и не намочить. Давай, пять минут отдыхаем и начнём.

– Да я вроде не устала.

– И отлично! Тогда давай вещи сюда складывай – и пойдём.

– А ты зачем рюкзак берёшь?

– Рыбу складывать.

– Рыбу? Думаешь, столько набьёшь?

– В прошлый раз набил. Ты, когда поймёшь, как это делать, тоже за рюкзаком вернёшься. Можешь, конечно, сразу таскать, только зачем силы тратить?

– Вдруг я не пойму, как это, и ничего не поймаю... – вздохнула Кира.

– Поймёшь, я не сомневаюсь. Тут главное – реакция, а реакция у тебя отличная.

Прозвучало как изысканный комплимент. Кира даже порозовела слегка. Она не была избалована комплиментами, да и мужским вниманием тоже. Вернее, вниманием тех, кто имел в её глазах цену. И речь не о деньгах. Наоборот, таких как Саблезуб, Шпрот или Чёрный Огонь, она не уважала. За что их уважать? За то, что им случайным образом досталось

космическое количество власти и денег? Нет уж.

А вот человека, который мог научить – это другое дело. Только специфика учёбы заключается в том, что учишься обычно у мертвецов, которые когда-то написали умные книги или учебники, или у убелённых сединами профессоров – преподавателей АМКи. А тут живой человек.

Никита тем временем вошёл в воду.

– Не глубже, чем до середины икры. Нужно встать и замереть. Тогда рыба подплывает близко. А потом – просто быстро ткнуть в неё копьём. Сможешь?

Он поднял голову, с сомнением взглянув на неё, будто впервые подумал, а поднимется ли у Киры рука.

– Не сомневайся!

– Ну, тогда всё, больше хитростей нет. А, хотя... мне кажется, она, в смысле рыба, лучше подплывает, если пальцами шевелить.

– Правда? – Кира рассмеялась, прошла в воду дальше от берега и от Никиты, чтобы ему охоту не перебивать. Лужа действительно была по площади большой, но при этом воды всего по колено. Попадались камешки. Потом нужно проверить, камешки это или, может, моллюски? Морепродукты, м-м-м...

– Пока это теория.

Никита усмехнулся, а потом резко вонзил копьё в воду. Поднялся фонтан брызг. Он наклонился и поднял копьё, на острие которого трепыхалась рыбина. Кира замерла, с вос-

торгом наблюдая, как извивается тёмное тело. И, судя по укусам, которые достались палке, рыба очень даже хищная.

– А она не кусается?

– Меня ни разу не укусила. Но всё, конечно, может быть. Поэтому далеко от берега я не отхожу.

– Ты говоришь – пальцами нужно шевелить. Наверное, она думает, что это добыча, раз навстречу плывет.

– Хм. Ладно, я перехотел шевелить пальцами.

– Фух, – Кира вздохнула, схватила копьё покрепче и сказала: – Тогда начнём.

И начала. Пусть и не сразу. Да что там скромничать, далеко не сразу! Особенно это раздражало на фоне того, как чётко припечатывал рыбу Никита. Словно это не доставляет ему ни малейшего труда.

Другая девчонка на месте Киры давно бы психанула и бросила это гиблое занятие, но не она! Она, наоборот, почувствовала азарт. Нет уж, зуб даю, я поймаю хоть одну! Вот что решила Кира, хищно улыбнулась и продолжила.

– Бей не в неё, а чуть перед ней – туда, куда она будет плыть, – подсказал Никита.

– Есть, о, лучезарный!

Он издал некий звук, выражающий сильное сомнение, потом усмехнулся. Кира даже прилив сил почувствовала. И тут же представила, что её зрение стало в сто раз острее, а копьё она может метнуть в сто раз быстрее. Вот рыба, которая

желает цапнуть Киру за ногу. Вперёд!

Она метнула копьё. И даже вначале глазам своим не поверила. Но пришлось. Там, в воде, копьё попало точнёхонько в середину цели. Рыбина отчаянно трепыхалась, но было поздно.

– Я это сделала! – громким шёпотом сказала Кира. – Я это сделала!

– Я и не сомневался.

Никита, улыбаясь, подошёл и поднял копьё вместо неё. Так, вместе с рыбиной, сунул ей в руки.

– А теперь пойдём обедать. У нас восемь рыбин, по четыре на каждого. А потом я покажу тебе ориентиры к этому месту. И уже пойдём ловить рыбу для лагеря. Тебе далеко, кстати, идти? Ты донесёшь?

– Ещё как донесу!

Кира не любила быть кому-то должной, и то, что он поделился своим уловом, слегка смущало. Но, подумав, она решила вернуть ему долг информацией.

На берегу, пока они готовили пиршество, разговорились.

– Вы много успели пройти? Почему остановились? Где устроились? – выпалила Кира залпом.

Тут же подумала: ну да, вернула одна долг – только больше задолжала.

– На самом деле, мы почти ничего не прошли, – как показалось Кире, с досадой ответил Никита. По крайней мере, поморщился весьма заметно. – Вышли сюда, к лужам. По-

шли вдоль них, там дальше местность такая... не пройдёшь, короче.

– На что похоже?

– На что? – он довольно долго подбирал слова. – Представь поле, всё в широких трещинах. Глубоких. Их не перепрыгнуть, ещё и поверхность скользкая от пыли. И крошится. Опасное место. Щели настолько глубокие, что дна не видно. И до самого горизонта это поле. Конечно, мы туда не полезли. Решили обойти. Обходили, обходили, пока не упёрлись в горный хребет.

– Тот, куда Огонь ушёл?

– Да, но самое его начало. И тут Саблезуб решил вернуться.

Никита замолчал, с усиленным вниманием принялся ворошить угли. Как будто не хотел договаривать. Кира не стала спрашивать. В голове возник вопрос: а знает ли он о предложении Саблезуба девочкам лагеря? Ну, о том неприличном? Мог и не знать, конечно – вряд ли тот с кем-то советовался. Наверняка в одно рыло придумал.

– Так вот, – неожиданно продолжил Никита. – Лагерь мы основали в таком странном месте... Я, если честно, вначале думал: это люди построили. Но нет, всё же природное происхождения. Это место выглядит как дом. Только без крыши и окон, одни каменные стены. Внутри мхом всё поросло. Мы выбрали несколько «комнат» и забаррикадировали лишние выходы. В общем, получилась крепость.

– И от кого вы там забаррикадировались?

Никита вздохнул.

– Да просто так.

– А почему в лагерь не вернулись?

Снова хмурится, нехотя отвечает.

– Не знаю.

– Видели каких-нибудь хищников?

Тут уж он замолчал так надолго, что Кира заволновалась.

– Видели? – замерев, переспросила.

– Ладно, не буду врать, – он повернулся, прищурился. –

Самих хищников мы не видели. Но мы видели кости. И на них следы зубов. Хищники тут наверняка есть. И очень странно, что пока никто с ними не столкнулся. Никто не погиб.

Кира испугалась, но упрямо продолжала смотреть ему в глаза.

– Здесь тоже бывает опасно, – веско, как ребёнку, сказал Никита. – Бывает опасно, слышишь? Нужно быть осторожным, всегда и везде.

– Мы видели ночью по тепловизору каких-то тварей. Правда, мы не уверены, что это хищники. Но они огромные, формой и движениями напоминают личинки насекомых. Вы видели?

– Таких? Нет.

– Ну вот. Мы не знаем точно, откуда они. Но на западе девчонки нашли огромную нору. В той стороне, куда ушли

курсанты.

– Смотрели, что внутри?

– Шутишь? – Кира снисходительно улыбнулась. – Сбежали, конечно.

– Правильно сделали.

Кира кивнула.

Тут нос уловил аромат печёной рыбы. Боже, до чего же вкусный! Кира даже представить не могла что-либо более вкусное! И главное – еды было много. Столько, чтобы наестся от пуза, и ещё останется. Под конец Кира была настолько сыта, что даже подумала что-то вроде: «Соли не хватает». Вот до чего разомлела!

Потом они сходили к ручью за водой и решили отдохнуть. Прямо в камышах. Никита показал, как делает себе лежбище – приминает камыши так, чтобы стебли все в одну сторону смотрели, тогда ничего не торчит, не колет и лежать мягко. Кира проверила – действительно, мягко.

Это было жутко приятно – лежать на спине и смотреть в чужое небо – серое, незнакомое. Вокруг поднимается высокий камыш, пахнет сыростью и чем-то приторно-солёным, в твоём животе еда, и жизнь, кажется, стала чуть добрей и ярче.

– Здесь здорово, – сказала Кира.

– Согласен.

Потом даже звуки какие-то появились – не птицы и не сверчки, какой-то у-ух-бух с придыханием. Забавный.

Кира закрыла глаза и улыбнулась. Всё настолько хорошо, что даже странно. Впервые с того момента, когда на корабле погас свет и началась вся эта катавасия, из-за которой они теперь торчат на поверхности неизвестной планеты да радуются, что вообще остались живы – с того момента на самом деле это впервые, когда она по-настоящему расслабилась.

Видимо, потому, что уже был кто-то, кто знал, что следует делать. И мог научить. Ведь учиться – главное, что умела Кира.

Глава 6. Ночевка в Лужах

На второй заход они отправились уже не так резво. Сытость всё же замедляет, делает сонным и ленивым. Но азарт никуда не делся, и вскоре Кира била рыбу с такой же точностью, как Никита. Их рюкзаки заполнились почти одновременно.

– Точно донесёшь? – спросил Никита, взвешивая её улов в руке.

– Донесу, конечно. Это же еда. Да в лагере так визжать будут от счастья, что вы у себя услышите! – засмеялась Кира. Заметила, что улыбка с его лица медленно сползла. Видимо, его улову так не радовались.

– Ты вернёшься? – спросил Никита, когда они подходили к берегу.

– Конечно! Да я тут поселилась бы, если бы не личинки. Я их до жути боюсь, поэтому только темнеет – сразу в лагерь.

– Это правильно. Тогда давай, встретимся здесь позже. И... будь осторожна.

Он слегка нахмурился, когда это говорил. И выглядел таким милым, неуверенным, взволнованным.

Ах, если бы он не работал на Саблезуба!

Кира накинула на плечи рюкзак, пробежалась взглядом по оставленным меткам: палке в месте, где в камышах лежит копьё, и указателю на лужу, где водится рыба.

Хотела уже уйти. Никита ждал, уже собранный, хотя ему в другую сторону. Похоже, вначале хотел убедиться, что она нормально сможет двигаться с таким весом.

Кира хотела уйти вот так, не попрощавшись. Научившись у Никиты всему, чему можно, переняв навык, она отчего-то вспомнила не то хорошее, что он сделал, а наоборот. Она вспомнила ту встречу в коридоре корабля и его слова. И как он не дал ей пройти. И вот они тут!

Она сердито вздохнула, сделала пару быстрых шагов прочь. Но в последний момент не смогла. Затормозила и обернулась.

– И ты будь осторожен.

Не дожидаясь ответной реакции, Кира быстро пошла в лагерь. Там девчонки. И у неё есть чем их порадовать.

* * *

Чего уж скромничать – появление Киры в лагере вызвало настоящий фурор! Как только она показалась с тяжёлым рюкзаком, который под конец еле тащила, так на неё слетелись все, даже Алмазные Глазки изволила поднять своё седалище и подойти.

– Ты просто потрясная! – протянула Зои, когда Кира вывалила свой улов на мох у очага. Кто-то просто визжал и прыгал вокруг, кто-то возбуждённо мечтал вслух о том, как сейчас это всё съест, и тут появилась Пустота.

– Мне! – закричала она, бесцеремонно проталкиваясь вперёд. – Дайте рыбу мне!

Её почти трясло.

– Эй, успокойся! – Зои встала у неё на пути и упёрла руки в боки. – Все получают рыбу, и ты тоже. Но вперёд не лезь, поняла? Тут нет особенных.

– Пожалуйста! – Пустота смотрела на рыбу с каким-то даже отчаянием. Все тут же зашушукались: мол, совсем кукушка слетела.

Кира подошла и осторожно взяла её за руку. Пустота вздрогнула, перевела на неё безумный взгляд.

– Ты обязательно получишь рыбы, обещаю, – тихо сказала Кира. – Зои поделит на всех. Я помогу тебе приготовить. Обещаю. Ты мне веришь?

Пустота вначале металась, а потом стихла и кивнула. Кира отвела её в сторону, чтобы не мешалась.

После делёжки, за которой внимательно следил весь лагерь, рыбы получилось всем по одной, и ещё четыре осталось. Было решено, что с целой каждая может делать, что хочет, а из остатка они сварят суп. Оказывается, пока Кира рыбачила, девчонкам удалось обжечь глину – сделать так, чтобы она не размякла от воды. Они добавили к ней мелкий песок – и всё вышло. И они тут же сваяли огромный костёр и сделали котёл. Ну, как котёл – кривое разнобокое нечто. Но оно не протекало! В нём можно было варить бульон!

Конечно, тут же и чашек-плошек напекли. Говорят, раз-

влекались всем лагерем, прямо как в кружке «умелые ручки». Теперь большинство пили воду из ручья не как плебеи, из сложенной ковшиком руки, а из посуды.

Боже, до чего же это был вкусный суп! А рыба! У луж Кира с Никитой пекли её просто в углях, а тут в глине – и она получилось более сочной, прямо таяла во рту!

Это было просто прекрасно!

Кира лично проследила, чтобы Пустота получила свою долю. Даже запекла лично, потому что понимала – та не сумеет. Пустота, схватив ещё горячую рыбину, быстро отбежала подальше от остальных и там съела её, спеша, дрожа и давясь. Смотреть на неё было неприятно.

После сытного обеда все разошлись кто куда, чтобы отдохнуть. Кира отправилась в катер – немного соскучилась по сидению и по всему, что сделано человеческими руками. Внутри, при виде ровных стен и потолка с линиями, указывающими направление кресел, становилось как-то не по себе. Словно она в храм вошла. Если так пойдёт дело, вскоре сюда будут навещаться, чтобы молиться неизвестным богам. Или выдумают себе кого-то.

Бог подземных нор. Или Бог рыбных глубин.

Хм.

Вскоре к ней присоединилась Зои.

– Кажется, мы справляемся, – сказала Зои, устраиваясь рядом. Развалилась на кресле и улыбнулась, взгляд у неё стал почти мечтательным.

– Может быть, – Кира не была столь оптимистично настроена.

– А ты так не думаешь? – кажется, Зоя удивилась и даже слегка обиделась.

– Сказать по правде? Не думаю. Нам просто везёт. Тупо везёт. На улице тепло, есть еда, нет хищников. Делить, по сути, нечего, поэтому пока мы не передрались. Но если что-то изменится в худшую сторону... Представь, что наступили зима и мороз. Что закончились и плоды, и корни. Представь, что кто-то заболел чем-то заразным и смертельным. Мы очень уязвимы. Нам везёт, да, но сколько ещё будет везти?

– Ты просто пессимистка, – упрямо ответила Зои, устранив ступню на колено и болтая ногой. – Я думаю, всё нормально будет. Нас в любой момент найдут.

– Ты, и правда, так думаешь? – Кира незаметно для себя подалась вперёд. – Что нас скоро найдут?

– Ну... я надеюсь.

– А если нет?

Улыбка с лица Зои сползла, она насупилась.

– Чего ты хочешь? Предлагаешь сидеть и терпеливо ждать, пока мы все попередохнем? – прерывающимся голосом спросила Зои. – Может, лучше надеяться, что всё будет хорошо?

– Ты сама завела этот разговор, – Кира пожала плечами.

Зои скуксилась, отвернулась. Ей не нравилось, что на-

правление беседы изменилось.

– И я боюсь за Пустоту, – Кира кинула взгляд в сторону выхода. Ей показалось, там мелькнул чей-то силуэт, но слишком быстро, чтобы понять, кто это. – Боюсь, что она сойдёт с ума. А безумная в лагере...

– Этого я тоже боюсь. Но что с ней делать?

Кира покачала головой. Психологов среди них не было. Ничего они сделать не могли. Не выгонять же Пустоту из лагеря на верную гибель? Или что ещё? Клетку сделать и запечатать? Но она пока ничего не сделала и не факт, что сделает.

– Кстати, ты же не знаешь новости.

– От кого?

– От Огня. Хорошие новости, между прочим.

– Они нашли базу? – сердце застучало, как сумасшедшее.

– Нет, ты что. Если бы нашли, да тут бы все на голове стояли, ты бы сразу узнала. Так вот. Ахлейн прислал результаты своего анализатора. Состав воздуха здесь просто отличный! Мы не умрём даже без марки Дольцера.

– Вау! Это, и правда, хорошая новость!

– Угу. Но анализ продуктов показывает, что в них нехватка нескольких жизненно важных для человека микроэлементов. Вернее, их совсем нет. Без марки здоровье наше пошатнётся.

– Это хуже.

– Он обещал подробности позже, когда сам узнает.

– Но у него же в доступе не все продукты? Например, ры-

ба? Они рыбачат?

– Не знаю, об этом речи не шло. Но вряд ли. Они идут по лесу, где там рыбу взять?

– Ну вот. И ещё другие продукты, так или иначе, в нашем рационе появятся. Особенно, если проверять все варианты анализатором!

– Конечно! Надежда есть. Сейчас речь о той пище, которая у нас в обычном рационе сейчас – ягоды, корни и вода. Ещё белок... Они там кого-то съели. Животное какое-то.

– Да ну! Он сумели завалить животное?

– Вроде, да... Ну, подробно не описывали, но они точно ели мясо.

– Это... впечатляет!

– Да. Только одно замечание. Ахлейн говорит, что вся биомасса на планете обычно обладает одинаковым набором микроэлементов. То есть если нужных нам нет в уже изученных... То их не будет и в остальных образцах.

Звучало... будто он знал, о чём говорит. Кира немного подумала, но не нашла причины, по которой Ахлейн стал бы врать. Наоборот, он молодец, не забывает о девчонках, пишет обо всём важном. Группа Чёрного Огня оказалась весьма даже удачным проектом. Кира начинала думать, что они поступили правильно, когда отправились на поиски. Особенно по сравнению с группой Саблезуба, которая засела где-то в удобном месте и просто ни фига не делает.

– В общем, – Зои откинулась на спинку и прикрыла гла-

за. – В общем, я собираюсь думать, что мы неплохо справляемся!

Кира не стала спорить – какой смысл? Она тоже закрыла глаза и задремала. Спала вроде недолго, но когда проснулась, рядом никого не было. А ещё – она была до сих пор сыта. Поэтому быстро собралась и спустилась к ручью, чтобы умыться перед походом к Изумрудным Лужам.

По пути встретила только Вафля. Она успела срезать волосы, и Кира невольно ей посочувствовала – волосы у Вафли были такими шикарными, что от зависти можно сдохнуть! А теперь кривой ёжик на голове.

– Опять уходишь? – Вафля подошла ближе и почесала нос. – Тоже подумываю с тобой сходить. Возьмёшь?

Первым порывом было отказаться. Кира даже открыла рот, но осеклась. Почему отказаться? Нужно согласиться – двое поймают в два раза больше рыбы. Хорошо бы высушить избыток и сделать запас. На всякий случай.

В мечтах в катере уже лежали залежи сушёной рыбы. И когда наступит зима, они не умрут с голода.

Три ха-ха! Кира – спасительница группы. Спасёт всю группу жалкой горсткой еды.

– Так что? – Вафля ждала ответа.

– Да, конечно, пошли. Сейчас?

– А ты прямо сейчас собираешься? – удивилась Вафля. –

Ночь же скоро.

– Разве? Точно скоро?

– Да. Люба следит и сказала: часа через четыре ночь.

– Люба?

– Снежная Дева, – Вафля скривилась. – Её Люба на самом деле зовут. Любовь.

Ого! И что Кира пропустила?

– Ясно, – пробормотала Кира, хотя ясно ей ничего не было.

Больше волновало другое. Скоро ночь – значит, она не успеет встретиться с Никитой. Даже обидно как-то, и неизвестно, от чего больше – что нет рыбы или нет встречи?

– Я, в общем, попозже с тобой пойду, ладно? Не сейчас. Пока у меня дела.

– А? – встрепенулась Кира. – Да, конечно. А как твои дела? Ты в порядке?

– Ну... Думаю, скорее да, чем нет. Есть тут парочка стерв в лагере, бесят неимоверно. Сама знаешь. В остальном вполне можно существовать. Зои адекватная, защищает нас, никому не даёт срываться. Иначе бы все переругались и передрались, как пацаны. И вроде... Нет. На самом деле мне постоянно лезут в голову одни и те же мысли. Как ты думаешь, что сказали нашим семьям?

Кира взглянула в сторону ручья, а потом подошла к Вафле и прикоснулась к её плечу. Так они делали раньше, когда после занятий кому-то хотелось что-то рассказать о прошедшем дне, обычно неудачном.

– Давай сядем.

Они дошли до ближайшего склона, густо заросшего мхом. Спешить всё равно некуда, а разговаривать о серьёзных вещах стоя ни один уважающий себя человек не станет.

И вопрос, конечно, животрепещущий.

– Что они сказали? – вздохнула Кира, когда они устроились. – Правду они сказали.

– Какую? По-твоему, там думают – мы живы? Или погибли?

– Я уверена, они знают, что мы живы. Они же не видели, что весь этот прыжок – чистая хохма Шпрота. Наверняка они думают, что процесс захвата корабля был тщательно организован – значит, и с прыжком мы всё рассчитали. И специально прыгнули так, чтобы нас пришлось поискать. Может, нас и искать поэтому будут не сразу. Хотя... всё же сразу.

– У меня родители и брат. Маленький. Когда он родился, мне было пятнадцать, – Вафля кисло улыбнулась. – Я тогда разозлилась: думаю, к чему моим старикам младенец? На кой чёрт в таком возрасте рожать? А сейчас, знаешь, я очень рада, что у меня есть брат. Что если меня не станет, у них останется ещё один ребёнок.

Кира молча взяла её за руку.

– А у меня только тётка. Раньше было грустно, что больше родни нет, а сейчас я рада. Никто по мне не будет скучать.

– Тётка будет.

– Тётка? Да она же у меня с приветом. Я не говорила разве? Диагноз у неё... Она может и не понять, что я совсем

пропала. Будет считать, что я в любой момент могу зайти в дверь. Так что вот так.

Они немного помолчали.

– В остальном всё бодро, – через время добавила Вафля и вдруг рассмеялась. – Даже приятно бывает посмотреть и позлорадствовать, как эти тёлки расфуфыренные теперь сами должны себя обслуживать. Спеси у них знатно поубавилось.

– Ну и хорошо, – Кира подумала, что даже ей эта картина иногда доставляет удовольствие. – Оленька как, Анита?

– Нормально. Оленька вообще ходит, как не от мира сего, недавно вон стояла полчаса – восхищалась движением светил по небосводу. Наверное, она тоже с приветом. А Анита... тут получше. У неё идея-фикс. Собирается приручить жабо-суслика. Говорит, они очень умные, как собаки. Хочет питомца, короче.

– Весело.

– Ага. Ты со своей рыбалкой совсем нас забросила. Но и к лучшему, – быстро добавила Вафля. – Тебе нужно в одиночестве бывать, ты толпу долго не переносишь и становишься невыносимо нудной и депрессивной. Я же с тобой столько жила, знаю!

– Мы с тобой классно жили. И продолжим, когда вернёмся.

– Конечно. Ну, я пойду.

Вафля вдруг отвернулась, чересчур бодро вскочила и, пряча глаза, распрощалась.

Кира решила, раз такие дела – скоро ночь и придётся остаться в лагере, – надо провести время с пользой – например, постирать одежду. Тем более, её можно сложить на камне очага, и она высохнет гораздо быстрее, чем сохла раньше, на ветру. Ветер здесь то есть, то нет, не угадаешь.

Вначале она постирала бельё и толстовку. Бежевая ткань белья уже испачкалась так сильно, что вскоре не разберёшь, какого же она была цвета сначала. Да уж, без мыла или порошка скоро вся эта стирка будет бессмысленной. А ещё... футболка разошлась внизу по шву. Значит, скоро край растреплется.

Начало разрухи. Кира немного посмотрела на это и закрыла глаза. Если переживать ещё и об одежде, совсем ни на что нервов не хватит.

Как только вещи высохли, она постирала остальное. Забавно было расхаживать вокруг очага лишь в трусах и в толстовке. Впрочем, остальные выглядели не лучше – часто можно было увидеть и совсем голых девиц. Алмазные Глазки вообще без одежды загорала. Правда, загар здесь не очень хорошо ложился, так что любительниц валяться под солнцем было мало.

Вещи не успели высохнуть, когда начало смеркаться. Впереди ночь. Кира почему-то впервые не переживала и не думала – а что там, в темноте? Она думала о Никите. Как же ей повезло, что он оказался в числе тех, кто рухнул на планету. Нет, без него Кира тоже, конечно, не пропала бы, но с ним

проще. Гораздо проще!

По сути, он ей даже немного нравился. Что-то в нём есть. Хотя это, верно, только видимость. Человек, который на побегушках у Саблезуба, вряд ли чего стоит.

Ну и ладно. Заводить романтические отношения в её положении – глупость несусветная. Да и что можно заводить с таким человеком? Женщина должна уважать своего мужчину. А уважать кого-то, кто на подхвате у Саблезуба... Сами понимаете.

Кира вдруг неизвестно отчего разозлилась, потом еле успокоилась и еле заставила себя перестать думать о других людях. Пусть делают, что хотят.

Девчонки, как обычно, собрались в катере, перегородили проход уже двумя панелями. В этот раз они подготовились основательно. В катере вдоль стен стояла вода в глиняных горшках и фрукты в глиняных мисках. Некоторые натаскали сухого мха и травы и выложили в углу целый сеновал. Ксения в малиновом умудрилась сделать расчёску. По её рассказам, она просто обдирала кору у разных деревьев, пока ей не попался подходящий кусок с грубыми волокнами. Конечно, толку от этой щётки было немного, да и выглядела она чудовищно – как больной проказой ёжик, но для коротких волос годилась.

Волосы, кстати, почти все отрезали. Самые длинные оставались у Фрей. Она сказала, что скорее сдохнет, чем обкорнается. Снежная Дева тоже держалась, её спасала постоянно

заплетённая коса.

Когда стемнело, Кира уже привычно подошла к выходу, где встретилась с Зои. Снежная Дева подошла чуть позже.

– Кто посмотрит? – спросила Зои.

– У меня батарейка почти на нуле, – сказала Кира.

– А у меня же нет тепловизора, – напомнила Снежная Дева.

– Тогда я, – Зои вздохнула и достала экран. Включила его и направила на вход. Поводила некоторое время. Нахмурилась и постучала по экрану. – Сломался, что ли?

Кира и Снежная Дева наклонились ближе. На экране не было больших пятен. Высоко в небе по прямой линии быстро пролетали птицы размером с курицу, по земле бегало довольно много мелких животных. Жабо-суслики, похоже, и ночью бодрствовали.

– Их нет, – озадаченно сказала Зои. – наших громадин. Что это значит?

– Может, не вылезли ещё? В прошлый раз неожиданно появились.

– Ладно, подождём.

Три часа они сидели как на иголках. Кира что-то мысленно напевала, пока не поняла, что это та самая дурацкая мелодия, которую часто, задумавшись, напевала её тётка. Эта мелодия всегда Киру бесила – и вот пожалуйста!

– Давайте уже смотреть! – она не выдержала первой. – Сил нет ждать.

Зои молча включила тепловизор. Они чуть головами не стукнулись, когда наклонились заглянуть в экран.

Там было пусто. Ничего. Ни одного большого пятна.

– И что это значит? – повторно спросила Зои.

– Тоже мне спросила, – Снежная Дева покачала головой. – Бесплезно думать. Нам не узнать. У нас никакой информации в наличии.

– А я упоминала, что парни из группы Саблезуба нашли остатки костей животного, и, по их мнению, эти кости кто-то грыз? На них следы зубов, – сказала Кира. – Значит, хищники тут всё же водятся. Надо всех предупредить, чтобы слишком далеко не забредали.

– И откуда такая ценная информация? – вкрадчиво спросила Зои.

Кира поняла, что проговорилась. Теперь уже не отступишь.

– Ладно! Я встретила рыбака на Изумрудных Лужах. Он рассказал.

– И кто там такой болтун?

– Вы вряд ли его знаете.

Зои прищурилась, будто перебирала в памяти каждого.

– Бюджетник, – сказала в конце концов.

Кире стало обидно, что та так легко угадала. Она даже вроде бы расслышала какое-то пренебрежение в голосе. Надо же – бюджетник! Болтуном может быть только нищелрод, сельская кровь. Да ещё и ручки пачкать рыбалкой кто будет?

Да ещё кто снизойдёт до разговора с бюджетницей?

– Угу, он, – сказала Снежная Дева. Посмотрела на Киру и пожалала плечами. – Просто в голову никто другой не приходит.

– Да, это он, – согласилась Кира. Пусть думают, что хотят, она не должна учитывать их мнение. Плевать ей на него! Пусть спасибо скажут, что вообще призналась – могла бы и промолчать!

– Значит, тут всё же есть хищники, – задумчиво сказала Зои. – А что он ещё рассказывал?

Кира передала, что знала, про неудачный поход и про место, где обосновалась группа Саблезуба. Она не видела в этом ничего такого. Это же не секрет. Никита не просил хранить тайну.

– Утром мы предупредим девчонок про хищников, – решила Зои. – Хотя кажется, тут деление зональное на этой планете. В смысле, у хищников свои ареалы обитания, и мы, к счастью, вне их границ. А у группы Саблезуба нет личинок...

– У нас теперь тоже нет, – хмыкнула Кира.

– Куда же они могли деться, не представляю.

– Давайте спросим Олю, – подала голос Снежная Дева. – Нашу энциклопедию. Распишем ей про личинок, и пусть ищет – может, они такие особенные, что получится установить планету.

– Вы слишком сильно рассчитываете на Оленьку. Это ко-

гда в сети ищешь, результат во многом зависит от того, какой запрос дал. Какими словами. Но Оленька по-другому действует. Как запрос ни оформляй, ответ будет только исходя из её собственных, нам неизвестных параметров. Тем более, мы недавно пробовали. И не вышло.

– Да, но мы спрашивали про личинок – вернее, про насекомых, которые способны зарыть за собой огромную нору. А теперь усложним запрос, объединим в целое, и...

– И она услышит то же самое, что в прошлый раз.

– А что мы, в конце концов, теряем? – спросила Зои.

Тут ответить было нечего. Звать Оленьку пришлось, конечно же, опять Кире.

Та опять пришла нехотя, села так, чтобы оказаться подалеже от Снежной Девы и Зои. И от Киры тоже. Ото всех отсела, короче.

Ей рассказали, что нужно попробовать найти. Она молча выслушала, шумно дыша, уставилась на Киру.

– Что, Оля, не тяни – говори, – попросила та.

– Хочу за работу награду. Дополнительную рыбу.

Кира удивлённо моргнула.

– Что? – зашипела Зои. – Совсем обнаглела? Мы что тут, балуемся? От не фиг делать тебя позвали? Да от этой информации, может, вся наша жизнь зависит! А ты торгуешься?

– И правда, – Кира поморщилась. Ей было неприятно видеть в человеке, с которым давно общалась, подобную меркантильность. – Мы же не просто так. Ты должна понять.

Оленька совсем по-детски насупилась:

– На меня от поисков всегда, знаете, какой голод накатывает? Да вы такого не чувствовали никогда! Так что нечего на меня кричать! Давайте договариваться. Хотите, чтобы я мозги напрягала – платите!

Зои быстро подалась вперёд, почти замахнулась, но Снежная Дева перехватила её за плечо, спокойно осадила.

– Ты что делаешь? Уймись.

Кира решила, что пора срочно вмешаться. Подняла руки с раскрытыми ладонями, загородила Оленьку.

– Хорошо, – прошептала. – Получишь дополнительную рыбу. Я обещаю. Тебе лично принесу дополнительную. А как ты остальным девчонкам объяснишь, откуда она у тебя и за что досталась – твои проблемы.

– Ничего я не буду объяснять, – Оленька снова улыбнулась. – Ну что, тогда ищу?

– Давай уже, – Зои отодвинулась обратно к стене. Выглядела она не очень довольной, но Кира чувствовала – к ней претензий у Зои нет. Правильно она сделала, согласившись на шантаж, нет – какая теперь разница? Дело продвинулось.

– Понадобится много времени, – сказала Оленька, переключившись в режим поиска. – Насекомые – самая распространённая форма жизни на других планетах. Они более разнообразны, чем растения. Личинки, у которых размер больше земных, тоже встречаются довольно часто.

– Часто? – в голосе Снежной Девы прозвучала досада. –

Я надеялась, что это большая редкость.

– Данных слишком много, – Оленька покачала головой. – Не думаю, что найду что-нибудь полезное. Если бы знать, какого они цвета, из чего состоят, или точный цикл жизни, или систему питания. Нужны подробности. Что-нибудь особенное. Правда, у меня глаза разбегаются, столько информации. Если я начну рассказывать, до следующей ночи буду говорить. Уточняющие вопросы есть?

– На каких планетах есть личинки такого размера? – уточнила Снежная Дева. – Попробуй перечислить. И чтобы при этом они были в местах без связи.

– Повторяю – я таких насчитала больше трёх десятков. Есть уточнения? Или вам все подряд перечислять?

– А ты можешь отсеять из этих трёх десятков планеты, которые не похожи на эту?

– Это какие? Не похожи чем?

– Ну...

Кира тоже задумалась. Чем эта не похожа на остальные? Да ничем!

– Без толку, – мрачно сказала за всех Зои. – Ничего мы не знаем особенного. Наличие кислорода?

– Наличие кислорода, воды и растительности не является чем-то знаковым, – спокойно отгарабанила Оленька.

– Изученная и брошенная?

– Это не упоминается в общих справочниках.

– Ничего мы тогда не узнаем, – подытожила Зои.

– Угу. Информации мало. Я думала, хватит, – Снежная Дева погладила лоб пальцами. – Может, позже. Если найдём местные особенности.

– Хорошо, – Оленька тряхнула головой. Поморщилась, как от внезапного приступа боли. – Если будет ещё что-то, говорите. Поищу бесплатно. Но на случай, если вы не в курсе – я же не обладаю ста процентами информации. Я много читаю, смотрю и слышу, но до всей существующей информации во вселенной мне как пешком до Чёрной дыры. Хорошо, если у меня восемь-девять процентов... а если сведения засекречены, так вообще ноль.

Она встала, тяжело опираясь на стенку, и отошла.

– Какая бездарная трата рыбы, – пробухтела Зои.

Остаток ночи все спали. Делать всё равно было больше нечего.

Ох, как же Кира обрадовалась появлению солнца! Вернее, их показалось сразу два – оранжевое и маленькое, сейчас голубоватое. Вроде прежде три маленьких было, но Снежная Дева говорила, что видно может быть не каждое из них. При этом свет они дают.

Ну, всё, можно идти.

Кира даже не стала дожидаться, пока станет совсем светло. Она собралась и отправилась к ручью за ягодами. Корни слишком долго копать и готовить.

Странно, но сегодня отсутствие людей не пугало, хотя лагерь спал, и царила тишина. Может, оттого, что впереди

день, а не тёмная ночь.

Кира перешла вброд ручей и залезла на камни, за которыми высились заросли пышек. Снизу их все давно уже ободрали, а дотянуться до верхних было сложно. Пришлось искать палку и опускать ветки палкой.

Под кустами было полно жабо-сусликов, просто кишмя кишело! И ещё что-то посвистывало, словно переговаривалось. Кира не выдержала, бросила собирать ягоды, села на корточки и замерла. Уж очень любопытно, что там за существа такие. У девчонок было мало возможности следить за окружающим животным миром – уж слишком пугливым тот был, но тут удачно сложилось: видимость была отличной, а её (видимо, из-за высоты) не замечали.

А уж когда она замерла, жабо-суслики совсем осмелели. Их набежало десятка два, они словно сплелись в клубок и бегали друг по другу так же запросто, как по земле. Потом прямо в центре клубка в земле показалась норка – оттуда выскочил жабо-суслик с коротким розовым червём в пасти. Остальные заверещали, набросились на червя и устроили из-за него натуральную драку. Тот жабо-суслик, что притащил добычу, кстати, выглядел иначе: у него была очень тёмная кожа и почти бесцветные глаза. Да и размером он был побольше. Отдав червя, он тут же закопался обратно в землю.

Хм. Да ведь это дети! Подростки! А из земли вылезла взрослая особь, которая их кормит. Вот, значит, как.

Кира с уважением глянула на землю, в которой от норы

ничего не осталось. Взрослый жабо-суслик зарыл её за собой, как и не бывало! Интересная деталь. И ещё стало интересно: если жабо-суслики подростки искусали Шпрота, и тот глазами вращал, будто хорошо обдолбался, то что может взрослая особь?

Кира ещё посидела, поглазела на них, убедилась в правильности своих выводов. То тут, то там появлялись норы, и подростки получали червей, а взрослые жабо-суслики исчезали, заматая за собой малейшие следы появления.

Она сидела довольно долго – дольше, чем планировала. К ручью уже спускались другие девчонки, когда Кира бросила наблюдение и отправилась на рыбалку.

Раньше она пила воду в последнем ручье, недалеко от линии камышей. Но теперь ей не нужно было пить заранее или мучиться жаждой. Теперь у неё был кривой глиняный кувшин для воды. Вместо крышки – кусок коры из лохматых волокон. Они закупоривали отверстие лучше, чем обивка с кресел. Кстати, кресел с обивкой почти не осталось. Зои даже собиралась как-то взять под контроль процесс обдирания ткани, чтобы не растащили последнее.

В общем, Кира была весела и радостна. Ей вдруг показалось, что всё будет хорошо. Парни обязательно найдут базу, сразу же вышлют сигнал с просьбой о помощи. И за ними прилетят. Буквально через несколько дней. С ними всё будет хорошо!

Она уже миновала средний ориентир, когда впереди её

что-то насторожило. Ландшафт изменился. Будто огромный трактор перерыл и перевалил кучи земли и камней. Разворошённый участок занимал метров десять в длину и метров пять в ширину. Раньше Кирина тропинка пролегала прямо посередине, но сейчас, понятное дело, она напрямик идти не рискнула.

Сердце испуганно билось. Так всегда: стоило слегка расслабиться, представить, будто всё расчудесно – и на от судьбы прямо в лобешник!

Обходить было неудобно, сбоку располагался каменистый холм, на подъём ушла уйма времени. Но с другой стороны ещё хуже – там заросли кораллов. Эти растения, метра два высотой, ветвились и переплетались, как земные кораллы, а ещё были очень твёрдыми. Лезть в заросли из этих растений рискнул бы только самоубийца. Кира и пробовать бы не стала.

Странно, но кроме перерытой земли, на участке ничего необычного не было. Ни дыр, ни нор, ни посторонних предметов. На земле уже принялась травка, которая осталась расти на крупных комьях. Их развернуло, словно копали лопатой и переворачивали, но трава не пострадала. Местами даже низкие кусты шевелились на ветру, бодро цепляясь за почву корнями.

Что тут произошло? Конечно, точно не узнать. Единственное вменяемое объяснение – тут под землёй тоже живут личинки или какие-то похожие на них местные звери.

Если жабо-суслики так ловко заваливают за собой норы, то и остальные тоже могут так уметь. Почему нет? Неизвестно, кто там проживает под землёй. Даже думать неохота! Хорошо, хоть наружу эти подземные жители не лезут. По крайней мере, днём.

Обойдя странное место, на котором непонятно что произошло, Кира пошла дальше. Радовало, что весь день впереди, потому что времени на обратную дорогу теперь потребуется больше.

Никиты у луж не было. Конечно, ещё рано, да и не известно точно, сколько добираться до его лагеря. Кира села на берегу и решила, что будет ждать. Самой идти в глубину не хотелось – её напрягали те крупные лужи, в которых дно и близко не просматривается. Мало ли кто там живёт? Особенно эта мысль казалась актуальной после перерытого участка земли. Нет уж, хватит чудовищ! А вдвоём не так страшно.

Никита пришёл примерно через час. Кажется. Тратить батарейку, чтобы засечь время, Кира не стала. Восемь процентов – вот и весь её заряд. Так что оставим на крайний случай.

– Кира!

Надо же, он улыбался! Она приветственно помахала рукой. Как же чертовски приятно видеть человека, с которым находишься на одной волне!

Никита дошёл и сбросил с плеч рюкзак. Сел на него сверху.

– А у меня для тебя сюрприз.

– Правда? – изумилась Кира. Ей нечасто устраивали сюрпризы, и она даже толком не знала, как на такой поступок реагировать. Поэтому просто сидела и рассеянно смотрела по сторонам.

Никита тем временем вынул что-то из кармана и протянул ей. Это был большой лист дерева, в котором лежали круглые штуковины, похожие на крепкие жёлтые орешки.

– Это еда? – спросила Кира.

– Да. Пробуй, не бойся. Не отравишься.

Она и не боялась. По сути, Никита – единственный человек среди нынешнего окружения, чьи слова она воспринимала совершенно серьёзно и полностью ему доверяла.

Что, по сути, неправильно. Хм.

Орешек оказался слегка маслянистым, упругим и... сладким. Боже, каким он был вкусным! Никита улыбнулся, глядя на лицо Киры. Она понимала, что застыла с этим нелепым выражением блаженства на лице, но ничего не могла поделать.

– Держи. Это всё тебе.

Он взял её руку и перевернул лист, ссыпая в него орешки. Кире хотелось бы их растянуть, но она только успела об этом подумать... как тех уже не осталось. Только во рту цвёл незабываемый, несравненный вкус.

– Думаю, на самом деле они не такие уж вкусные. Просто наши рецепторы вернулись в младенческое состояние. Вот и шибает, – с улыбкой сказал Никита.

– Что это за штуки? Где ты их взял?

– Видела, тут вокруг цветочки такие синие растут? Как подснежники.

– Да, их полно по дороге сюда.

– Полно? – он поднял брови. – У нас их мало. Так вот, эти орешки – их корни.

– Правда?

Кира уже представила, как находит цветы и нагребает орехи целыми горстями. Как объедается ими и лежит прямо среди разрытых, поникших цветов, словно объевшийся желудями боров – пузом кверху. И у неё вместо жалости к уничтоженной красоте на лице написано лишь блаженство.

– Да. Так что теперь знаешь, где их взять.

– Спасибо! Это был классный сюрприз.

– Рад, что понравилось.

– По местным меркам, всё равно что ужин в самом дорогом ресторане.

– Думаешь? – Никита как-то пристально посмотрел, даже стало неловко.

– Ну, только весь ужин достался мне. Извини.

Он пожал плечами.

– Глупости. Это же был подарок.

Кира вскочила и отряхнула штаны.

– Ну что, идём?

– Да.

Оранжевое солнце сияло и переливалось, бросая блики на

поверхность изумрудной воды. Жёлтый берег будто светился.

Идеальный мир!

И даже когда вскоре набежали тучки и пошёл первый со дня приземления дождик, красоты это не испортило. Тем более, он был очень тёплым и мелким, и пах чем-то терпким. Кира с Никитой спрятались от него в камыши и почти не намокли.

Так они прорыбачили без малого три местных дня.

По-своему это было счастливое время. Кира ела досыта, приносила в лагерь добычу и купалась во всеобщем обожании. Да ещё рассказала про цветы, корни которых, как самый классный в мире орех. Девчонки бросились проверять и облазили все окрестности. Цветов, правда, в округе водилось маловато, зато если они находились!

Тут уж Кира стала без малого самым известным в лагере человеком. Такое себе достижение, конечно, но всё же оно имелось.

А на рыбалке её ждал Никита. Спокойный, рассудительный, он всегда был готов помочь, объяснить что-нибудь, рассказать, выслушать. С ним было легко и удобно. Кира думала, что чувствует себя с ним так хорошо, потому что они просто заняты одним и тем же захватывающим делом.

Каждое утро она приходила к Изумрудным Лужам и возвращалась в лагерь только к ночи. Она уже неплохо ориентировалась во времени, да и Никита тоже. Он говорил: «Пора

собираться, скоро ночь» в тот самый момент, когда об этом думала Кира.

И они расходились – каждый к себе домой.

Новостей не было. Ахлейн прислал анализ плодов и корней, которыми они питались. Действительно, их можно будет есть без страха и после того, как марка Дольцера перестанет действовать.

Личинки пропали и не возвращались. Перерытый участок почвы по дороге к Изумрудным Лужам осел и выровнялся, снова зарос. Но Кира каждый раз обходила его стороной – правда, больше не лезла по горам, а шла по самому краешку участка.

Девчонки тщательно следили, не появились ли вокруг лагеря норы или перерытая земля. Держались подальше от западного леса и от дороги к лужам. Пока ничего нового не случилось, все расслабились.

И вот снова утро. Светало не так быстро, как обычно, но Кира не обратила на это внимания. Она привычно сбежала из лагеря на рассвете, без завтрака. По пути росли пышки и, возможно, синие цветы, так что поест. Да и вечером она плотно поужинала – девчонки по вечерам стали варить такой суп, что закачаешься! Кира рассказала об этом блюде Никите, и тот явно сглотнул слюну.

– Приходи в гости – угостим, – засмеялась тогда она. А он только грустно улыбнулся. Связи между девчонками у катера и группой Саблезуба не было никакой. Зои отказывалась

им писать, Саблезуб только пару раз интересовался, не появилось ли желающих его ублажать. Видимо, напрочь забыл, что это всё же корпоративные девчонки, которые привыкли, что это их все ублажают, а не наоборот. Конечно, ему даже отвечать никто не стал, Зои послала один раз и перестала расходовать на эту ерунду батарейку.

Перекусив по дороге пышками, Кира остановилась у последнего ручья, умылась, пригладила волосы и одежду, набрала воды и побежала дальше, к камышам. Взглянула на небо. До сих пор царил сумрак. Кажется, она сбежала так рано, что даже утро толком не наступило. Это всё из-за подколок. В последнее время девчонки шушукались, что у неё роман – ну, те, кто знал про Никиту. И хотя Кира пропускала все эти комментарии мимо ушей, всё равно не могла их не слушать. Конечно, всё дело в том, что девчонкам просто не хватает сплетен! Это же главный элемент светской жизни! А тут о чём лясы точить? Саблезуба с его предложением все уже сто раз обсосали, все прошлые истории вспомнили и затёрли до скукоты, а новых-то и нет! Поэтому волей-неволей и Киру сразу в оборот взяли.

И она даже не обижалась, просто старалась уходить от разговоров на эту тему. Да и в лужах она чувствовала себя гораздо лучше. В лагере будто только и делала, что ждала, когда можно отправиться на рыбалку, а оттуда не хотела уходить.

Видимо, не только она. Никита тоже уже пришёл – Кира

увидела его, как только ступила на берег. Помахала рукой и пошла навстречу.

Обычно они встречались на середине пути, но сегодня он не спешил. Кира прошла две трети, если не больше, когда они встретились. Остановились друг напротив друга, синхронно опустили рюкзаки и вонзили в берег копыя. Улыбнулись.

Ну вот, уже разбаловала, совсем обленился, даже ко мне подойти влом, со смехом подумала Кира. Она была так рада его видеть, что ей хотелось подпрыгнуть и взлететь, как квадрокоптер. Посмотреть на него сверху, парить над его головой и смеяться.

А Никита вдруг покачнулся. Поморщился. Тут у Киры словно пелена с глаз спала. Она увидела, что костяшки на его руках сбиты, что у него ссадина на скуле, а сам он явно как-то напрягся и старался двигаться осторожно.

– Что с тобой?

– Всё хорошо.

Хорошо не было. Кира видела, что ничего хорошего, но сдержалась и не стала больше спрашивать. Если человек не хочет рассказывать... что же там творится в лагере Саблезуба?

Нет, она не сдержалась!

– Тебя избили?

– Всё в порядке, правда.

Он поднял и накинул рюкзак, вытащил копьё и пошёл впе-

рѣд, в глубину луж. Кира, как привязанная, за ним. Она тщательно следила за каждым его шагом, будто стоит отвернуться – и Никита тут же свалится в воду и утонет. А она не успеет его выловить.

– Не сверли мне спину. Я же сказал – в порядке.

Кира закатила глаза к небу. Но хотя бы в голосе улыбка – значит, не умирает. Но что там у них происходит? Саблезуб без башни, там вообще безопасно?

– Может, к нам придёшь жить? У нас всё тихо и мирно, – предложила Кира.

– К вам? – он оглянулся, изумлённо поднял брови. – Один в женское змеиное гнездо? Нет, ни за что.

– Хорошее у тебя о нас, женщинах, мнение!

– Ну, у тебя, видно, тоже о нас, мужчинах, не очень.

Кира некоторое время шла молча, озадаченная его выводами. Ну да, она считала мужчин существами слабыми и даже в чём-то хрупкими. Но речь ведь о современных, цивилизованных существах. Тут, в мире без помощи, совсем всё иначе. Так с чего он подумал?.. Впрочем, какая сейчас разница.

Потом всё же не выдержала и спросила:

– С чего ты так решил?

– Ну, с чего... Ты всегда одна, ни с кем не встречаешься.

– А откуда ты знаешь? – она чуть не задохнулась от ужаса. – Ты что, следил за мной? Давно?

– Ну что ты, ничего я не следил! Просто вы все на глазах.

Каждый божий день. Даже когда не хочешь, всё о вас знаешь.

Звучало странно. Но Кира подумала немного и решила не обращать внимания. Не впервые она из-за особенностей своего характера упускает очевидные для других вещи. Это ведь нормально – за четыре года совместного пребывания изучить сокурсников? Да, вполне. Куда более нормально, чем так ничего о них и не узнать.

Они пришли к той самой удобной луже, как всегда оставили вещи на берегу, залезли в воду и стали рыбачить.

В этот раз у Киры получалось лучше, чем у Никиты. Куда лучше. Он не всегда успевал бросить копьё точно в цель. Крошечная, в долю секунды задержка – а рыба уже увернулась.

Кира посматривала на него – на упрямо сжатые губы, на прищуренные глаза, на слегка заторможенные движения – и понимала, что он врал. Что бы там ни были за разборки, его избил. Не, ну он, может, тоже успел кому-то врезать, однако ему сильно досталось. Он довольно легко смог дойти сюда, но ему становится всё хуже. Это заметно по тому, что он стал чаще замирать, дышать сквозь зубы, а его руки стали дрожать. Но он не станет в этом признаваться. У мужчин такое поведение в крови. Её отец умер, потому что до последнего утверждал, что всё нормально, просто слегка поплохело и вот-вот пройдёт. Не хотел выглядеть слабым. А его дочь из-за этого бараньего упрямства осталась сиротой.

К чему эта стойкость? Кира вздохнула.

– Давай отдохнём, посидим, я устала.

Он помолчал, сжимая копьё, но согласился. Проковылял по воде к берегу и сел с огромной осторожностью. Его губы даже побелели.

Кира устроилась напротив, по-восточному подогнув ноги. Подумала и начала издалека.

– Ты, наверное, очень упрямый?

А он тут же насторожился.

– К чему вопрос?

– Я хочу кое-что предложить.

– Попробуй.

А по лицу уже видно – упёрся. Уже. Как тот самый баран, да. Кира отвела глаза.

– Рыбы достаточно, чтобы поесть. Я не завтракала. Давай вернёмся на берег, ты отдохнёшь, я приготовлю. Ты, конечно, можешь и дальше тут стоять, делать вид, будто всё в порядке...

– Всё в порядке.

Она кивнула.

– Конечно. Просто... Что будет со мной, если тебя не станет?

Кира посмотрела ему прямо в глаза. Представила на миг, как это, если его вдруг не станет. И от ужаса чуть волосы на голове не зашевелились. Ещё несколько дней назад, исчезни из её жизни любой из окружающих, кроме бюджетниц, к которым Кира как-никак привыкла, она бы не особо расстрои-

лась. А теперь... Не только Никита, теперь она переживала и за Зои, и за Снежную Деву, и даже, как это ни парадоксально, за Пустоту.

Он думал на удивление недолго.

– Хорошо.

Они ушли на берег, где Никита завалился в камыши и за-
снул, а Кира приготовила еду и ждала, пока он проснётся. Смотрела на его лицо, которое выглядело старше, и думала не пойми о чём. Обычно во сне все словно дети, так говорят, а Никита стал старше. Словно груз навалился. Прямо по Шекспиру: «Я вижу на челе у вас заботу».

Смотрела на берег, где плескались крошечные волны. Подумала, что привыкла к тишине. Ни тебе гула города, ни стука фабрик, ни свиста транспорта. Вообще никакого шума. Вначале его отсутствие вызывало беспокойство и даже панику, а сейчас ничего, даже приятно. К такому можно и привыкнуть.

Тут она посмотрела вдаль и нахмурилась. Вскочила на ноги, оглянулась.

Звуки затихли, как на Земле бывает по вечерам. Ни ветра, ни птиц, ни насекомых. А главное – вокруг темнело. Очень быстро. С самого рассвета было необычно пасмурно, но Кира думала: просто тучи на небо набежали, а потом отвлеклась на Никиту и не обратила внимания, что небо так и не прояснилось.

И вот тебе на!

– Никита!

Он проснулся мгновенно и сразу сел, сгруппировавшись и выставляя локоть. Кира сглотнула, отогнала пришедшую невовремя мысль: так что же там у них в лагере происходит, если он даже просыпается наготове? Но сейчас была другая проблема.

– Никита, темнеет!

На небе сгущались, сливались какие-то сплошные тучи. У них не было краёв, словно огромная плёнка растекалась всё дальше.

– Мы не успеем в лагерь! – Кира посмотрела в сторону катера. – Я – так точно.

– Наш тоже далеко, – Никита ещё раз осмотрелся, быстро решил: – Собирай вещи, мы пойдём вглубь луж. Думаю, там будет безопасней.

Сам он стал ворошить и затапывать огонь.

– Вода в кувшине! – подсказала Кира, собирая рыбу в листы и складывая в рюкзак. – Залей!

– Пусть будет, нельзя выливать питьевую воду. Самим пригодится.

Точно! Она и не подумала. В лужах-то солёная.

Стянула горловину рюкзака и закинула себе за спину.

– Бери копьё.

Они собрались очень быстро. Костёр погас, небо потемнело ещё больше. На небе не то что звёзд, даже отблесков хоть какого-то света не осталось. Словно чернилами всё залило.

– У меня зарядка почти на нуле, – прошептала Кира, поёжившись. – А вдруг в этих лужах тоже кто-то живёт? Те, кто по ночам вылазят?

– Вряд ли.

Он сказал так уверенно, что Кира поверила. Ей очень сильно захотелось поверить – она так и сделала.

– Тем более, мы не будем заходить далеко. У берега они не такие глубокие.

Никита выбрал метрах в пятистах большой участок суши – так, чтобы можно было и самим сидеть, и вещи на сухой поверхности оставить.

Темнота уже сгустилась, видны были только очертания берега и щётка камыша над ней. На небе пусто, ни единого огонька. В лужах, к счастью, тоже. Вряд ли Кира обрадовалась бы, если бы в воде вдруг что-то засветилось.

Они сели рядом, плечо к плечу, и затихли.

– Если что-то живое полезет, мы же услышим?

– Конечно. Над водой звуки прекрасно слышно.

– Подожди! Нужно поесть, пока не остыло. – Кира обрадовалась, что нашлось какое-никакое занятие. Достала и развернула печёную рыбу, пододвинула к нему ближе. Правда, есть наощупь было не очень удобно, да и от волнения аппетит пропал, зато Никита подкрепился. Сейчас было важно, чтобы он был сыт.

– Откуда ночь? Почему так рано? – шептала Кира. – Почему не видно даже отблеска звёзд? Будто плёнкой нефтя-

ной заволокло.

– Не знаю. Я был уверен, что день и ночь устойчивые, и мы их определили. Но эта ночь выбивается из их числа. Думаю, здесь что-то не то.

– И я так думаю.

Они доели, Кира собрала мусор в листы и сунула обратно в рюкзак. Мало ли, вдруг на запах пищи выползут морские чудовища. Хотя лужи тут не такие огромные, чтобы чудовище поместилось.

– И сколько нам сидеть? – вздохнула Кира минут через двадцать, когда сидеть в тишине надоело. Конечно, было очень приятно слышать чьё-то дыхание, но ведь одновременно приходилось прислушиваться, ожидая появления чего-нибудь жуткого.

– Надеюсь, недолго. Если мышцы затекли, можешь встать и размяться.

– Хорошо. Только отодвинься, а то двину случайно в нос.

Никита тихо рассмеялся и отодвинулся. Кира на всякий случай проверила расстояние рукой, легко прикоснулась к его плечу, а после встала и немного размялась. Как будто в детском саду сделала зарядку.

Время шло. Темнота не спешила рассеиваться. Разминаясь ей пришлось ещё не раз. Кира дико устала сидеть и ждать, молчать и вслушиваться в тишину, а не раздастся ли хруст костей в камышах? Или топанье многотонного тела? Или клацанье острых зубов?

Постепенно стало холодать. Кира растирала себе руки и плечи тканью толстовки, снова разминалась, но холод становился только сильнее.

– Иди сюда, будем обниматься, – вдруг сказал Никита.

– Да? – Кира на миг замерла, а потом быстро села к нему поближе, прижалась спиной к его груди, подождала, пока он подошел и обнял её за плечи. Так, и правда, стало теплей.

– Надо было сразу так сделать, – улыбнулась Кира.

– Точно. Хотя что-то приятное в этой неожиданной ночи, – усмехнулся он.

Кира слегка покраснела – хорошо, что было не видно.

Как же здорово, что он есть, и во всей этой жуткой ситуации она не одна.

– Знаешь, о чём я иногда думаю? – прошептала Кира, рассматривая полосу камыша на берегу. Вернее, чёрное пятно на чёрном фоне, где эта самая полоса должна была быть.

– О чём?

– В лагере некоторые девчонки считают, что мы не просто так сюда упали. Они говорят, это и есть наш стресс-тест. Всё специально подстроено. Команда сама эвакуировалась, так просто мы бы не смогли от них избавиться. Перед уходом они нам ввели код к планете, а корабль...

– А корабль они тоже специально угробили, выбросив в трубу миллиарды? – продолжил Никита.

– Думаешь, такого не могло быть?

Он молчал, только обнял её сильнее. Кира вздохнула.

– И они считают, что всё под контролем. Что за нами следят, и если станет по-настоящему опасно, сразу прилетят и спасут. Поэтому можно ничего не делать – ну, если не хочешь выделиться и показать свои управленческие качества. Можно просто отдыхать и ждать. И я часто думаю: вдруг это правда?

– Очень приятная мысль.

В его голосе звучала насмешка, и какая-то очень злая.

– Не веришь?

– Правду или соврать?

– Правду.

Кира сама не заметила, как сжала кулаки.

– Это не стресс-тест. Всё по-настоящему.

Она шмыгнула носом. Так хотелось, чтобы он сказал – да, всё правда! Свистни – и прилетят, и домой отвезут. И она бы поверила, потому что она уже верила Никите, как самой себе. Даже больше – как тому, кто больше знает. Но может, потому и верила, что знала: в случае чего он не соврёт?

– Мне жаль, – тихо сказал он ей на ухо. Щеке стало очень тепло от его близости.

– Ничего. Ты же не виноват.

В темноте она не видела его лица, только на миг показалось, что он задержал дыхание.

И тут высоко над головой раздался свист. Такой, будто звенела натянутая струна. Или быстро носилось что-то

острое.

Кира чуть не вскрикнула, но успела сдержаться. Никита застыл.

Над ними что-то летало. Рваными, резкими рывками. И это нечто имело искусственное происхождение. Наверное. Конечно, наверняка они не знали. Оно вращалось, металось из стороны в сторону, свистело, попискивало, отлетало к берегу и возвращалось обратно.

Будто что-то искало.

Никита прижал губы к уху Киры.

– Не шевелись.

Предупреждение было лишним – от страха Кира не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела.

Эта штука висела над ними минут десять, не меньше. А потом быстро куда-то свинтила, только пронзительный тонкий визг затих вдали. Но они сидели тихо-тихо, боясь, что штука может вернуться.

Ночь прошла часа через два – в общей сложности, по ощущениям, она длилась менее половины обычной.

Когда стало светать, Кира первым делом пристально осмотрела берег. Там всё было по-прежнему. Камыши не скосило, проплешин в зарослях нет, кроме тропинок, которые они с Никитой протоптали от своих лагерей. Вроде всё как всегда.

– И что теперь делать? – Кира обернулась к Никите и вдруг поняла, что смотрит на него с такой безумной надеж-

дой, что даже неловко. Будто от его решения зависит всё. Будто она сама нипочём не способна придумать, что делать.

А ещё он очень близко. В глазах у него тёмные крапинки, а ресницы длинные и тонкие. Волосы отросли, так что светлые пряди падают на лоб. Губы на вид мягкие, над верхней ямочка.

Кира быстро отвернулась. Неловко поднялась на ноги. Сердце колотилось, уши горели. Перед глазами стоял момент, которого не случилось – тот, где она прижимается своими губами к его губам. Или наоборот. Стоило ведь всего лишь слегка податься вперёд. Но нет, она, конечно, наоборот, отодвинулась. И теперь думает не пойми о чём. И это тогда, когда поблизости неизвестная опасность? Да уж, естественный отбор быстро прервёт Кирину генетическую линию, продолжи она так реагировать на обычного молодого человека.

Никита тоже поднялся.

– Что бы это ни была за штука, похоже, она появляется ночью.

– А ночь? Неужели теперь так и будет приходиться неизвестно когда? Как теперь быть с рыбалкой? – Кира сглотнула. Сидеть ещё раз вот так среди луж и не дышать, пока над головой что-то рыщет – нет, повторения этого опыта ей вовсе не хотелось.

– Не знаю, что тебе сказать. Но сейчас нам нужно вернуться в лагерь. Узнать, всё ли в порядке.

– Да, – Кира быстро кивнула. – Надеюсь, ничего не произошло. Как там девчонки?

– Я тоже узнаю, как дела. И вернусь.

– Давай подождём следующей ночи? И вернёмся утром, чтобы наверняка встретиться?

Никита кивнул. Кира уже накинула рюкзак, схватила копьё. Там, в лагере, наверное, всё в порядке, ведь у них есть катер, в котором они привыкли прятаться. Но с другой стороны, от всего ли могут защитить те стены? Да ещё учитывая, что вход открыт. Пока не узнает точно, не успокоится.

– Иди, – Никита подошёл ближе, положил ей руку на плечо. – Иди и убедись, что девчонки не пострадали. И пожалуйста... будь осторожна.

Кира быстро взглянула ему в глаза. Те же самые крапинки, ресницы. А она такая трусиха, что отворачивается, будто обожглась взглядом!

– Ты тоже, – буркнула Кира и побежала в свой лагерь.

Глава 7. Одиночество

Кира даже копьё с собой прихватила, а не спрятала его, как обычно, у линии камышей. Бежать с ним было неудобно, то и дело приходилось переходить на шаг, но зато она чувствовала себя более смелой и уверенной. В случае необходимости будет чем отбиваться.

Смешно, конечно. От кого можно отбиться копьём? От той свистящей штуки, которая летает по небу в ночи? От личинки размером со слона? Даже от Саблезуба, вероятно, не выйдет.

И всё равно так было спокойней.

По пути к лагерю, к счастью, никаких изменений видно не было. Ночью тут ничего не происходило.

Вот и катер показался – так и лежит на холме. И девчонки у ручья.

Копошатся.

Как в передаче о муравьях или пчёлах. Когда показывают вид сверху, как они там ползают, мельтешат, что-то делают. Занятые какими-то своими жизненно важными делами. Сейчас лагерь выглядит так же. И это просто офигенно успокаивало!

Кира остановилась, ноги и руки дрожали от облегчения. Фух, пронесло! Судя по мирной, привычной картине, всё в порядке. Она воткнула копьё в мягкую глину у ручья и даль-

ше пошла налегке.

– Кира! – При виде неё все улыбались. – Ты в порядке? Мы за тебя боялись.

И правда, на большинстве встречных лиц было написано искреннее волнение. Конечно, возможно, они просто боялись потерять поставщика рыбы – ну, некоторые из них, но остальные действительно переживали.

– Я в порядке, – смеясь, Кира шла к катеру. – А вы? Всё хорошо?

– Тоже всё хорошо!

Боже, просто музыка для ушей!

Зои нашлась у катера, она стояла на краю холма, где обрыв над коралловыми зарослями, поставив одну ногу на камень, и смотрела вперёд. Походила на великого полководца с иллюстрации учебника по истории.

– Зои!

– Ну, слава богу! – выдохнула та. – Я тут чуть не поседела, когда ночь наступила! Мало того, что не вовремя, ещё и тебя нет. Понятно, что ты, скорее всего, просто не успеваешь в лагерь и будешь где-то прятаться. Но переживала всё равно. Мало ли.

– Я тоже, знаешь ли, за вас переживала. И это слабо сказано.

– Как там? Никто не пробовал тебя сожрать?

– Пронесло.

Они уселись на ближайший камень, особо сильно порос-

ший мхом. Его больше всего любили девчонки, потому что он был на редкость ровный. Обычно тут была тьма-тьмушая желающих посидеть. А сегодня, как ни странно, никого.

– У всех развилась какая-то сюрреалистическая жажда деятельности, – пояснила Зои. – Как посветлело, все забегали, словно оглашенные, и занялись делами. Скребутся, копытами стучат. Отходняк, наверное.

– Как у вас прошла ночь?

– Спокойно. Хотя вначале я так не думала. Мы со Снежной решили, что это ненормально – вся эта суматоха с дополнительной ночью посреди белого дня. Значит, сейчас как шарахнет что-то! Но нет, пронесло.

– Личинки? Вой?

– Ничего не было. Просто ночь пришла неожиданно. А что за вой?

Кира в красках описала летающие штуковины, которые свистели над лужами.

– Поэтому я и бежала что есть сил. Думала, вдруг эта штука в лагерь прилетала. И что-нибудь натворила.

– Хм. Ты уверена, что она искусственного происхождения?

– Зуб даю, – усмехнулась Кира. – Это не животное. Если бы ты слышала звук, тоже не сомневалась бы.

– Природа бывает очень разнообразна. Видела хоть одну научно-популярную передачу по ксенобиологии? Да там на некоторых планетах такое водится, что и под кайфом не при-

думаешь! И слизнюки, и детища безумного профессора, и их помесь.

– Да, бывает, я знаю. Но эту штуку создала не природа. Она слишком... технологичная, что ли. Слишком похожа на земные дроны, вот! И не похожа на местную живность, которая очень даже друг с другом сочетается. Это – вне ряда.

Зои думала, кусая губы.

– Значит, тут летает какой-то аппарат, созданный человеком?

– Угу.

– Предназначенный для чего? Людей ведь нет.

– Не знаю. Может, забыли отключить? Это может быть что угодно. Камера. Приборы для снятия проб. Ну, не знаю... Охрана?

– Кого и от кого?

– Да не знаю я! И всё же главный вопрос: почему этот аппарат летает, если на планете никого нет, и базы свёрнуты? Как его могли забыть отключить? И даже если забыли – как ему хватает энергии?

– Правда, понятия не имею.

Зои покачала головой и быстро достала экран.

– Нужно написать об этой штуковине Огню, пусть с Ахлейном помозгут.

Она застрочила текст, то и дело останавливаясь и подбирая слова. Кира тем временем расслабилась, опёрлась на руки и подумала, что если бы в лагере что-нибудь произошло...

это был бы ужас, глухой омут, из которого она не смогла бы вынырнуть. Когда смотришь фильмы или сериалы, там люди проходят через жуткие испытания. На их глазах разрывают и убивают друзей и семью, а они продолжают цепляться за жизнь – и выживают, и живут дальше. А Кира была уверена, что не захочет жить после такого. Жить с таким грузом?! Зачем? Увольте.

Впрочем, можно выдохнуть – на данный момент всё в порядке.

– Это ещё что! Из-за этой ночи-полуночи я даже забыла про Шпрота!

– А что Шпрот? – Кира удивилась. – При чём тут он?

– Да представляешь, как раз перед ночью сообщение пришло, что Шпрот пропал. Огонь с ребятами искали его два часа и не нашли. И тут темнеть стало. Не пойми что происходит. У меня лагерь испуганных девок, ты неизвестно где застряла, ещё и об этом чудиле теперь переживать! Пока в темноте сидели, два раза писала, спрашивала, как у них дела.

– И что?

Кира разволновалась. Она прекрасно помнила, как это – сидеть в темноте и ждать рассвета. Попутно надеясь, что тебя не сожрут.

Бедный Шпрот!

– Да нормально всё! Как только рассвело, сам прилез. Этот дудон знаешь, что сделал? Просто залез куда-то и заснул! Да-да! У меня такое же лицо было, как у тебя сейчас.

Просто дрых, сучонок, пока они бегали, его искали. Огонь пишет, чуть не поседел все.

– Такое только со Шпротом могло случиться, – улыбнулась Кира.

– Что правда, то правда, – кивнула Зои. – Что за карма у него такая? Магнит абсурдных случаев. Как ему вообще доверили прыжок делать? Да я ему и собачку свою выгулять не доверила бы! Щас прочту ещё разок, как ласково Огонь о нём отзывается.

Кира улыбнулась, когда представила Шпрота, который выгуливает Зоину крошечную собачку с длинными лапками. На собачке обязательно блестящий костюм с крылышками. Шпрот в прикиде по последней моде – широких штанах, в которых путаются ноги, и блейзере с вырезом по соски – смотрит, куда лучше свернуть – в парк или вокруг дома походить. Оба места, конечно же, самые безопасные.

М-да. Жалко собачку.

Вдруг из-за катера выскочила Пустота. Она бежала к ним, наклонив голову, как будто собиралась их таранить, и сжав кулаки. Кира привстала. Что-то случилось?

– Кира! – Пустота подбежала и вдруг вцепилась в неё, как клещ. – Ты жива!

– Да, я в порядке, – озадаченно пробормотала Кира. Если честно, она так изумилась этому поступку, так растерялась, что понятия не имела, как реагировать. Потом жалость взяла верх, и она осторожно обняла узкую спину, погладила. – Всё

хорошо, не волнуйся.

– Если бы ты не вернулась, я бы погибла, – мрачно сообщила Пустота. – Я бы сдохла.

Рядом, не отрываясь от экрана, поморщилась Зои.

– Ну, не преувеличивай. Никто не погибнет.

– И правда, всё же хорошо. Переживать нечего.

Через пару минут Кира смогла отцепить от себя Пустоту, мысленно поражаясь остроте реакции. Как понять, по чему та скучала бы больше: по Кире или по улову? Не могла же вызвать подобную привязанность простая помощь с волосами и стиркой?

* * *

Следующая ночь наступила, как положено. То есть последняя полу-ночь никак не вписывалась в график, она словно взялась из ниоткуда и пропала в никуда. А в положенное время пришла та ночь, которой было положено прийти.

– Я понятия не имею, отчего это произошло, – ломала голову Снежная Дева. – Тучи были слишком плотные. Ничего не видно! Но эта полночь – её не должно было быть! Ни по каким правилам!

А Кира тем временем думала, что в свете последних событий ей не мешало бы остаться в Изумрудных Лужах с ночевкой. Если эта свистящая штука летает там в темноте – значит, это связано с местностью. А может, просто разок зале-

тела. Но интуиция подсказывала, что связь существует, причём прямая. И это требовало доказательств.

Но не сейчас, конечно. Следовало подготовиться. Кира занялась бытовыми делами, дождалась ночи. Без рыбы уже было непривычно, девчонки соорудили похлёбку из овощей и ягод, но она получилась далеко не такой наваристой и вкусной, как прежде.

И на рассвете, перед тем как уйти, Кира убедилась, что действительно посветлело, а не как в прошлый раз. Даже дважды умылась, только бы потянуть время. Но потом вспомнила, как они с Никитой сидели ночью и жались друг к другу. Эти его завораживающие крапинки в глазах...

Собралась и пошла к лужам.

Странно, что в это непростое время она больше всего думает не о разгадке непонятных событий, происходящих вокруг, а о каком-то человеке. Нужно сосредоточиться, искать связь, понять происходящее... но она вместо этого вспоминает тепло его рук. Разве это нормально?

А как это остановить?

Кира брела по уже хорошо различимой тропинке, привычно выискивая синие цветы, однако в округе их уже давно не осталось. Девчонки в поисках вкусных орешков заходили довольно далеко и всё подчистую собрали. А новые цветы пока расти не собирались. Анита даже задумалась, а можно ли их культивировать, однако никто не признал вслух, что студенты могут пробыть на планете так долго, чтобы до-

ждать урожая. Они всё ещё верили, что в любую секунду появится помощь. Следовательно, нет никакого смысла заморачиваться с огородом.

Помощь... Хоть бы это на самом деле произошло, думала Кира. Она то и дело задирала голову, смотрела на небо и повторяла: «Вот сейчас, сейчас»... И задерживала дыхание, до боли щурясь от солнечного света.

Но никто не прилетел. К концу дороги она перестала маяться дурью, потому что два раза чуть не навернулась и не разбила себе нос.

А вот на берегу она увидела Никиту в компании двух других парней. Прежде они обсуждали вопрос насчёт помощи – ну, что кто-нибудь из лагерей может прийти с ними, но Ваффля никак не находила времени, остальные девчонки тоже не жаждали рыбачить, так что разговор не имел последствий.

Но, похоже, в группе Саблезуба всё же кто-то решился научиться полезному делу. Так, для разнообразия.

Кира поправила пустой рюкзак, перехватила поудобней копьё и пошла им навстречу. Парни застряли на месте и навстречу не шли; уже потом она увидела, что Никита строгаёт палку – видимо, делает ещё одно копьё.

Странно, что они не сделали этого раньше. Совсем без подготовки заявили. Хотя... Девчонки тоже не стали бы напрягаться, чего уж там. Тоже на месте пришлось бы решать вопросы с оснащением.

Кира подошла и улыбнулась.

– Привет!

Никита кивнул и продолжил строгать палку. Его копьё было воткнуто рядом в землю, а ещё одна палка-заготовка лежала под ногами. Похоже, всю работу он будет делать сам. Кира нахмурилась и посмотрела на парней. Могли бы и натрудить ручки, самим выстрогать себе инструмент.

– Привет, привет. Да, помню такую, – протянул смуглый брюнет, ощупывая её глазами. Кира тоже его визуально помнила – противный тип. У него всегда был такой взгляд – рыщущий. А когда этот взгляд натыкался на что-нибудь интересное, а именно на выдающиеся части женской фигуры, то сразу становился масляным, дебило-тупым. Но раньше Кира не выделялась среди девчонок, и его взгляд пробежал мимо.

А вот сейчас остановился и прилип. Губы брюнета искривились. Его дружок, кстати, был таким же противным.

Кира украдкой посмотрела на себя. Ну да, футболка растянулась, обтягивает грудь и завязана на животе, чтобы не мешала ходить. Штаны закатаны до колен, потому что по берегу она всегда ходит босиком. Руки, ноги голые.

Она сжала копьё. Вначале ей хотелось поприветствовать и подбодрить новичков – всё же нелегко перенимать чужой опыт, но тут резко перехотелось.

– Очень даже подойдёт, – сказал второй. Его улыбка тоже была отвратительно сладкой.

– Для чего подойдёт? – мрачно спросила Кира.

– У нас для тебя выгодное предложение, – заявил брю-

нет. – Мы с другом соскучились по женскому теплу. Ну, сама понимаешь, почти месяц тут торчим по земному времени. Воздержание плохо влияет на здоровье. Да и развлекаться как-то надо? Моё предложение: ты нам помогаешь сбросить пар, а мы тебе по возвращении платим. Много платим. До фига просто. Сможешь лет десять не работать. За раз ну... тысячу. Чем больше раз, тем больше заработаешь. Так что, согласна?

В тишине ветер шуршал стеблями камыша, и еле слышно шлёпались о берег волны.

– Что? – просипела Кира. Она судорожно взглянула в сторону Никиты, но тот продолжал сидеть и точить копьё. Даже глаз не поднял.

– Мы не обманем, не бойся. Честный договор, честная оплата. Может, еще доплатим за старательность, – добавил второй.

Они подошли ближе, от их улыбок подташнивало.

– Соглашайся быстрее, – брюнет схватился за свой аппарат между ног и пошевелил рукой в идиотском ритме. – А то я скоро взорвусь.

Кира в последний раз взглянула на Никиту, но тот никак не реагировал. Будто ничего не происходило.

Вот так просто.

Вот и вся их связь! Тонкая, душевная настройка. Единство. Ну да, ну да.

Тут, в одиночестве, они, может, и были друг другу кем-

то, однако это всё выдумка, дым. В реальности вот цена их отношений – при нём Киру могут оскорблять, делать неприличные предложения, поступать с ней как угодно, а он и слова не скажет.

– Нет, – еле выдавила Кира и отступила назад.

– Да не ломайся! – второй подступил ещё быстрее. – Давай по-хорошему. Чего ты цену набиваешь?

А Никита так и сидел в стороне.

У Киры запершило в горле, а потом она схватила копьё и наставила брютету в живот.

– Я сказала, нет. Отойдите.

Слёзы тут же радостно скопились в уголках глаз, но Кира их сморгнула. Не время расслабляться.

– Ты чего? Совсем берега попутала? – второй мгновенно разозлился, демонстративно сжал кулаки. – Ты кому угрожаешь?

Брюнет тоже оскалился, медленно достал нож из-за пояса.

– Хочешь обслуживать нас бесплатно? – зашипел.

– Одному я в живот копьё всадить успею, – сказала Кира. Так спокойно, что сама себе поразилась. Словно в неё вселилась какая-то бесстрашная воительница. – Второй, может, меня и достанет, но вот первому не повезёт. Без медицины, без элементарных лекарств, без помощи медиков. Долго и мучительно умирать оттого, что кишки гниют... М-м-м. Как представлю, кровь леденеет. Кому же повезёт? Я клянусь, что успею. Понятно? А ну, отошли!

Они не сразу, но стали пятиться к берегу. Как и Кира. Сейчас ей почему-то не было страшно, ей было противно и очень одиноко. Вся радость, накопленная в последние дни, растворилась без следа. Воспоминания о крапинках в чужих тёплых глазах пропали.

Брюнет выругался, второй добавил:

– И откуда только вы такие берётесь? Ещё что-то строит из себя. Да тебя до конца жизни засадят за угрозу убийства такого, как я.

Кира кровожадно улыбнулась.

– Но не тут, верно?

Теперь они ограничивались лишь презрительными уничижающими взглядами. Типа, что это за кусок уродливого тела, которая думает, что на неё кто-то позарится? Да они лучше с голодухи подохнут!

Неудачники! Они понятия не имели, что Кире всегда на подобные взгляды было наплевать. Ещё с детства иммунитет. Три месяца, проведённые в распределителе детского приёмника, раз и навсегда открыли глаза на то, что другие о тебе говорят. Как они обсуждают твои внешние и внутренние данные, не стесняясь в выражениях, когда им ничего за это не будет. Так, будто ты предмет мебели и не слышишь.

Самое мягкое, что о ней говорили: «короткие ноги – цыплячьи мозги».

Она пятилась достаточно долго, пока не решила, что отошла достаточно далеко. Никита, кажется, смотрел на неё,

но Кире это было уже не интересно. Только что он наглядно продемонстрировал, что произойдёт, когда они вернуться в цивилизацию. Любой сможет обидеть Киру, сможет обращаться с ней, как с последней швалью, а Никита это позволит. Он сам – всего лишь тень да прислуга, чувак с рабским сознанием – верно, готов делиться с господами даже собственной девушкой.

Конечно, сложно противостоять корпоративным деткам, привыкшим ко вседозволенности, кто спорит. Но можно хотя бы не быть на их стороне! Трус, жалкий трус! А она уже было решила, что Никита стоит внимания.

Нет. Этого не будет.

Кира развернулась и убежала прочь, к своей тропинке. Несколько раз оглядывалась, но её никто не преследовал. Её трясло, слёзы текли по щекам, и хотелось спрятаться от всего мира. Залезть в какую-нибудь щель и сидеть там, скорчившись, оплакивая свою несчастную судьбу.

Но жизнь уже научила Киру, что прятаться бесполезно. От этого только хуже. Никто не придёт, не поможет и не утешит. Наоборот, ты будешь фонить тоской и привлекать этим ещё больше несчастий. Нет, она сильней обстоятельств!

Поэтому Кира остановилась на берегу и стала думать. Нет, она не сбежит трусливо прочь. Она вдруг поняла, что на самом деле пырнула бы кого-нибудь из этих двоих в живот. Даже дрожь пробрала!

Стоит допустить вариант, что эти двое постараются её

подкараулить и отомстить за отказ и за угрозы. Кира проверила – нож на месте. Если это произойдёт, она будет защищаться. Нужно быть осторожней. Хотя... нет, ничего они не станут делать. Побоятся.

В любом случае, откладывать насущные дела из-за пары-тройки придурков она не собиралась! Поэтому Кира нашла глазами приметный ориентир и пошла в глубину луж – в другую сторону, подальше от того места, где раньше они рыбачили с Никитой. Туда она больше ни ногой. Найдёт себе своё место, ещё лучше прежнего.

Ей хотелось сесть и плакать, и даже покричать, и что-нибудь пнуть, ударить, разбить, но она шла и искала подходящую лужу. Представляла по дороге, что она в оболочке, в вакууме, словно окружена светящейся плёнкой, и отсекала всю злобу, которая стремилась к ней присосаться извне, как чёрные щупальца. Теперь она сама по себе, наполняется силами своей души, своего света. И не позволит никому себя запачкать.

Никому!

Добравшись до больших луж, Кира стала ходить вдоль их берегов, исследуя дно. Но нет, тут сразу начиналась глубина. Даже если бы она рискнула зайти в эту воду, места для рыбалки недостаточно. А потом она застряла между двух огромных луж, разделённых лишь одним узким извилистым проходом, и если идти дальше, то можно заблудиться. Холм, на который Кира ориентировалась, почти слился с горизон-

том. Дальше идти нельзя. Нужно возвращаться на берег, сделать новый ориентир, который можно будет оставить уже здесь, у глубоких луж, и продолжать поиски.

Второй день без рыбы. Печально.

И надо бы поесть. Она забыла про завтрак, и теперь придётся искать еду по дороге в лагерь. Или не есть.

Нет, она будет есть. Она сохранит свои силы, своё здоровье и своё умение давать отпор!

Кира вернулась к берегу, внимательно смотря по сторонам. Людей не было. Эта волшебная тройца испарилась. Чем бы они сейчас ни занимались, к рыбалке это не имело ни малейшего отношения.

Сжимая копьё, она прошла через полосу камышей к зарослям, чтобы найти подходящую палку. Заодно набрала свежей воды, умылась. Заставила себя не сидеть, тупо смотря на течение ручья, а действовать дальше.

Она нашла палку, приделала к ней гриву из травы, которая будет развеиваться на ветру, и отправилась обратно. В камышах двигалась очень осторожно, чтобы успеть увидеть или услышать чужаков. Шла и ругалась вполголоса. Они хрен знает где! Тут не на кого рассчитывать, только друг на друга. И что? И что, мать вашу?! Вот что они творят...

Когда Кира выбралась на берег, первым делом, конечно же, посмотрела в сторону, где на берег выходил Никита. И увидела его. Он шёл к ней без вещей и без копья, а когда увидел, что она появилась из камышей, побежал.

Подбежал, запыхавшись. Остановился за несколько метров, будто боялся подойти. Может, и правда боялся. Кира сжимала копьё так, что костяшки побелели. Смотрела на него и думала: как она могла что-то найти в таком трусе! Что она там разглядела-то?

Первое впечатление ведь самое верное. А оно сложилось в тот миг, когда Никита не позволил ей рассказать полковнику о заговоре студентов. Послушный беспринципный прислужник, который по приказу хозяина готов идти на всё, даже на нарушение закона. Вот её первое впечатление.

Следовало его оставить.

– Прости меня.

Кира посмотрела на него, словно ослышалась. Потом подошла и влепила ему пощёчину. От души! Он даже не пошевелился. Посмел поднять глаза и спокойно сказал:

– Многие на твоём месте согласились бы. Это огромные деньги. Кто я такой, чтобы вас судить?

Кира отвернулась и сплюнула. Некрасивый поступок: девушка должна быть женственной, а не плевать, как быдло. А что, если женственной быть не для кого?

– Хорошего же ты обо мне мнения! Рядом не противно стоять?

– Я не знал, что ты не согласишься.

– Что?!

Он словно перестал видеть Киру, взгляд расплылся.

– Я много раз видел людей, которые соглашаются.

Она покачала головой, разочарованная не только в нём и его мерзком поступке, а и в самой себе, в своём ожидании хорошего от этого человека, а после развернулась и пошла прочь.

– Стой!

Зря Кира обернулась, ох, зря! Никита вдруг вынул нож, а потом с силой полоснул лезвием по другой руке – не по запястью, а снаружи. На землю тотчас закапала кровь, порез разошёлся, раскрылся, как голодный красный рот.

Кира чуть не задохнулась от возмущения:

– Ты вообще в своём уме? Что ты творишь?!

– Тебе же хочется, чтобы мне было больно?

Все слова, которые она собиралась сказать ещё, куда-то делись. Кира покачала головой, прошептала.

– Ну, ты и придурок! Вы с Саблезубом друг друга стоите.

Нет, прочь отсюда, прочь! Кира почти бежала, но всё же услышала, как он догоняет. Что опять? Она встала, как вкопанная, и обернулась.

– Ну?

– Что мне сделать? – он дышал тяжело, но говорил твёрдо. – Что я должен сделать в следующий раз, скажи. Мне их убить? Если они или кто-нибудь ещё посмеет предложить тебе что-нибудь подобное – мне их убить?

– Убить? Да что у тебя за каша в голове?!

Кира осеклась, когда в голову пришла дикая, но яркая идея.

Охранник?

Она оглядела его сверху донизу. Никогда бы не подумала, но это, по крайней мере, оправдывает его поведение.

– Послушай, скажи правду. Ты что, телохранитель? Телохранитель Саблезуба, да? Из каких-нибудь безумных кланов на крови? Ну, у которых кукушка напрочь отсутствует, только какие-то древние понятия чести. Тебя продали его семье в младенчестве и растили так, что вся твоя жизнь принадлежит лишь ему?

Ведь всё сходится... Эта слепая преданность Саблезубу, постоянное нахождение возле хозяина, этот лакейский взгляд и привычки, будто своей собственной жизни у него вовсе нет. Все знают, что эти фанатики отдают свои жизни хозяевам и отказываются испытывать малейшие эмоции. И слово «убью», сказанное так легко, мимоходом, и так серьёзно – даже мурашки по коже.

– Телохранитель? Это же выдумка, их не бывает.

– Точно не бывает? Стой! Не заговаривай мне зубы! Да или нет?

– Нет, – он дёрнул головой. – Я не телохранитель. Я не имею отношения к кланам и древним понятиям чести. Меня никому не продавали ни в младенчестве, ни в сознательном возрасте. И я никогда не убивал человека.

– Почему ты тогда заговорил про убийство?

– Потому что мне хотелось это сделать.

Кире пришлось резко отвернуться. В его голосе прозвуча-

ло что-то жуткое, от этой странной подспудной угрозы стало тепло, но это неправильная, неверная реакция!

Говорить можно что угодно. Толку-то? Значение имеют только действия, только поступки. А поступки мы видели.

Она сглотнула и сказала:

– Да ладно пыжиться! Ты работаешь на человека, который ведёт себя таким же образом ежесекундно, я уверена. Раньше не хотелось?

– Это просто работа.

– Нет, не просто. Саблезуб делает тебя похожим на себя самого. Ты постепенно становишься таким же. Разве не понятно?

– Это не так.

– Тогда просто скажи, какого чёрта ты на него работаешь? – с досадой воскликнула Кира. – На этого мерзотника? Тебе так нужны деньги?

Оставалась надежда: вдруг кто-то смертельно болен? И Никита вынужден вкалывать и идти на всё, только бы спасти жизнь родному человеку. В таком случае он даже достоин уважения!

– Нет. Дело не в деньгах.

– А в чём?

Никита помедлил пару секунд, а потом просто пожал плечами – вот и весь ответ. По сути, никто никому и не обязан отчитываться, но на миг Кира подумала, что он ответит. Нет, ничего подобного!

– Понятно, – разочарованно протянула она. – Твоя позиция – сиди тихо и не отвечивай? Да? Но знаешь, что? Мне плевать! Не подходи больше ко мне.

– Кира...

– Что непонятного? Пошёл вон! – она угрожающе оскалилась и подняла копьё. – Ты меня разочаровал. Я не хочу тебя больше видеть. Отвали!

Последнее она прокричала с такой силой, что в горле запершило. Хотелось срочно хлебнуть водички, раз уж нет ничего крепче. Но Кира стояла и ждала.

Смотрела, как он замер, опустил голову. Глаза на миг переместились на руку, по которой текла кровь, но она снова оскалилась и отвела взгляд. Ей плевать. Его голова полна какой-то бредятины, и она не собирается с этим разбираться.

Через несколько секунд Никита медленно поднял руку и спрятал нож. Поднял голову, но на Киру не посмотрел.

– Я нашёл другое место рыбалки, ближе к лагерю. Это место твоё. Мне больше нет нужды здесь появляться. Но если что...

– Вали! – перебила Кира.

И он ушёл. А она опустила копьё, сглотнула комок в горле и заплакала. Злясь и на него, и на себя.

И всё же Кира была уверена, что поступила правильно. И если попадёт в такую же ситуацию ещё раз – поступит так же.

Сидеть и горевать она не стала. Отправилась рыбачить на прежнее место. Если Никита из-за угрызений совести вдруг решил уступить ей поляну – его проблемы, Кира не станет попусту тупить и воспользуется случаем. Ну и что, что он первым нашёл это место? Лужи общие, он их в аренду не брал! Особенно, если сам отказался.

Ещё карман жгла зажигался. Кира не вспомнила про неё во время ссоры, а то бы точно вернула. И теперь получалось какое-то раздвоение личности. С одной стороны, она злилась, что не вернула зажигалку, а он будет думать, будто Кира из тех, кто много выделяется, а зажигалку вот не постеснялась зажать. Но не догонять же его только для того, чтобы швырнуть подарок обратно? Да и, с другой стороны, она была рада, что у неё осталась возможность зажигать огонь. Без него было бы совсем печально.

И это самое паршивое... Ей было грустно. Раньше рыбалка приносила удовольствие – весь этот процесс, который включал дорогу, встречу, разговоры и совместную охоту. И время, когда они жгли костёр на берегу, ели и болтали.

Сейчас осталось просто дело, работа, которую нужно выполнять. В ней больше не было ни крошки радости.

Паршиво, что ни говори.

Кира еле дождалась, чтобы рыбы набралось достаточно.

Обратила внимание, что под ногами её плавают уже гораздо меньше, и подплывает она не так часто. Всю выбрали. Видимо, вскоре так или иначе придётся искать новое место.

В рюкзаке была едва половина обычного улова, когда она собралась и отправилась в лагерь. Перед тем как нырнуть на тропу среди камышей, не выдержала и оглянулась.

Пусто. На берегу ни души. Ни Никиты, ни двух дебилов, которые так легко разрушили всё хорошее, что случилось на этой планете. Да чтоб их икота до смерти замучила! Герои-любовники мамкины.

Боже, до чего же это всё нелепо!

Кира стиснула зубы и пошла в лагерь. Всё, хватит страданий. Отныне она не станет вспоминать о Никите без крайней необходимости.

Проехали.

Обратная дорога словно растянулась, лямки рюкзака стали натирать плечи. Кира решила, что больше одна на рыбалку не пойдёт. Пусть кто-нибудь из девчонок составит ей компанию – хватит уже на всех батрачить!

В лагере Кира бросила рюкзак у очага и ушла мыться к ручью. Вслед за ней отправилась Зои.

Кира разделась до белья и стала полоскать одежду в реке.

– Что случилось? – Спросила Зои. – Ты сама не своя.

– Проехали.

– Нет, правда. Что с тобой?

Не отстанет. Нужно что-то сказать, чтобы оставили в по-

кое.

– Я устала ходить на рыбалку сама. Мне страшно после той полуночи, что я снова попаду в темноту, и мне придётся сидеть в лужах одной. Поэтому сделай так, чтобы со мной пошёл кто-то ещё. Двое. Раз никто не хочет добровольно, пусть жребий бросают. Я одна больше не пойду!

– Ладно, я поняла, – Зои скосила глаза в сторону лагеря. – Всё, в следующий раз пойдёшь не одна. Могла бы и раньше сказать. Я вообще думала, что тебе хочется ходить одной.

– С чего мне хочется ходить одной?

– Ну, там же твой рыбак. Любовь, все дела...

– Какая любовь? Что ты мелешь?

– Та самая. Пока ещё безопасно, а как марка закончится, там уже стрёмно будет – вдруг залетишь.

– Да ты о чём? – взмолилась Кира.

– Да о сексе, конечно. Глупо даже с какой-то стороны, что пока противозачаточные работают, пацаны неизвестно где шатаются. А потом встретимся, а уже – увы и ах! Ничего нельзя.

– Хватит этого бреда! – Кира сжала зубы и принялась что есть силы хлестать мокрой одеждой о камни.

Зои вздохнула.

– Успокойся. Мы договорились, будет тебе компания.

Она ушла, а Кира постирала одежду и совсем выбилась из сил. Было противно. Она ведь тоже думала об этом... о том, что марка вскоре закончится, и, возможно, ей стоит успеть

познакомиться с Никитой поближе. Думала ведь?

Да пошло оно всё!

Кира села у ручья и вылила себе на голову несколько горстей воды. Бесит!

Передёрнулась от холода. Но полегчало. Что же, компания ей не помешает. Отвлечёт от ненужных страданий на сто процентов.

Утром после ночи, которая прошла обычно и которую Кира провела, забившись в угол, в стог сена и слушая беззаботную болтовню остальных, она отправилась на рыбалку в компании Вафли и Ксении. Первая вызвалась самостоятельно – мол, сама давно собиралась, а вторую отправила Зою.

За этой самой «отправкой» наблюдал весь лагерь. Большинству это заменило скандальное ток-шоу. Зою подошла и велела Ксении собираться рыбачить. Там делать ничего-то и не нужно, только метать копьё в рыбу, которая плавает под ногами.

– Я не смогу ударить в живое существо и убить его! – кричала Ксения, воздевая руки к небу, словно призывая его в безмолвные свидетели.

– Тогда можешь забыть про рыбу и жрать только пышки и корни. Как тебе такой расклад? – невозмутимо отвечала Зоя.

– Но почему я? Выбери кого-нибудь другого! – руки опустились, но поза всё такая же, полная отчаяния.

– Я решила, что ты.

– Да кто тебе дал право решать?

– Может, грубая сила? – Зои вдруг сделала такое движение, словно ногой подсекла невидимого противника, в потом ударила его локтём то ли в шею, то ли в грудь.

Все, кто наблюдал за спором, замерли. Они не ожидали такого от Зои. Ладно, парни – для них драка обычное дело, но девушка, пусть даже победительница боёв... Разве так можно?

– Да расслабьтесь, шучу я, – мрачно сказала Зои. – Ксешка, ты пойдёшь, потому что у тебя реакция самая быстрая. А что не сможешь ударить – хоть попробуй. Представь, что это твой ужин.

Та, в конце концов, согласилась, хотя выбора у неё особого и не было. С Зои могло стать запретить кормить Ксению рыбой. И что ей сделаешь?

Раньше Кира обязательно бы задумалась над ситуацией и попыталась понять, как правильно. Нужно ли так давить на человека – ведь возможно, Ксения действительно не может рыбачить? Но может делать что – то другое? Или надо давить, принуждать, потому что иначе никто ничего делать не станет. Зачем, если можно понуть и отлынивать вечно?

Но сейчас она даже думать не стала. Ей было всё равно.

И вот они отправились к Изумрудным Лужам. Копья сделали заранее, в лагере, чтобы не тратить время, и теперь тащили их, цепляясь за кусты и камни.

– Долго ещё? Капец, как далеко! – минут через пятнадцать спросила Вафля. А они даже треть пути ещё не про-

шли. Надо же, а Кира бегала туда-сюда, почти не замечая дороги. Привыкла. Окрепла. Стала тоньше и гибче, и сильнее. С девчонками же ей пришлось потратить на дорогу в два раза больше времени.

Зато на берегу они быстро пришли в себя и перестали шататься, будто сутки на конвейере отпахали. Кира как-то на каникулах подрабатывала и теперь считала, будто хуже работы просто не может быть. Ужас, что за работа! Одно и то же, через пятнадцать минут уже тупеешь, глаза слезятся, спину ломит, а стоять нужно часами.

Примерно как после смены и выглядели Вафля и Ксения по приходе. Но потом они увидели Изумрудные Лужи...

– Вот это да! – сказала Вафля и застыла на берегу с открытым ртом.

– Ничего так местечко, – добавила Ксения. Эта наверняка видела больше – с младенчества, поди, летала на всякие курорты, но даже она впечатлилась.

Кира же по привычке осмотрела берег. Только не на предмет красот, а на предмет наличия чужаков.

Ни души. Никиты не было. И не будет.

Позже они с девчонками добрались до нужной лужи и принялись рыбачить. Конечно, у Вафли и Ксении не особо получалось. Кира научилась быстрее. Но делать было нечего – она убедилась, что обе, по крайней мере, пытаются, оставила их и отправилась искать другое место. Здесь запас вскоре истощится.

Она рискнула пройти дальше, в глубину луж, потом вдоль берега – там было всего пять новых луж, каждая такой площади, как штук пятнадцать мелких. И все пять глубокие. Выходило, что дальше в глубину идти смысла нет, нужно было двигаться вдоль берега на юг.

Кира вернулась к девчонкам и увидела две рыбины, которые валялись на берегу. Обе прищипила Ксения. И теперь она то и дело подпрыгивала, и подпевала, и излучала такое самодовольство, что стоять рядом и не улыбнуться было невозможно. Вафля к концу рыбалки тоже смогла зацепить копьём парочку, но, похоже, реакция у неё была не так хороша, как у Ксении и Киры. Раньше Кира не думала, что для этого дела нужна какая-то особая реакция, но факт налицо. Зои оказалась права – Ксения словно родилась с копьём в руке.

Обратно в лагерь они принесли не намного больше, чем приносила Кира, зато теперь, кроме неё, появилась ещё одна рыбачка – Ксения, и на крайний случай третья – Вафля.

Тогда случился второй с их появления на планете дождь. Обычный. Пахло озоном, собрались тёмные тучи, вылили много воды и рассеялись.

На следующий день девчонки снова ходили на рыбалку и снова удачно. Кира снова искала новый водоём – и нашла! Правда, небольшой, так что рыбы там тоже было немного, но это лучше, чем ничего.

Вот примерно так, наверное, и накатывает обыденность.

Когда всё ровное, серое и изменений не предвидится. Кире казалось, её чувства засыпают, страхи притупляются, а ожидание чудес отмирает, как ненужный организму для функционирования орган.

Но когда после рыбалки они вернулись в лагерь, навстречу им выбежала, запыхавшись, Пустота.

– Группа Огня возвращается в лагерь! – прокричала она.

Глава 8. Секреты

Зою, похоже, сильно устала повторять одно и то же, но Кира, Ксения и Вафля только появились, ничего толком не знали, поэтому не могли прекратить расспросы. К тому же они добытчицы – те, кто обеспечивают лагерь едой, а значит, заслуживают ответов.

– И всё? Просто возвращаются? – не унималась Ксения. К счастью, именно она дёрнула Зою, поэтому у той не было ни малейших шансов отвертеться. – Но хоть что-то сказали? Как-то объяснили?

– Нет! Они возвращаются, потому что не нашли базу. Вот и всё сообщение.

– А когда будут здесь? – спросила Кира.

Вафля, убедившись, что больше ничего важного не услышит, ушла. Зою проводила её взглядом и ответила сквозь зубы.

– Не знаю. Но говорят, что недалеко. До нас местных дня три-четыре.

– Ну вот, а говоришь, ничего неизвестно. Уже выяснили, что базу не нашли и что они будут через несколько дней. А какие у них планы?

– Вот прямо так они и распинаясь о своих планах! – Зою отвернулась. – Придут и спросим.

– А какой у них вообще настрой был? Голос какой у Ог-

ня? – спросила Кира.

Зои ответила не сразу, и в принципе уже было понятно, что она скажет.

– Мне показалось, он сильно не в духе.

– Для Огня это просто трынцек как хреново – не найти базу, – усмехнулась Ксения. – Вся крутизна облезла.

– Ну, он хотя бы не свалил, как курсанты, – вступилась Зои. – Хоть что-то пытается делать. Думаешь, на его месте ты бы больше сделала? Только и толку от тебя, что рыбу в последнее время носишь. Так что не очень-то выступай.

– Как там курсанты, кстати – новостей нет? – Кира воспользовалась случаем и прервала Зои, потому что Ксения после таких слов уже насупилась и обиделась. Щас ответит, и передерутся ещё. – Хоть каких-нибудь? Неужели курсанты ни разу не пытались с нами связаться?

– Нет, ничего. У Ахлейна, оказывается, вирту-станция ещё в полёте все идентификационные номера сняла, так что Огонь пытался написать Луке и ещё паре курсантов. Но те не отвечают.

– Надеюсь, они в порядке.

– Я тоже надеюсь. Что они молчат только потому, что Лука запретил отвечать. Это ж курсанты – старший по званию приказал сигать с высоты головой вниз – они рады стараться, ровными рядами будут сигать.

– И всё же непонятно, отчего Лука так на нас взъелся, – Кира задумчиво покусала губы. – Ну, не любит он... вас, но

бросать беззащитных людей – это как-то не по-курсантски. Их такому точно не учили.

– Наверняка что-то личное, – фыркнула Ксения. – Обидели бедняжку, косо посмотрели. А может, одна из нас не дала, вот и мстит. Он же военный – как же такому бравому красавчику да посмели отказать?

– Это предположение или ты что-то знаешь? – Зои оценивающе посмотрела на Ксению.

– Считай, что интуиция, – дерзко ответила та.

Кира вздохнула. Да уж, как они вообще между собой общаются? Только и делают, что грызутся, как собаки. Поодиночке они вели себя куда лучше – что Зои, что Ксения были адекватными. А вместе – просто беда какая-то!

На этом обмен новостями закончился.

Лагерь замер в ожидании возвращения группы Огня, и атмосфера в нём была, мягко говоря, печальная. Большинство хоть и продолжали утверждать, что за ними в любой момент прилетят спасатели, но утверждали уже не так рьяно. Видимо, вариант спасения с помощью баз им тоже нравился. Но тоже – увы.

Ещё один момент, с которым Кира столкнулась по возвращении. Недалеко от катера она обнаружила грядку, примерно метр на полметра, на которой в гордом одиночестве росли синие цветы. Штук шесть.

Великолепная обладательница огорода тут же показалась – выскочила, стоило приблизиться к грядкам, как чёр-

тик из табакерки. Это оказалась Анита. Так как её основной специализацией как раз был растительный мир, Кира, в общем, не удивилась.

Оказалось, Анита нашла эти цветы и вместо того, чтобы их банально съесть, решила узнать, как они размножаются. Выкопала и пересадила сюда.

– Ну, то есть я знаю, что размножаются они семенами. Но нужно установить цикл. Да и сюрпризы бывают. – Рассказывала Анита, с умилением поглядывая на них, как на родных деток. Цветочки она, похоже, любила куда больше людишек. – И если семенами... то, возможно, мы сможем выращивать целые поля!

Кира вздрогнула, представив, как они вручную вскапывают целые поля целины, где земля в большинстве своём перемешана с камнями. Ну, или корчуют лес. Что-то она такого пленительного воодушевления при виде данной картины не ощущала. С другой стороны, Анита занимается общепольным делом, да ещё и по велению сердца – и замечательно!

Тут из катера показалась Оленька, взглянула на них сонными глазами и спряталась обратно.

– А она как? – спросила Кира. – Нашла себе какое-нибудь занятие?

– Да где там. Уходит, прячется.

– Почему прячется? От кого?

– Ото всех. Говорят, – Анита приглушила голос, – что она может узнать, где мы. Ну, если хорошо в своей голове поко-

пается. Но специально этого не делает.

– С чего ты взяла?

– Ходят такие слухи.

Любопытно, и откуда взялись эти слухи? Кира хмыкнула.

– Это неправда.

– А ты откуда знаешь?

– Ей обещали очень много всего ценного, если она найдёт полезную информацию. Любую информацию, которая облегчит нам существование здесь. Но она не нашла ничего. Сама понимаешь, на её месте каждый бы постарался. Да и какой смысл скрывать то, что ей самой может помочь?

Анита просто пожала плечами. Похоже, ей на самом деле было наплевать, правда это или нет – просто сплетничать, перемывать кому-нибудь кости и строить фантастические допущения было гораздо интересней, чем рассматривать скучные сухие факты.

Представляю, что они говорят обо мне за моей спиной, подумала тогда Кира. Вряд ли что-нибудь хорошее.

А может, как раз и болтают, что она встречается на Изумрудных Лужах с кем-то за деньги? С пацанами из лагеря Саблезуба?

Да нет, бред. Кира мотнула головой. Никто не знает о том предложении, пусть никогда и не узнает. Если они и чешут об неё зубы, то по иному поводу.

В следующий раз Кира с девчонками отправились на рыбалку с опозданием. То Ксения была чем-то занята, то Вафле

срочно приспичило голову мыть – мол, ей приснилось, что у неё в волосах ползают какие – то насекомые. И они не просто ползают, царапают своими лапками, а ещё и грызут волосы. Жрут их. Вафля так подробно рассказывала, в таких деталях и ярких красках описывала, что Кира чуть сама не побежала мыть голову. Хорошо, что эти опасения оказались беспочвенными – никаких насекомых у Вафли не было. Её осмотрели трое, причём Снежная Дева не пожалела батарейки и включила лупу. Нет. Никаких жучков или их яиц!

Но Кира не отговаривала Вафлю, когда та побежала к ручью и сунула голову в воду, сказав, что так будет сидеть полчаса. Не отговаривала, потому что прекрасно её понимала. Нет гарантии, что у неё самой в любой момент крыша не сдвинется.

Поэтому вышли они позже. Зато по дороге нашли камень с дыркой. Об него споткнулась Ксения и ещё несколько минут ругалась, потому что ушибла пальцы. А Кира была очень довольна – давно она искала такой груз!

В лужах девчонки отправились рыбачить, а Кира нашла неподалёку огромную глубокую лужу, привязала к камню верёвку и запулила его в глубину, как смогла далеко. Еле удержала конец – верёвка моментально ушла под воду. Хотя она была не такой уж длинной – метров восемь. И почти сразу пропала из видимости. И вода вроде не мутная – на мелководье хорошо просматривалось дно, а в глубоких лужах видимость отчего-то пропадала. Будто там под небольшим слоем

воды другая жидкость с другой плотностью. Непрозрачная.

Выждав пару минут, Кира стала тащить верёвку обратно. Боялась, что если оставить надолго, то та размякнет и порвётся. И вот верёвка выскользнула из воды, мокрая и тёмная... и пустая. Нет на ней следов водорослей или грязи.

Кира тащила её всё быстрее... пока не вытянула последний кусок. Груза не было, на конце только растрёпанные травяные волокна. Она, как ни всматривалась, не могла понять, сама верёвка порвалась или её кто-то порвал. Но вроде никто не дёргал. С другой стороны, верёвка была довольно крепкой и сама так просто порваться не могла. Непонятно это всё.

Кира с досадой поморщилась – такой удобный камень было жалко. Хотя... вопрос, насколько глубоки эти лужи, как-то потерял свою актуальность.

Они втроем довольно быстро набили обычное количество рыбы. Вафля предложила остаться ещё и набрать больше, но Кира заупрямилась. Сама не понимала почему, но ей было всё тяжелей находиться в лужах. Она даже подумывала сменить род деятельности и заняться чем-то другим. Девчонки теперь и без неё могут ходить рыбачить. А она... да хоть Аните огород будет вскапывать. Или научиться из травки циновки плести. Или одежду, потому что их одежда скоро начнёт рваться. Нравится ей или нет, а пора допустить вариант развития событий, при котором в ближайшее время помощь не появится. А вот время года может измениться. И не просто допустить, а и начать на этот вариант ориентироваться.

По пути в лагерь Кира как раз думала над тем, как сказать о своём решении остальным. Конечно, по сути, объясняться она не должна. Сказала – не пойду больше, и всё. Она не обязана, заставить её никто не может. Угрызения совести, которые сейчас мучат, она выдумала себе сама. Большинство вон в лагере сидит, вокруг катера гуляет да корешки собирает. Почему ей нельзя?

Да, так и сделает. Просто поставит в известность. А кривые и недовольные взгляды как-нибудь переживёт.

Они не успели подойти к лагерю, когда услышали крики. И не просто крики, а какие-то вопли, явно не от одного человека.

Кира бросила копьё, которое теперь всё время носила с собой, и побежала вперёд. Девчонки не отставали.

В лагере все сгрудились на полянке у очага. Они о чём-то спорили, размахивали руками и орали. Кира, Вафля и Ксения смешались с остальными, их появления даже никто не заметил.

Оказалось, девчонки решают, что делать. С холма, от площадки, где вход на катер, упала Дайна. Она всегда была, что называется, «толстая кость» – неповоротливая и довольно неуклюжая, но только сейчас это сыграло с ней злую шутку. Самой Дайны тут не было. Крики становились громче.

Как она умудрилась оттуда свалиться? Какая разница? Заткнись, не до этого сейчас! А ты не ори! Заткнись, сказала! Да вы обе помолчите!

Вот примерно такие вопли царили на поляне. Расслышать среди них что-нибудь полезное было проблематично.

– А ну тихо! – гаркнула Зои. – Сборище куриц ошипанных! Хватит кудахтать!

Большинство замолчало, но вряд ли надолго. Кое-кто продолжал вполголоса возмущаться.

Кира протиснулась вперёд – туда, где стояли Зои и почему-то Алмазные Глазки.

– Да нет среди нас врачей, нет! – кричала Алмазные Глазки, выпятив грудь. Видимо, по привычке – обычно такая поза ей помогала в беседе.

– Неужели даже на курсы никто не ходил? – Зои выглядела угрюмой и собранной. – Никто?

– Я – нет. Не знаю о такой. Нет, не слышала, – загомонили все наперебой.

– Хотя бы информация у кого на гаджете!.. Нет, это нам не поможет. Мы не сможем за полчаса обучиться на врача, тут нужен опыт.

И снова началось:

Нефиг было ей туда лезть! Сама виновата! И что, теперь бросим её подыхать? А сама-то, не дура разве? На себя посмотри! Заткнись! Да вы задолбали!

– Стоп! А ну молчать всем! Ещё раз услышу, кто рот открыл не по делу, в нокаут отправлю. Ясно? – Зои прищурилась, и девчонки замолкли. Кто-то хлопнул носом.

– Говорит только та, которой есть что сказать. Повторяю

вопрос. Есть тут кто-нибудь, кто владеет хотя бы начальными медицинскими знаниями?

Молчание.

– Совсем никого? – ужаснулась Зои. Она стала ощупывать взглядом лица, остановилась на Оленьке. – А ты? У тебя же есть информация?

– Какая-то есть, но я никогда не налегала на медицину. Разве что случайные обрывки, – призналась та.

– И что нам делать? – громко спросила Зои. – Стоять! Говорит только та, у кого есть идеи!

– Нам нужно принести Дайну сюда, – подала голос Снежная Дева. – И на месте осмотреть, насколько всё плохо. Может, ничего страшного?

– Ничего страшного? Да у неё нога пополам сложилась! Тут даже смотреть нечего!

– Всё равно, нужно перенести. Не дело оставлять её там одну! – Снежная Дева вскинула голову. Давно уже она не выглядела такой красивой. Только раньше это была красота, наведённая профессионалами, а сейчас в ней сияла красота внутренняя.

Потрясно, невпопад подумала Кира. Будто на самом деле светится... Может, в глаза что-то попало?

– И как? Как её перенести и как посмотреть, если она орёт, стоит только подойти? Кто-нибудь сможет проигнорировать эти вопли? Помочь мне? – Зои огляделась. – Взять и тащить, и пофигу, что орёт? Ну?

Единственное, что Кира поняла из всего этого разговора – что Дайна сейчас лежит там же, где упала, и что она кричит, поэтому все сбежали сюда.

– Да как её тащить, если оглохнуть можно? – Назира вдруг всхлипнула, вытерла рукой нос. – Я не могу.

Одна зарыдала, за ней следом остальные. У Вафли дрожали губы. Ксения вообще потупилась и пряталась за спинами прочих.

– Может, её нельзя тащить! – крикнул кто – то. – От этого только хуже будет!

Кира молчала. Она ещё не пришла в себя и не была уверена, что сможет нести кого-то, кто орёт благим матом. Смотреть на чьи-то мучения вблизи.

– Так что? Бросим там и сделаем вид, будто ничего не произошло? – зло ухмыльнулась Зои.

Наверное, некоторым так и хотелось поступить. Рыдания стали громче.

Придётся мне, подумала Кира. Так не хотелось! Но почему-то больше никто не спешил бросаться на помощь своей сокурснице. Все ждали, пока это сделает кто-то другой.

– Ой, ладно, я помогу! – недовольным тоном сказала Алмазные Глазки. – Устроили тут трагедию! Сама виновата, нечего было по краю обрыва скакать. Пошли?

Это уже вопрос к Зои.

Та молча развернулась и отправилась куда-то в сторону, вдоль ручья. Алмазные Глазки за ней. Кира, немного по-

медлив, тоже. И Снежная Дева, вздохнув, присоединилась. Остальные остались у очага.

Они шли молча – видимо, поэтому вскоре Кира услышала крики. Волосы у неё на голове естественно зашевелились. Она так не пугалась, даже когда те двое придурков в лужах повели себя агрессивно. Даже тогда!

– Что с ней? – наконец, смогла спросить Кира.

– Мы не знаем, – тихо сказала Снежная Дева. – Ушибы, конечно, ещё голову разбила – смотреть страшно. Хотя крови вроде немного, и Зои говорит, что череп целый. Но хуже всего нога – угол сгиба неестественный. Если это перелом...

– Тогда всё хреново, – мрачно закончила за неё Зои. – Перелом мы залечить не сможем. Хотя чего там... мы ничего не сможем залечить.

Хуже момента не придумаешь. Когда идёшь туда, где, словно смертельно раненный зверь, кричит человек, и не знаешь, можно ли его спасти. Это настоящий кошмар. Не выдуманный. Натуральный. От него пересыхает в горле и всё кажется каким-то мелким и неважным. Кроме жизни.

Они обогнули холм, и у частично сломанных зарослей коралла нашли Дайну. Она лежала в траве – видимо, отползла от места, куда упала, и истерически всхлипывала. Волосы на голове справа были в крови, на траве остался кровавый след.

Вся эта картина словно вышла из фильма ужасов. Из того, где несчастная жертва медленно умирает в муках.

Кира до боли прикусила губу, чтобы прийти в себя. Не

время паниковать.

Снежная Дева быстро села у головы Дайны и сказала:

– Тихо, тихо... Мы пришли помочь. Постарайся успокоиться.

Но Дайна вместо этого принялась вопить с новыми силами. И извиваться, как припадочная. Вначале Кира даже отступила на пару шагов, но Зои зло вскинула на неё глаза и подошла к ногам Дайны. Одна из них в районе щиколотки действительно была согнута вбок. Смотреть без содрогания невозможно.

Но не убегать же, в самом деле?

– Если сможете её удержать, я проверю, вывих это или перелом, – сказала Зои.

Дайна тут же завопила сильнее. И засучила, задёргала руками и неповреждённой ногой. Судя по рваным дырам на костюме и кровавым царапинам на коже, она свалилась именно в коралловые кусты. Наверное, это её и спасло, потому что высота была устрашающей. Кира взглянула вверх. Как она умудрилась упасть? Как решилась подойти так близко к краю?

– Помогите мне! Сделайте что-нибудь! Я тут схохну! Почему вы меня бросили! А-А-А-А-А! Не трогайте! Поможет мне кто-нибудь? Где наши кураторы?

Голова Дайны металась по земле, она царапала траву скрюченными пальцами и вопила на одной ноте так оглушительно, что уши закладывало.

– Тише, – сказала Снежная Дева. – Потерпи немного, мы посмотрим, что можно сделать! Не мешай, пожалуйста! Дай нам посмотреть.

Но уговоры не возымели действия. Дайна вопила и извивалась, и хотелось просто бросить её и сбежать. Если сбежать подальше – туда, где не слышно воплей, и забыть о случившемся, просто не думать, то неважно, что с Дайной будет дальше. Нужно просто не думать.

Кира поморщилась от очередного пронзительного крика. В общем, больная не выглядела страдающей и покорной, постепенно и добровольно затихающей в объятьях милосердной смерти. Наоборот, она кричала, и требовала, и материлась. О такой не расскажешь потом душещипательную историю со светлыми слезами на глазах.

Но это, конечно, не меняло того факта, что ей нужна была помощь.

Зои встала, посмотрела на остальных.

– Что будем делать? Она не дастся.

– Я буду держать, если надо, мне по фигу – пусть орёт, – заявила Алмазные Глазки. Она действительно выглядела спокойной. Недовольной, конечно: вопли – дело неприятное, но сердце у неё явно на части не рвалось, как у Киры.

– Ты одна не удержишь.

Зои требовательно перевела взгляд на Снежную Деву.

Та печально покачала головой. Зои уставилась на Киру. Та даже сглотнула, посмотрела под ноги, на Дайну и нехотя

выдавила:

– Я могу попробовать.

– Или так, или будем ждать, пока она устанет и даст себя осмотреть. Но у неё истерика, и не известно, когда это случится. Кстати!

Зою наклонилась и резво заехала Дайне пощёчину. У той даже зубы клацнули. В ответ она на миг замерла, а потом зарычала и стала плевать в Зою. Та отпрянула.

– Не помогло. Жаль. Ну, значит, придётся держать.

Алмазные Глазки щепетильно осмотрела землю, отбросила ногой мелкие камни и ветки. А Кира... кое-что вспомнила.

– Стойте!

Снежная Дева тут же взглянула на неё, словно на мессию, сошедшего на землю с небес. В её голубых глазах мерцала такая отчаянная надежда, что на миг Кира испугалась – вдруг не получится? Но что уж там...

– Помните, Шпрота жабо-суслики покусали? И он словно обдолбанный ходил? Может, попробуем с Дайной?

– Что попробуем? – деловито спросила Зою. – Выловить полсотни жабо-сусликов и выдавить на Дайну их слюни?

– Типа того.

– Ты серьёзно?

– Да! – Кира быстро вытерла ладони об штаны. – Не тех жабо-сусликов, что бегают поверху. Это подростки. Но есть взрослые особи, которые сидят в земле. Может, их слюна со-

держит больше этих веществ.

– В земле?

Кира быстро рассказала о том, что видела недавно за камнями.

– Да. Анита тоже что-то такое говорила, про взрослых жабиков! – Воскликнула Снежная Дева. – Логично, что у взрослых больше седативных веществ в слюне!

– Или совсем нет. Вдруг это защитный механизм подростков? – вздохнула Кира. – А потом он отмирает за ненужностью.

– И всё же это хорошая идея! Давайте попробуем?

Зои молча окинула взглядом Дайну. Конечно, выбор был невелик. Не по голове же её бить? Можно не рассчитывать.

– Я знаю место, где вылезают взрослые особи. Нам нужна сетка... сачок, – теперь Кира уставилась на Снежную Деву, видимо, с такой же надеждой, как та чуть раньше. – У тебя же есть что-нибудь?

– Да, конечно! Тот сачок, что я для тебя делала. Он целый!

Кира тогда назад его принесла, не стала выбрасывать – всё же Снежная Дева старалась, да и мало ли для чего тот мог пригодиться. Вот и пригодился!

Они вдвоём побежали за сачком и потом к камням, за которыми Кира видела взрослых особей. Зои отгоняла остальных девчонок, потому что для охоты нужна была тишина. А вот Алмазные Глазки оставили с Дайной, потому что только она не реагировала на вопли и не тряслась от ужаса.

Надо же... Выходит, даже такая самовлюбленная эгоистка может пригодиться для общего дела, лихорадочно думала Кира, подкрадываясь с сачком к камням и заползая на него. Вздохнула с облегчением – подростки на месте, клубятся, как обычно. Значит, их кормят.

Кира опустила над ними сачок, и те прыснули в стороны. Провела пару раз над землёй, чтобы приноровиться и понять, как двигать рукой. И застыла, пока жабо-суслики не разбежались.

Придётся ждать в такой позе. Взрослые вылезают в любой точке на площадке, и нужно, чтобы вылезли прямо перед сачком, иначе Кира не успеет накрыть и дёрнуть, чтобы оттащить зверька от безопасной норы. Расчёт был на то, что жабо-суслик запутается в сетке и не успеет вырваться. Если действовать быстро. То же самое, по сути, что и на рыбалке, только вместо копия сачок.

Кира лежала на камнях, скрючившись, и ждала.

Мелькнула мысль, что если охота будет удачной, то на неё побегут мстить не подростки... взрослые особи. Неизвестно, чем это может закончиться. Вдруг там передозировка?

Тьфу, опять нашла о чём! Главное, поймать. И... смешаться с толпой девчонок, затеряться среди них. На всякий случай.

Кира задержала дыхание. Подростки осторожничали, старались не лезть под сачок, но вдруг завертелись, собрались чуть левее. Точно! Именно там вылезла взрослая особь. Под-

ростки тут же схватили и сожрали червя, а взрослый жабо-суслик замер. И Кира замерла. Этот был далеко, она точно не успеет. Нужно, чтобы вылез под самым сачком. Но если этого спугнуть... То он предупредит остальных. Может быть. Они же как-то общаются, рассказывают об опасности. И на Шпрота, как-то договорившись, напали. В общем, стоит спугнуть одного – и тогда всё, тогда жабо-суслики могут совсем уйти, переменить место кормления.

Поэтому Кира не дышала. Жабо-суслик через несколько секунд отмер и пропал, зарыл за собой дыру в земле.

Ещё три его последователя вылезали слишком далеко. А вот четвёртый прямо под сеткой. Рука к тому времени почти онемела.

Кира не стала ждать, пока налетят подростки, сразу стукнула сачком о землю и дёрнула в сторону. Из-под сачка прыснуло двое подростков, но взрослая особь запуталась лапами в сетке и застряла. Бинго!

Кира резво вскочила, перевернула сачок, в котором уже вырывался на свободу жабо-суслик. Снежная Дева, которая всё это время тихонько сидела рядом, быстро накрыла сачок крышкой из листьев – они делали такие для котла и чашек. Так они добежали до девчонок и смешались с ними.

Но взрослые особи не спешили мстить. Они словно не заметили исчезновения одного из своих. А может, кормить потомство было важнее.

Нужно было что-то делать. Перчаток ни у кого не было.

Зои сняла куртку и намотала ткань на руку, придавила жабо-суслика, чтобы не дёргался. Хорошо, что тот почти не пищал – скорее, порывкивал. Так они и отправились к Дайне. Кира, которая держала сачок, рядом Снежная Дева, которая держала крышку над сачком, а с другой стороны Зои, которая держала жабо-суслика. В другой ситуации помереть можно было бы со смеху!

Однако смешно никому не было.

Дайна, увидев их, снова заорала и завозилась. Алмазные Глазки, сложив руки на груди и постукивая ногой, при виде процессии закатила глаза.

– Давайте быстрее! Эта дура два раза пыталась встать и идти!

– Отойди! – крикнула Зои. – Нет! Наоборот! Навались на неё и держи её руки и верхнюю часть туловища! На живот ей ложись!

Алмазные Глазки упала прямо на Дайну и завернула ей руку в настоящем болевом приёме. Кажется, с большим удовольствием.

– Как ты достала меня ором! – крикнула Алмазные Глазки. – Заткнись уже!

Сделать бы замечание, но было не до того. Кира поднесла сачок и опустила его над повреждённой ногой Дайны. Зои сжала зверька и притиснула его пастью к голой лодыжке. Тот грозно запищал, а потом стал бросаться на кожу и кусать сквозь сетку. У этого, кажется, были небольшие зубки. Ко-

жу он не смог прокусить, но царапин оставил и облизывал знатно.

– Что дальше? – через некоторое время спросила Снежная Дева.

– Будем ждать, – Зои отпустила животное. – Пока не выпускайте его, вдруг ещё понадобится.

Но Кира не успела отвести сачок в сторону, как Дайна замерла. Её глаза затуманились, рот приоткрылся, а сама она расслабилась и размякла.

– Охреть! – прошептала Зои. Тут же бросила сачок – зверёк снова стал биться, но Снежная Дева была начеку и сразу накрыла сачок крышкой. Зои присела и быстро ощупала лодыжку Дайны. Та даже не шелохнулась.

– Это вывих.

– Откуда ты знаешь?

– Да точно, вывих. Как раз в месте сустава. У меня были пару раз вывихи. Там, и правда, боль адская. Тем более, когда сустав вправляют. Ей повезло.

– Ты можешь вправить? – сглотнув, спросила Снежная Дева.

– Не знаю. Но попробовать придётся.

– Но как, если ты не умеешь? – фыркнула Алмазные Глазки.

– Хочешь попробовать сама?!

– Нет, я точно не буду, – быстро отвела взгляд та.

– Тогда заткнись.

Зою, несмотря на бодрый тон, побледнела. Вздохнула, размяла руки и плечи. Потом обхватила ступню и щиколотку Дайны и резко дёрнула. Дайна пискнула, но не пошевелилась. А на лице Зою показались бисеринки пота.

– Не вышло, – хрипло прошептала она.

– Пробуй ещё, – Кира старалась говорить ровно и уверенно. – Неизвестно, сколько слизь жабо-сусликов будет действовать. Тем более, ты знаешь, что вывих можно вправить. Давай!

Зою на миг закрыла глаза, качнула головой, а потом наклонилась и ещё раз дёрнула щиколотку Дайны, на этот раз под другим углом. Раздался щелчок. Дайна дёрнулась, выгнулась и осела на землю.

– Ты просто бомба, – прошептала Снежная Дева и взглянула на Зою глазами, полными слёз.

Это была победа. Кирины руки ослабли, сачок упал на землю, жабо-суслик юркнул и пропал в траве.

– Спасибо, – то ли ему, то ли Зою сказала Снежная Дева, села на землю, обхватила голову руками и заплакала.

* * *

Дайну перенесли к очагу и уложили там на ветки. Она хихикала и мотала головой, иногда вскрикивала, но, в принципе, никому не мешала. Зою успела наложить ей на ногу шину – примотала две деревяшки к щиколотке верёвками, что-

бы не тревожить сустав при движении. Конечно, хватило бы тугой повязки, но эластичного бинта в наличии не имелось. Как и любого другого. Пришлось пользоваться тем, что было.

Вроде бы обошлось. Но лагерь гудел, как взбудораженный улей. Вслух никто ничего говорил, но тревожный въедливый шёпот множился, забивая голову. Кира держалась из последних сил.

Кое-как приготовили похлёбку. В этот раз и корней было мало, и огонь дважды утихал, а чтобы не погас, закладывали слишком много дров – в общем, еда подгорела и вышла невкусной, с запахом гари. Но, конечно, даже такую всю до последней крошки съели, только Дайне порцию оставили. Она очнулась, когда все более-менее успокоились, села, вытянув ногу и мрачно посмотрела на остальных.

А потом сказала:

– Что? Обрадовались уже, что я сдохну, да?

Девчонки оторопели. Зои вскинулась.

– Ты что несёшь? От наркоза ещё не отошла?

– Думаете, я не знаю, что вы сговорились? Хотите меня убить? – бубнила Дайна, вращая глазами. С окровавленной головой и вся исцарапанная, она выглядела совершенно безумной.

Если раньше Кира подозревала, что Дайна не в себе, то сейчас в этом убедилась. У Дайны был такой тон, что ледяные пальцы страха поползли вдоль вен и вцепились в сердце.

– Что-то произошло? Ты плохо себя чувствуешь? – мягко спросила Снежная Дева.

– А ты! Нечего тут строить из себя святую Терезу! Ты тоже хочешь, чтобы я умерла. Хочешь отомстить, да? Твой папаша предлагал тебя моему старшему братцу-извращенцу, пока не узнал, что тот не может стать главой корпорации. Предлагал как эскортницу или как жену... Как братцу захочется.

Снежная Дева вмиг побледнела, словно выцвела.

– Заткнулась бы ты, – глухо сказала Зои. – И спасибо сказала, что мы тебя не бросили там, где нашли. Ты чего взъелась вообще?

– А ты? – всклокоченная голова Дайны, как болванчик, повернулась и нашла новую жертву. – Как насчёт твоих грязных секретиков? Не хочешь рассказать, что Огонь передал? – Дайна прищурилась и презрительно улыбнулась: – Я слышала ваш разговор. Ты убежала и шепталась там, и понятное дело, он сказал что-то плохое. Ты чуть волосы на голове рвать не бросилась. Но нам ничего не рассказала! Ну?

Зои затравленно оглянулась по сторонам и сглотнула слюну. И промолчала.

– Говори! Что сказал Огонь? Пожалуйста! Что-то случилось? Как они? – тут же загомонили девчонки. Кира молча и просительно смотрела на Зои. Та нервно поправила воротник куртки.

– Это личное. Разговор был личным.

– Ты врешь! – зашипела Дайна. – Думаешь, мы совсем

тупые? Сама себя тут начальницей назначила и решаешь, что нам следует знать, а что нет?

– Ну, уж точно не тебе решать.

– Зои, если ты что-то знаешь, лучше расскажи, – попросила Снежная Дева. На неё Зои ругаться не смогла, опустила глаза, неуверенно сказала:

– Я молчала, чтобы не расстраивать. Всё равно мы ничего не можем сделать.

– Но теперь нужно рассказать! Теперь мы просто обязаны знать!

Кира тоже так думала. Придётся рассказывать, иначе каждая озвучит свой самый сильный страх, а после это всё смешается и рванёт.

– Ладно, – сказала Зои. – Слушайте, раз хотите. Ахлейн закончил анализ окружающей среды. Тут, на этой планете, нет двух микроэлементов, которые необходимы человеку для нормального функционирования.

– Ну и что! Это же не смертельно! – крикнул кто-то. – Просто будет чуть хуже здоровье!

– Это не всё. В воздух периодически попадает некий газ. Неизвестно откуда, неизвестно как распространяется. Но проникает везде. Этот газ ядовитый. Пока действует марка Дольцера, дышать безопасно. Но когда она перестанет действовать, а до этого момента времени осталось немного, яд начнёт скапливаться в организме. И если его не чистить (а нам нечем чистить), то через несколько месяцев мы умрём.

Максимум, год-полтора. Конечно, есть шанс найти что-то, что очистит нашу кровь... Но это только шанс. Мизерный. Всё.

Вначале было тихо.

– Нет!! – вдруг раздался вопль. Это Пустота стояла, изогнувшись, как от чудовищной боли и странно вывернув руки запястьями вперёд. Её поза была такой отчаянной, что у Киры тут же защемило сердце. – Нет!!!

– Мне жаль, – просто сказала Зои, пряча глаза.

Пустота сорвалась с места и куда-то побежала. За её спиной сомкнулись кусты, и на поляне воцарилась мёртвая тишина.

Кира вскочила и пошла за ней, чтобы не думать об услышанном. Она поняла, что сказала Зои, прекрасно поняла, что это значит, но когда вместо всего этого подумала о том, что нужно бы догнать Пустоту и убедиться, что та в порядке, – стало легче. Словно остальное на время отодвинулось в сторону, и пока насчёт него можно было не волноваться.

По пути Кира подхватила свой рюкзак – там нож, пусть будет с ней.

Девчонки остались на полянке. В ближайшее время к очагу лучше не возвращаться. Там образовалось настоящее место скорби, такое мрачное, что всю жизнь из тебя высосет.

Кира пошла вдоль ручья, раздвигая кусты. Здесь места были нехоженными, поэтому и Пустота забралась не так далеко, как могла бы. Всего метров двести в дебри. Её было

видно издалека. Она стояла на коленях, оперевшись руками о землю, и подвывала.

– Василиса, – тихо позвала Кира. Не получила ответа. Подошла ближе, осторожно села рядом на корточки. – Ты расстроилась. Это очень... плохо, я понимаю. Все мы расстроились. Но мы продержимся, всё будет хор...

– Ты ничего не понимаешь! – истошно крикнула та. Опустила голову, стала болтать ею из стороны в сторону и рыдать. – Ничего не понимаешь! Не понимаешь. Вы все не понимаете.

– Я всё понимаю. Мы все вместе тут оказались. Все в одинаковом положении. Мы...

– Нет! – Пустота вскинула голову. Её лицо исказилось такой мукой, что Кира отшатнулась. – Я беременна!

– Что? – невольно воскликнула Кира и чуть не упала на попу.

– Беременна! Думаешь, я за себя трясусь? Думаешь, мне так уж важно, сколько будет действовать эта марка? Когда за нами прилетят? Важно, что тут сам воздух нас отравит? Я не за себя боюсь! Сейчас первый триместр, все самые важные жизненные органы ребёнка закладываются. Не хватит какого-то элемента – ребёнок родится больным. Или вовсе не родится. Думаешь, я за себя боюсь? – Пустота выглядела злой, скалила зубы и совсем не походила на ту жалкую истеричку, которой все её считали. – Я его уже убила! – она на миг замерла, лицо разгладилось, крупные слёзы потекли по

щекам. – Уже убила этого ребёнка! Чего ему не хватит? Что у него не сформируется? Мозг? Сердце? Кишечник? Или сформируется неправильно? Он сможет жить... сможет жить так? Или умрёт в муках на моих глазах? А я буду просто смотреть и жалко лепетать, что не справилась. Не смогла!

Она снова замолчала, опустила голову, а потом просто распласталась на земле, обхватила руками голову и тонко захныкала. Злость ушла, теперь это было просто беспросветное отчаяние. Скорбь. Горе.

Страшней, чем Дайна, когда она лежала в окровавленной траве с вывернутой ногой.

Это стало последней каплей.

И Кира не выдержала. Всё же не железная. Она схватила рюкзак, и, спотыкаясь, побежала прочь. Прочь отсюда, подальше от лагеря! Она не хотела ничего знать, не хотела ни о чём думать, не хотела ничего бояться. Хватит с неё! Хватит всего этого!

Но мысли упорно лезли в голову, словно бежали следом и догоняли. И ещё – перед глазами то и дело вставало лицо Василисы, когда та призналась в своей беременности. Кира ни разу не пыталась понять, отчего та такая нервная. Изначально считала – впрочем, как и все остальные, – что Пустота слишком глупая, слишком ограниченная и балованная, что она неспособна понять ситуацию и терпеть.

А она всё это время просто боялась за ребёнка.

Кира летела над камнями, лёгкая и быстрая, словно лань.

Она пыталась убежать от всего этого. Так глупо! Будто, сбежав из лагеря, можно оставить за спиной все беды и горести. Будто сбежала – и ничего нет.

Она остановилась только на берегу Изумрудных Луж. Она почти задыхалась, но не могла остановиться. Быстро огляделась. Такой тихий, мирный пейзаж! Очаровательный. Экзотичный.

И каждая частичка всей этой красоты её медленно убивает. Всех их.

Кира отвернулась и побежала по берегу. В голову пришла назойливая мысль, что девчонки станут её искать, и конечно, придут сюда. А она не хочет их видеть. Никого, никого не хочет видеть. Потому что каждый человек в лагере, как выяснилось, прячет секрет. И этих секретов стало слишком много, чтобы Кира могла их вынести.

Это... это словно болезнь, которой нужно переболеть в одиночестве. Потом она будет сильной. Будет помогать Зои, помогать Василисе, искать выход. Сделает, что сможет.

Потом.

Сейчас она просто бежала по берегу, а устав – упала в камыши. Забилась там, как хотелось не раз ранее, в самую гущу, свернувшись клубком.

И зарыдала.

Наверное, это было самое лёгкое – рыдать. Сбежать, забыть, не думать. В другое время Кира саму себя за такое поведение презирала бы, но не сейчас. Слёзы лились – горячие,

солёные, а она всё сильнее забивалась в камыши, будто хотела обмотаться ими, как в кокон.

Просто срыв. Бывает. Бывает. И пройдёт. Когда-нибудь. Просто нужно, чтобы эта дикая тяжесть, которая не даёт вдохнуть, немного ослабла. Хоть на миг. Ну, пожалуйста, пожалуйста! Хоть на миг!

Сколько времени она там пролежала, неизвестно. Конечно, успокоилась со временем, но стоило невольно вспомнить, подумать... и горло перехватывало, и слёзы начинали литься заново.

И даже закрадывалась непрошенная мысль, что пусть бы это всё закончилось. Быстро. Если быстро, то не страшно. Просто тебя не станет. Как щелчок. Свет. И тьма.

Если быстро.

– Кира?

Глава 9. Чужой лагерь

Голос, который донёлся до её ушей, вначале показался просто обманом слуха.

– Кира! Что с тобой?

Она еле разлепила опухшие глаза. Это был Никита. Стоял рядом, смотрел сверху вниз, и его лицо становилось всё более серьёзным, словно обрастало коркой льда.

Откуда он тут взялся? Ну да, она бежала по берегу... прыгнула в камыши, но вряд ли могла пробежать столько, чтобы добраться до лагеря Саблезуба. Разве она бежала в ту сторону?

А какая разница?

Никита тем временем отбросил копьё и рюкзак, упал рядом на колени, отогнул весь камыш и стал её трогать. Вернее, Кире так показалось. Он провёл по рукам и ногам, по спине и по животу, ощупал голову и схватил за подбородок, всматриваясь в лицо.

Так странно. Единственные прикосновения за много месяцев. Ну, кроме той недавней ночи. Совсем не ласковые прикосновения. Но хочется ещё.

– Ты в порядке? – Никита, наконец, убрал руки. – Ран нет. Где твоё копьё?

– Какая разница? – Кира тут же свернулась обратно в клубок и закрыла глаза. – Это неважно.

– Что произошло?

Так спокойно спросил, тепло даже. Будто может что-то решить и наладить. Или хотя бы успокоить.

– Ничего.

– Я не уйду, пока не узнаю.

Да, Кира знала. Никита не бросит её. Но при этом отдаст кому угодно. Как вообще возможно совместить эти два знания?

С другой стороны, какая теперь разница?

– Ничего. Просто мы все сдохнем здесь.

Он молча ждал продолжения. Кира всхлипнула.

– Ахлейн сделал анализ окружающей среды. Местный воздух ядовит, он убьёт нас примерно за год. Огонь возвращается в лагерь. Они ничего не нашли. А до того, как убьёт воздух... Скоро перестанет действовать марка Дольцера. Девчонки и пацаны в одном лагере... Природу не обманешь. Да ещё когда скоро смерть – значит, нужно жить на полную катушку. Значит, через месяц у нас будет половина беременных. Они сдохнут ещё раньше, при родах. Как это будет? Мы будем надеяться на лучшее, следить за схватками издали, а потом, если вдруг выжили, перерезать пуповину самодельным ножом и заворачивать младенцев в обивку сидений? Не-е-ет. Мы сдохнем, все сдохнем здесь, но перед этим будем мучиться. И мучить младенцев. Вот что с нами произойдёт.

Она снова всхлипнула. Всё так глупо! Так нелепо...

– Ты беременна?

Его голос лишь на миг дрогнул. Но это её доконало! Что называется – вспомни всё.

Кира вскочила, вернее, уселась, опираясь руками в землю.

– А что, если так? – крикнула ему прямо в лицо.

Он опустил глаза, однако ничуть не отпрянул. Злоба так же мгновенно растаяла, Кира улеглась обратно.

– А что, если не я? – пробормотала, пряча руки под мышки и снова сворачиваясь в комок. – Конечно, куда проще смотреть, как мучится или умирает кто-то другой. Ещё не рождённые, но уже обречённые дети...

Она, наконец, замолчала. После длительного периода слёз всегда так бывает. Говорят. Раньше Кира не рыдала так долго и отчаянно. Словно в последний раз. Да, вот так она и ощущала себя – будто текут последние минуты её жизни. Уставилась широко открытыми глазами на травинку – стебель цветка хаки слегка покачивался и дрожал. Просто лежала и смотрела, и даже её дыхание, казалось, становилось тише. Вскоре и вовсе замрёт.

– Вставай.

Вначале Кира пыталась игнорировать этот голос. Легко! Позудит-позудит и уймётся. И всё было бы хорошо, но потом Никита стал трясти её за плечо.

– Кира, вставай! Нам нужно уходить. Наступает ночь.

Знакомое слово... Тревожное. Слово, которое связано в памяти с какой-то опасностью. С чем-то ужасным!

Ночь.

Кира оттолкнула его руку и снова села. Посмотрела вверх.

Небо темнело. Внутри что-то щёлкнуло, как раньше, что-то требовало вскочить и действовать, спасти себя, но... Какой смысл?

Кира опустила голову.

– И пусть.

– Пойдём, – Никита схватил её за руку, заставил подняться. – К себе ты не успеешь. Я отведу тебя к себе.

– В ваш лагерь? – она смогла придать своему взгляду такой вид, будто смотрит на идиота. – Я похожа на дуру? Да я лучше тут в кустах буду сидеть и ждать, пока личинка по мне проползёт, чем пойду в ваш лагерь.

– Не в лагерь. Я отведу тебя в безопасное место, – он взял её за плечи. – Ты готова?

Кира вывернулась, отбросила прочь его руки.

– Нет. Никуда я с тобой не пойду. Проваливай.

– Кира, – он снова схватил её за плечи и встряхнул. Голова Киры вяло дёрнулась, зубы стукнули и занули. – Там безопасно. Пожалуйста. Поверь мне!

– Не хочу.

Кира плавно стекла обратно на землю.

Зачем ей с ним идти? Кира не понимала. Он ей никто, никто! Пусть проваливает. Да, его руки большие и тёплые, он помогал и заботился, но... это всё обман. Мираж. Фантазия.

– Ладно. Значит, будем сидеть здесь.

Никита примял камыш и уселся рядом. Помедлил пару секунд и улёгся на спину, сунул руки под голову.

– Давно хотел посмотреть на небо во время заката. И всё как-то времени не хватало. Оно красивое. Тут нет туч, как на Земле, ты заметила? Одни разводы, как краской по воде.

Кира сидела, уткнувшись в колени лицом, и покачивалась из стороны в сторону. Старалась не слушать.

Что там, у девчонок в лагере? Там хаос. Её исчезновения, возможно, даже не заметят, а если и заметят, будет не до того, чтобы её искать. Зря она сглупила и так далеко сбежала.

Как там Пустота? Кира вспомнила тот момент, когда Пустота впервые увидела улов и как истошно она кричала: «Мне! Дайте рыбу мне»!

И снова всхлипнула, сжала виски руками изо всех сил.

– Кира.

Вначале хотелось крикнуть, чтобы он отстал, чтобы не смел с ней разговаривать! Пусть радуется, что ему хотя бы позволяют сидеть рядом! Пусть и потому, что у Киры не было сил бегать, иначе бы она снова ушла.

– Я хочу... мне нужно кое-что тебе рассказать. Очень важное. Но вначале мне придется кое в чём признаться. И это непросто. Я не знаю, как сделать, чтобы ты меня не возненавидела.

– Нашёл время разговаривать по душам! Какая теперь разница?

– Я могу помочь.

– Толку мне от твоих слов?

– Я могу помочь спасти всех, кого тебе захочется.

Кира застыла, а после медленно отняла руки от лица и повернулась к Никите. Уж слишком сильно она привыкла ему верить. По правде говоря, он ни разу не обманул, верно?

– Что ты сказал?

– Я могу помочь.

– Как?

Кира почувствовала прилив сил. Словно акула, почуявшая кровь, она готова была плыть куда угодно и крепко хватать зубами что угодно, только бы утолить жгучий голод.

– Я всё расскажу. Но у меня маленькая просьба. Пожалуйста, когда ты всё узнаешь, постарайся не злиться. И хотя бы чуть-чуть меня понять. Не простить, бог с ним, но понять. Обещаешь?

– Обещаю, – моментально ответила Кира, не отводя от Никиты пристального взгляда. Она могла пообещать что угодно и кому угодно, сейчас это слово для неё ничего не значило. Видимо, это было легко понять, потому что он вздохнул, но заговорил.

– Помни о своём обещании. Так вот, я видел карту этой планеты и примерно знаю расположение двух баз. Мы подумаем с тобой, до какой проще добраться, и найдём её. Там наверняка будет медицинский комплекс и средства от яда. И транспорт. Ребёнок, чей бы он ни был, родится в безопасности.

Кире казалось, её глаза стали размером с чашку. Снова выступили слёзы, но на этот раз другие, светлые и лёгкие. Они тут же растворились без следа.

Наконец, Кира переварила и поняла всё.

– Ты видел карту планеты?

– Да.

– Когда?

– Когда вводил данные.

– Ты знаешь название этой планеты?

– Нет. Мне была дана команда ввести данные какой-нибудь отдалённой планеты. Я открыл справочник и ввёл. Первую попавшуюся. И краем глаза видел её карту.

– Краем глаза? Тогда откуда ты знаешь, что найдёшь базы?

– Там был очень приметный ориентир – то, что ты называешь Изумрудные Лужи. Они огромные, действительно огромные, как наши земные океаны. А теперь нам нужно встать и идти в безопасное место, потому что, если с нами что-нибудь здесь сейчас случится, базы никто не найдёт. Никто не поможет твоей подружке.

Переход был плавным и отвлек Киру. Она послушно встала. Он быстро накинул рюкзак и взял копьё.

– Иди за мной.

Они выбрались на берег, и Никита ускорил шаг, а убедившись, что Кира не отстаёт, побежал. Вот и коридор в камышах, который он вытоптал в те времена, когда они вместе ры-

бачили. Довольно длинный, раза в два длиннее, чем со стороны Киры. Два крутых поворота. И резкий подъём наверх.

Холмы, к которым вывели камыши, были высокими и крутыми. Никита замедлился.

– Если будешь отставать, не кричи. Я сам увижу и подожду.

– Ваш лагерь рядом?

– Уже скоро.

– Чёрт! Копьё забыла... где-то. Наверное, в лагере.

– Зачем тебе копьё?

– Сам знаешь зачем!

Сказала грубо и зло.

– Я дам тебе своё. Побежали.

Кира запыхалась, хотя и привыкла много ходить и бегать. Но не в горку. Тем более, они всё время кружили, огибая непроходимые заросли и скалы. Путь был гораздо сложнее, чем в лагерь Киры. Но даже тут была протоптана еле заметная тропинка.

Он очень часто здесь ходил.

Уже стемнело, под ногами было уже ничего не разглядеть. Кира боялась, что они не успеют спрятаться, но и останавливаться было нельзя. Нужно двигаться вперёд.

Вскоре она даже толком не видела, куда шла, и пару раз споткнулась.

– Последний подъём, – раздался тихий голос Никиты. – Тут медленно.

Ну, наконец – то! Кира дышала так часто, словно соби-
рался вдохнуть весь окружающий воздух. Ещё немного.

– Пришли. Садись сюда.

Она почувствовала, как тёплая рука схватила за запястье
и повела чуть в сторону. Отпустила.

– Оставайся тут. Тут безопасно.

– А ты?

– Я в лагерь. Иначе пойдут искать. Может, и нет, конечно,
но рисковать мы не будем. Это место на высоте, отсюда вид-
но часть нашего лагеря. Про него никто не знает, я сам его
случайно нашёл.

– Ты оставишь меня одну?

– Тут безопасно, Кира, – рука мимолетно коснулась её ще-
ки, и Кира отдернула голову. – Ты останешься здесь и будешь
ждать рассвет. Я приду, если смогу. Дай свой кувшин, я при-
несу тебе воды. Копьё оставляю.

Пить хотелось. А воды Кира, конечно же, не набрала. Не
до того было.

Даже смешно – пару часов назад ей было настолько
всё равно, что хоть сдохни – неважно, а теперь хотелось и
пить, и есть. Хотелось выжить. А всё потому, что теперь по-
явилась цель – база.

Никита ушёл, стало совсем тихо.

Надо же, он знал, где база? Пусть даже примерно. И не
сказал. Почему?

Очень подозрительно звучит. Открыл первую попавшую-

юся страницу... Но не на экране, в бумажной книге. Или в журнале – кто его знает, как выглядит справочник планет. Почему именно бумажный? Почему не каталог в сетевой библиотеке? Почему название не посмотрел, зато посмотрел картинку?

И за что он извинялся? За то, что именно он выбрал планету и ввёл координаты? Но это мог быть любой другой исполнитель приказа Саблезуба, верно? Если за то, что случайно выбрал именно эту планету – так случайности на то и случайности, что их невозможно предугадать. Да и не самую плохую планету он выбрал!

Что-то не складывалось. Кира чувствовала – что-то не так.

Но сейчас важнее другое – если он сказал правду, а Кира верила, что это правда, значит, они смогут выкарабкаться. Смогут! Теперь другого выхода нет, только действовать.

Её лихорадило. Хотелось немедленно бежать на поиски базы, но конечно, пока было рано.

Кира аккуратно ощупала руками всё вокруг. Выяснила, что сидит у скалы, среди камней, поросших мхом. Над головой тоже нависает камень. Похоже на какую-то выемку или небольшую пещеру, заросшую зеленью. Похоже, вход только один – тот, откуда они пришли.

Теперь остаётся только ждать, поэтому Кира легла на колючий мох и попыталась отдохнуть. Ей было страшно, как без этого, но страшно как-то отдалённо. Она прислушивалась к звукам, но ничего необычного не слышала, только вда-

леке стрекотали насекомые. Правда, пару раз видела свет. Он мелькал и пропадал. Там, должно быть, лагерь Саблезуба. Близко.

Так или иначе, кое-как Кира дождалась рассвета. Как только стало возможно различить окрестные камни, пришёл Никита. Принёс воду и холодную печёную рыбу. Кира тут же всё съела и выпила.

Тем временем совсем посветлело. Под розовеющим небом слева от места, где пряталась Кира, прорисовывался лагерь Саблезуба – такой, каким описывал его Никита. И правда, вначале казалось, это развалины какого-то огромного дома, от которого остались одни полуразрушенные стены. Кира находилась не так высоко, чтобы увидеть, как далеко они простираются, но первая стена начиналась всего за несколько метров от её убежища под скалой.

– Это моя «комната», – сказал Никита. – Если лечь на край площадки, можно её увидеть.

– У тебя отдельная комната? – удивилась Кира.

– Ну... да. Она просто с краю, где дорожка к лужам. Здесь не очень удобно, остальные сидят в центре. Там горячий источник. Знаешь, такое расслабляющее джакузи, – Никита фыркнул и на миг задумался. – Так вот... Сейчас я соберусь и пойду на рыбалку. Ты убедишься, что я ушёл, и пойдёшь за мной следом.

– Мы идём к базам?

– Нет. Пока нет. Нужно сначала обговорить план и подго-

товиться. Мы уйдём следующим утром.

– Тогда не тяни время.

Никита кивнул и ушёл. Кира плюхнулась на живот и подползла к самому краю площадки. Та резко обрывалась, внизу наискосок Кира увидела часть «комнаты», которая получилась из-за стен, словно специально ограждающих небольшой участок. Дальше виднелись другие стены, то выше, то ниже, все заросшие мхом и вьющимися растениями.

Странное местечко. Кира поморщилась своим мыслям. Тут столько «странного» везде, что слово потеряло свою особенность и яркость. Стало каким-то пустым. Тут саму планету можно было назвать «Странно».

Кира видела только угол «комнаты», там, судя по всему, была кровать – ворох сухой травы. И ещё виднелся край плоского камня – полка или стол. Она даже пару раз услышала шум, будто кто-то шуршит какими-то вещами. Потом шаги, которые утихли в глубине, далёкий крик. Шаги вернулись, снова шуршание.

– Я готов, – донёсся до неё голос Никиты. Шаги ушли в другую сторону – туда, откуда они пришли вчера.

Кира отползла от края, собрала вещи и побежала вниз по склону. Спуск вился вокруг камней, потом ей пришлось ещё угадывать направление в холмах, но у Киры было всё в порядке с ориентированием на местности, так что вскоре она нашла дорогу. И увидела Никиту, который ждал её впереди у кривого куста-коралла.

Быстро подбежала.

– Идём скорей на берег, там поговорим, – сказал он, разворачиваясь.

– Почему скорей? За нами могут увязаться?

– Всё может быть.

Он как-то неосознанно поморщился и потёр скулу пальцами. Ту, на которой была ссадина. Сейчас, кстати, и следов побоев не осталось. А на руке, которую он порезал ножом, виднелась только узкая царапина.

Хорошо заживает, как на собаке.

– Хорошо, веди.

Ставшее обычным «О, лучезарный» Кира не добавила. Это было очень заметно – ей даже показалось, что Никита задержал дыхание, будто неосознанно ждал этого слова. Но после стряхнул с себя ожидание, как нечто лишнее, развернулся и повёл Киру к берегу.

Стоило выйти к Изумрудным Лужам, как она сказала:

– Не могу больше ждать! Расскажи мне, где базы.

Он не стал тянуть. Молча оставил вещи, достал из рюкзака уголёк. Выбрал ровное место на берегу и принялся рисовать. Холм с точкой – катером, треугольные горы на севере, густой лес из косых палочек на юго – востоке. Лужи на востоке. Много луж пунктиром в виде клякс разной формы и размеров. Потом заштриховал три огромные посередине, а между ними поставил жирную точку.

– Тут одна база.

– Тут?

Кира моментально расстроилась. Почувствовала прилив отчаяния. В таком месте... как туда дойти? Это же невозможно! Никита тут же озвучил то, о чём Кира подумала.

– Я не думаю, что мы сможем до неё дойти. Потребуется пройти пешком несколько тысяч километров – придётся кружить в несколько раз дольше, чем было бы по прямой, пока мы будем обходить все эти лужи. Ни пресной воды, ни дров. Малейший шторм – и нас смоеет к чёртовой матери. Даже если сделать плот, лодку, опять та же история – малейший шторм, и мы уже потеряем направление. Там и останемся. Риск очень серьёзный, поэтому я считаю, нужно попытаться найти вторую.

Он провёл от катера линию вниз, нарисовал какие-то кривые иголки.

– Что это?

– Другая база где-то здесь. И тут сложность другая: если местонахождение первой не спутаешь – прямо между трёх главных Мегалуж, то эту найти не так просто. Хотя на карте была нарисована арка из скал, я допускаю, что она совсем невысокая, и найти её будет непросто. Путь лежит на юго-восток, и, судя по карте, там горная местность. Наверняка, базу тоже строили не на открытом месте, а старались спрятать, как и первую. Не знаю, зачем, но найти всё же проще вторую. Я так думаю.

Кира смотрела на рисунок, который появлялся из-под его

руки. Он очертил примерную границу луж и стал наносить острые вершины, разбросанные кое-как. Недалеко от двух острых пиков нарисовал арку. Его руки двигались очень легко, точными, резкими линиями показывая дорогу. И кстати, вопреки обстоятельствам, он стал выглядеть более крепким, чем до приземления. Уже не торчит хребет, скулы не так остро выделяются на лице. Его словно откормили. Или физические нагрузки так сказались?

– Что думаешь?

– А?

Кира быстро отвела глаза и покраснела. Она не забыла тот недавний случай и не скоро забудет, если это вообще произойдёт. От этого при общении между ними чувствовалась некая неловкость. Мягко сказано. Но когда на кону всё, разве такие мелочи имеют значение?

Три центральные лужи так и притягивали взгляд. Да и наперекор хотелось что-нибудь сказать. Просто назло. Взять и сказать, что она думает иначе. Кира на миг зажмурилась и мысленно себя обругала. Вот окажутся в безопасности – и будет делать ему назло что угодно. Но не теперь.

– Я думаю, лучше искать вторую.

– Договорились.

Никита стал горстями черпать воду в ближайшей луже и заливать рисунок. Кира некоторое время следила за его действиями, даже не пытаясь помочь, и вдруг спросила:

– Почему ты позволил парням пойти на север? Ты же знал,

что там пусто, ничего нет. Почему ты не сказал?

– Я сказал, – спокойно ответил Никита. – Я пытался поговорить с Огнём. Но напрямую я сказать не мог, и было слишком мало времени, чтобы донести до него эту информацию так, чтобы он поверил. Для Огня я «шестёрка» Саблезуба – он изначально был настроен в штыки. Когда он услышал про базу, то сразу подумал, что я вру.

Так спокойно сказал «шестёрка Саблезуба», будто в этом ничего такого. Ну да, кто-то король, а кто-то шестёрка, и что такого?

Кира дёрнула головой, отмахиваясь от неприятных мыслей. Это его выбор. Пусть живёт – вернее, существует, как ему угодно.

Другой вопрос, что делать ей. С тем, что она чувствует, когда на него смотрит. Вопреки всему. Вопреки обидам, вопреки случаю, который должен был навсегда развести их по разные берега. Но жизнь снова свела.

– Почему ты не сказал Саблезубу? – спросила Кира, уже не обвиняя, а просто из любопытства. На самом деле, она была рада, что Саблезуб не нашёл базу. Вряд ли он поделился бы найденным с остальными по доброте душевной.

Никита остро взглянул на неё.

– Ты понимаешь, что случилось бы, если бы Саблезуб нашёл базу?

Кира беспечно пожала плечами, но ответила серьёзно:

– Нет, но судя по слухам о нём, могу предположить.

– Саблезубу нельзя давать в руки таких козырей.

Никита залил рисунок водой, стёр остатки подошвой ботинка.

– Какой план? – спросила Кира, смотря на юго-восток. Она ни разу туда не ходила и не знала, что там находится. Даже предположить не могла.

Придется узнать.

– Подожди... А курсанты? Им ты ничего не пытался сказать? – снова сам собой всплыл вопрос.

– Нет. Не думаю, что Лука стал бы меня слушать. Он же нас всех ненавидит. Когда смотрит, у него глаза кровью наливаются. И ещё... где-то на западе тоже есть база.

– Как? Ты же говорил, их две!

– Две, расположение которых я точно помню. Ещё две были на западе, но в лесу, я даже примерно не знаю, куда идти. Так что у курсантов есть все шансы. Они организованы. Они лучше подготовлены. И они не останавливаются. На самом деле, я считаю, что курсанты найдут базу. Вот только что они сделают потом? В другой ситуации я бы просто подождал и посмотрел. Но теперь ждать нельзя.

Кира сидела и смотрела на Никиту снизу вверх. Он выглядел каким-то хмурым и, возможно, даже недовольным.

– Так что мне делать?

– Иди в свой лагерь. Собирай вещи, попрощайся, если очень хочешь, но перед самым уходом. И не говори, куда идёшь.

– Почему не говорить? Мы пойдём вдвоём?

– Да.

– Почему бы не взять кого-то ещё?

– Потому что в тебе я уверен. А в остальных нет. Они будут обузой.

– Ладно, как скажешь. Но вдруг... вдруг мы не вернёмся. Всё же может случиться. Почему не говорить, куда я ушла?

Он как-то дико взглянул и тут же отвернулся.

– Хорошо, ты права. Нарисуй на вашей карте точки, где расположены базы. Возможно, они кому-то пригодятся. Всё лучше, чем искать наобум, как Огонь, или просто сидеть и ничего не делать, как Саблезуб. Только я бы на твоём месте ничего не говорил прямо. Уйдёшь – напишешь сообщение. Или записку оставь. Иначе тебя могут не отпустить.

– Кто?

– Например, Зои.

– Почему?

– Зря ты думаешь, что она мягкая и уступчивая. Нет. Если Зои посчитает, будто ты что-то знаешь, она вытрясет из тебя всё до последней крошки – и правду, и неправду. И её методы тебе могут не понравиться. Вот уж кого не стоит недооценивать.

– Да ладно!

– Ты хоть раз видела её на ринге?

– Нет. Я не фанатка боёв.

– Это её тактика. Убедить противника, что она напугана,

растеряна и слаба. А когда он расслабится – вырубить.

– Я ей не противник, так, на минуточку!

Нашёл о чём предупредить! Ранее они вроде договаривались безо всех этих «психологических портретов», но он опять за старое!

– Всё равно будь осторожна. Не рискуй без надобности.

– ОК, буду. Всё?

Никита вдруг отвернулся, порыскал глазами вдоль горизонта и вздохнул.

– У меня есть условие.

– Что?!

– Я найду эту базу. А взамен ты меня простишь.

Кира от неожиданности даже онемела. Просто стояла, открыв рот, и смотрела на него в упор.

– Мне плохо без тебя. Ты уже пробралась слишком глубоко, – горько усмехнувшись, добавил он.

Да уж, додумался. Шантажировать. В безвыходной ситуации. Не лучший способ получить прощение. Кира могла бы сказать, что уже простила – по сути, так и было. Простила, она не была злопамятной. Только это ничего не меняло. Он ведь не изменился, верно? В следующий раз в такой же сложной ситуации он поступит так же. Так что толку ему от её прощения?

Но Кира поостереглась в этом признаваться. Вдруг что-то в голове Никиты работает не так, как она предполагает? Может ли он передумать насчёт базы и отказаться от поисков?

Не получив согласия, развернуться и уйти? И что тогда? Отправляться на поиски самой? Ждать Огня, который её слова о расположении баз точно так же пропустит мимо ушей, как пропустил услышанные от Никиты?

Кира молчала, потому что не знала, как объяснить очевидное. Она простила его, но это ведь ничего не меняло.

Однако Никита, кажется, понял молчание по-своему.

– Хотя бы попытаешься. Ладно?

– Ладно, – быстро, пока не передумала и себя не выдала, ответила Кира. – Я попробую. Обещаю.

– Спасибо.

Она не выдержала света его радостной улыбки, отвернулась.

– Ты тоже не скажешь в лагере, куда пойдёшь?

– Нет. Я даже не скажу, что собираюсь уйти.

– Ладно. Значит, утром встречаемся здесь?

– Да.

Он всё ещё медлил, не говорил последнего слова.

– Может, стоит набить рыбы? Чтобы никто не заподозрил? – предложила Кира.

Никита посмотрел в сторону своего лагеря.

– Ты как хочешь. А мне нужно идти. Я жду тебя утром. Постарайся взять столько еды, сколько сможешь. Но главное – возьми пару ёмкостей для воды. Отрежь пару пряжек. Найди верёвку. Чем больше у нас будет вещей, которые могут пригодиться, тем больше будет шансов дойти до места.

– Хорошо, – Кира вздохнула. – Но если я буду собираться так основательно, все поймут – что-то не так.

– Сделай, что сможешь. Копьё тебе оставлю для рыбалки, потом брось его тут, в камышах.

– Ладно.

Никита молча накинул рюкзак и, не отрывая глаз от камышей, сказал:

– Всё. Жду утром.

Так быстро ушёл, будто... будто что-то его звало. Или ждало. Даже рыбу не попытался набить.

Кира тоже встала, но уходить не спешила. В голове кипели и бурлили разные мысли.

Он за что-то извиняется. Он что-то скрывает. До сих пор. Да, объяснение про базы звучит очень правдоподобно, и про попытку рассказать Огню, который не послушал, вроде всё правильно. Но что-то тут не сходится.

Она взглянула на солнце. Времени ещё полно.

Почему бы не попробовать узнать? Ведь ей придётся уйти с этим человеком, вдвоём, далеко и надолго, и никакой помощи со стороны не будет. Конечно, Кира не думала, что он маньяк и попытается её обидеть, но он что-то скрывает.

Нужно узнать, что.

Кира встала и пошла за ним следом.

Вначале ещё пыталась придумать, что соврать, если Никита её заметит. А потом решила, что врать незачем. Она верила его словам, но в целом ему не доверяла. Вот в чём дело.

К счастью, Никита ушёл далеко вперёд, и Кира не смогла его догнать. И к лучшему. Уже когда начались холмы, она двигалась медленно, постоянно останавливалась и прислушивалась к звукам. Теперь уже опасаясь не Никиту, а остальных. Но Кире повезло: она не то что никого не встретила, а даже никого не слышала. Видимо, они все бродили по другую сторону от своей стоянки, как девчонки у катера – бродили на восток и не совались на запад.

Кира забралась на площадку у скалы, где ночевала, оставила рюкзак в выемке, подползла к краю и попыталась заглянуть в «комнату». Там никого не было, но рюкзак Никиты валялся на импровизированном столе-камне, а у стены стояло копьё. На полу пылилась груда листьев, которые девчонки использовали как посуду.

Значит, он вернулся в лагерь, просто отошёл. Нужно ждать. Кира переместилась за ближайший пучок травы, спряталась за него, легла на живот и стала ждать.

Она сама не знала, что хочет увидеть и в чём убедиться. Но отчего-то была уверена, что всё делает правильно.

Время шло. Кира задремала, потом проснулась, долго ворочалась с бока на бок. В комнате так никто и не появился.

Пора было что-то решать. Лежать тут сутками она не могла. Нужно было успеть в свой лагерь, чтобы собраться к походу. И она должна ещё раз поесть, иначе будет слабой и злой.

Значит, придется уйти, так ничего и не узнав. Жаль, ко-

нечно, но ничего – любая тайна рано или поздно становится известной. Ещё немного подождёт, так, чтобы совсем проголодаться, и отправится на берег.

И она снова попыталась поспать, но уже не хотелось. Вертелась с живота на спину и обратно, всё отлежала, чуть не оглохла, прислушиваясь к звукам, и вообще устала от безделья.

Кажется, шпионаж – не её призвание.

А потом раздалися шаги.

Никита вошёл в поле зрения Киры. Молча упал на кровать и закрыл рукой глаза.

Похоже, собирается спать. Ну, логично, хочет отдохнуть перед дальней дорогой. Чего и Кире следует сделать. Но нет, вместо этого она играет в шпионку!

Ладно, пусть заснёт, тогда Кира потихоньку уйдёт – хватит уже дурыю маяться.

Она снова опустила голову на траву и закрыла глаза. Лежи, убеждала себя, пока есть время, с завтрашнего утра вы будете столько ходить, что каждая минутка отдыха станет на вес золота.

– Никитос, ты тут?

Вот! Хоть что-то произошло.

– Да.

Кира так осторожно приподняла голову, что от напряжения мышцы чуть не свело. Она даже дышать громко боялась, чтобы себя не выдать.

В комнату вошёл Саблезуб. Помаечил с недовольным видом вдоль стены, то и дело исчезая с глаз.

– Чего хотел? – наконец, спросил Никита, не меняя позы.

– Разговор есть.

– Говори.

Саблезуб издал несколько неразборчивых звуков, что-то среднее между фырканьем и икотой, и заявил:

– Сделай так, чтобы меня уважали!

– Кто?

– В лагере! Меня тут никто не уважает!

– И что?

– И ничего! Мне нужно уважение!

– А мне это зачем?

– Потому что я так сказал!

Никита хмыкнул. Кира с усилием захлопнула рот. Он и правда безумный! О каком уважении речь? Ему три года, что ли?

Саблезуб ещё посопел и зло сказал:

– Если не сделаешь, как я хочу, я всем расскажу правду. О том, что это ты ввёл координаты этой проклятой планетки, на которой мы теперь все гниём.

– И что? Я ввел координаты, которые мне указал мой «хозяин». То есть ты.

– Я скажу всем, что ты сам меня подбил на всю эту шумиху! Ты заставил меня устроить эту заварушку! Провалить этот клятый стресс-тест!

– И кто тебе поверит?

Саблезуб молчал – видно, пытался думать. Кира же словно заледенела. Саблезуб говорил, он говорил... И если в этих словах есть хоть доля правды...

Но как? Что тогда получается? Как это вообще возможно?!

Никита тем временем сел на ворохе сена и покачал головой.

– Кстати, хочу сообщить. Я увольняюсь. Теперь ты сам по себе.

Саблезуб на миг замер, а после сильно занервничал, забегал вдоль стены, как таракан, который ищет выход.

– Что? Ты не можешь уволиться!

– Я только что это сделал.

– Стой! Я пошутил. Это шутка была, я никому не скажу.

– Сало, послушай меня и услышь, – голос Никиты был таким странным, твёрдым и приказным, будто он тут главный. Кира никогда от него такого тона слышала. – Я ухожу.

– В смысле, ты уходишь? Куда?

– Не твоё дело. Но завтра меня здесь не будет, и со своими делами ты будешь разбираться сам.

– Но как? Что мне делать?

– Попробуй не просрать то, что у тебя есть. Вот, в общем-то, и вся задача.

– Ну, уж нет! Не на того напал! Знаешь, что? Если ты посмеешь уйти, я расскажу, что это ты отправил всех нас в Чёр-

ный сектор, – мерзко ухмыляясь, сказал Саблезуб. – Что это из-за тебя мы тут все сдохнем!

– Ответ тот же. Я отправил нас туда, куда ты приказал, – Никита покачал головой и насмешливо добавил: – Ты ничему не учишься.

– Я могу сейчас позвать своих парней, – Саблезуб явно оскорбился, голос осмелел. – Они тебя остановят, никуда ты не уйдёшь. Они тебя, может, и прибьют. Если я прикажу. На цепь посадят. Где и положено сидеть безродной шавке. Кто ты без меня? Пустое место! Я могу сделать с тобой что угодно. Расскажу, что ты рыбу ныкал, в одно рыло жрал, ни с кем не делился. Да просто со скуки тебя им отдам...

Кира испугалась. Действительно испугалась, волосы на голове буквально зашевелились. Саблезуб и его компашка из таких же отморожков могли всё. И что тогда делать? Как помочь Никите?

И почему... тот вовсе не выглядит испуганным? Уму непостижимо! Никита встал, спокойным шагом подошёл к Саблезубу.

– Ты забываешь один факт, Сало. Я успею им рассказать кое-что. Забыл? А я нет. Я им расскажу вот что, – Никита наклонился и что-то прошептал Саблезубу на ухо.

Тот отпрянул и матерно выругался.

– Просто не проси, что имеешь.

Никита, как ни в чём не бывало, вернулся к кровати и упал на неё.

– Но что мне делать? – воскликнул Саблезуб. И теперь его голос растерял былую уверенность, которой был полон всего секунду назад, и стал как у обиженного ребёнка.

– Возвращайтесь к катеру. Веди себя тише воды, ниже травы. Слушайся Зои, на рожон не лезь. Одеядло на себя не тяни. Будь зайчиком-паинькой. Всё.

– А когда ты вернёшься?

– Не знаю. Теперь вали отсюда, Сало, дай отдохнуть.

Кира глазам своим не поверила, когда Саблезуб, обиженно сопя, действительно развернулся и просто ушёл. А Никита, судя по всему, реально собрался спать. После всех этих угроз, после всего этого странного разговора, как гноем сочащегося опасностью, он собирался просто спать! На его месте Кира хватала бы вещи и бежала отсюда прочь, куда глаза глядят.

Впрочем, и на своём месте ей стоило так сделать.

Кира отползла от края площадки, подняла рюкзак и тихо спустилась вниз, осторожно ступая, отошла подальше от лагеря. Побежала к берегу, то и дело останавливаясь.

Прокручивала в голове то, что услышала. Раз за разом, слово за словом.

Никита Саблезубу не слуга. Вот что Кира поняла первым делом. Скорее, кукловод. Так ведь это называется? А Саблезуб, совершенный неадекват – его кукла.

Никита не просто выбрал планету, он выбрал планету в Чёрном секторе. Что это такое? Что значит Чёрный сектор?

Кира не знала. Космос – и исследованный, и неизвестный, обозначался системами и узлами. Про сектора она ни разу не слышала.

Уже выходя на берег Изумрудных Луж, Кира остановилась и глубоко вздохнула.

Она узнала нечто неожиданное, верно. Очень неожиданное.

Это что-то меняло? Нет, конечно, нет! Утром она отправится с Никитой искать базу. Это факт.

Остальное, похоже, придётся отложить на потом.

Вряд ли Кира смогла бы быстро успокоиться, но на берегу её ждали девчонки. Вернее, они пришли рыбачить. Кира увидела издали две фигурки, торчащие у дальней лужи, и пошла к ним. И конечно, пришлось взять себя в руки, чтобы ничем не выдать душевного смятения.

– Привет.

Вафля и Ксения не удивились её появлению. Кира кивнула и встала рядом, молча подняла копьё.

– Ты где была?

– Да так... Нашла лагерь Саблезуба.

– Ого! И как там?

Да уж, сутки назад вряд ли они интересовались бы таким равнодушным тоном. Но сейчас, когда «мы все умрём», на Саблезуба с его дебильными замашками всем плевать.

– Нормально. Я не приближалась.

– Правильно сделала.

И всё.

Минут пятнадцать они действовали молча.

– В лагере всё в порядке? – наконец, спросила Кира.

– Да, – короткое.

– Пустота там как?

– Нормально, – Вафля пожала плечами, явно недоумевая, отчего Кира интересуется именно этой особой.

Больше они не разговаривали, настроение у всех было мрачное. Довольно скоро решили закругляться и возвращаться в лагерь.

По дороге Кира отстала. Сказала, что хочет посидеть, подумать в одиночестве, и ждать её не нужно. Девчонки пожали плечами и ушли. Каждую, по сути, больше волновали собственные тревоги.

Кира подождала, пока они не скрылись с глаз, а после стала бродить по участку земли, который когда-то был перепахан. Место давно заросло, комья земли сравнялись. Когда-то тут было много цветов. Кире это не давало покоя. Она походила по полю, а потом отошла в сторону от тропинки. Прежде она сюда не ходила из-за зарослей кораллов. Но оказалось, они растут не сплошной стеной, между ними вполне можно протиснуться.

Почти сразу, за первыми же, она нашла синие цветы, которые кучковались по несколько штук.

Такого щедрого месторождения Кира давно не встречала. Она стояла, смотрела на цветы и думала. Мысли чужие,

жёсткие и серьёзные. Когда Кира жила с тёткой, то считала, что самое страшное – это когда родной тебе человек смотрит на жизнь иначе и во многом тебя не понимает. Иногда тебя просто не замечает. Что достаточно встретить человека с одинаковым отношением к жизни – и всё станет просто, понятно и благополучно.

Твоя половинка всегда должна быть такой же, как ты сама.

Но возможно, тогда было проще. Знать, что ты не похожа на больного человека (тётку) в силу его болезни, чем сейчас знать, что ты не похожа на здорового (Никиту) в силу особенностей его характера. Которых не оправдать.

Она стояла и думала.

А потом опустилась на колени и стала выкапывать корешки.

Глава 10. Саблезуб

В лагере было тихо. Вроде всё то же самое: ручей, девочки, шелест листвы... но появилось ощущение, будто свет погас. Зои, увидев Киру, только устало кивнула. Пустота, как обычно, болталась вдалеке от остальных, сидела, скорчившись и свесив голову, почти неподвижно.

Правда, большинство девочек вернулись к мантре «скоро за нами прилетят», «вот-вот мы отсюда свалим, так что можно не париться». Может, к лучшему.

Кира занялась подготовкой к походу.

Постирала одежду, уже изрядно потрёпанную. Вымыла голову, попросила Вафлю подрезать отросшие пряди. Их было немного, но всё же они уже лезли в глаза и щекотали шею. Выпросила второй кувшин и плоску средних размеров. Первый кувшин Кира спрятала по дороге и соврала, что разбила. Новую посуду упаковала в траву и сунула в рюкзак. Пока никто не видел, забралась в катер и срезала две пряжки вместе с ремнями. Свернула, так же обложила травой, сложила в рюкзак. Потом пошла искать Снежную Деву.

Любовь сидела одна, вокруг неё высились горы травы и тонкой коры, которую она рвала на мелкие волокна. Снежная Дева работала с таким остервенелым видом, что сразу становилось понятно – она не желает отвлекаться. Ей слишком хорошо в этом, одной ей понятном мире, чтобы из него

выходить наружу, в негостеприимную среду. Кира испытывала нечто подобное, когда рыбачила. Ну, раньше испытывала, пока рыбалка не превратилась в обязанность и не стала слишком многого напоминать.

– Привет. Можешь одолжить мне верёвку? – спросила Кира.

– Какую? – не поднимая головы, уточнила Снежная Дева. Её руки продолжали двигаться, пальцы ловко переплетали сухие серые волокна. Кира заметила многочисленные царапины на тыльных сторонах её ладоней. Алмазные Глазки от таких уже причитала бы и стонала, доставая всех вокруг, а Снежная Дева хоть бы что. Странно, они вроде были подружками – значит, должно быть в них нечто общее?

Ну вот, опять какие-то мысли не по делу. Разве это сейчас имеет значение?

Кира вздохнула. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что. Происходили события, она реагировала, думала, задавала вопросы и хотела слышать ответы. Она жила.

– Так какую? Или лучше скажи для чего?

– Ну, крепкую и длинную. Самую крепкую! Предположим, я хочу залезть на скалы. Чтобы выдержала мой вес. С вещами.

Снежная Дева окинула её оценивающим взглядом.

– На скалы?

– Или нырнуть в воду. И чтобы меня можно было вытащить, в случае чего.

Такое объяснение звучало более адекватно. Снежная Дева сразу успокоилась.

– Ладно, есть такая верёвка. Только не потеряй! Я на неё столько времени убила! Она – моё лучшее произведение.

– Не потеряю.

– Надолго?

– Постараюсь вернуть как можно быстрее.

– Как не нужна будет, сразу вернёшь. Я не насовсем её отдаю, только на время, поняла?

– Ладно.

Кира сглотнула вязкую слюну. Вернёшь... Она изо всех сил надеялась вернуть верёвку – ведь это значило, что она вернётся обратно к катеру. Это значило, что они с Никитой найдут базу.

Снежная Дева выкопала из кучи сухой травы свёрнутую кольцами верёвку. Не такую толстую и массивную, как боялась Кира. Бережно пробежала по одному из кругов пальцами.

– Смесь трёх трав. Совсем не тянется. Мой вес легко выдерживает.

Верёвка, и правда, выглядела обалденно – будто магазинная. Нет, ещё лучше!

– Спасибо. Я буду её беречь и обязательно верну! – С жаром сказала Кира.

– Ладно уж...

Последнее, что сделала Кира – отправилась в катер (опять

же, когда там никого не было) и накорябала на стене на карте новые ориентиры. Три больших лужи на востоке и щетиновые скалы на юго-востоке. Потом начертила два больших креста. Как раз темнело, и новые части рисунка быстро скрыл полумрак. Кире не нужно было, чтобы кто-то раньше времени их увидел.

Наступила ночь. В этот раз очень тихая. Никто не болтал, не смеялся и не делился воспоминаниями. Все расселись по-дальше друг от друга и молчали. Зои даже не стала включать тепловизор, как обычно, чтобы проверить, не вернулись ли в округу личинки.

Кира села рядом с Пустотой. Сама. Осторожно взяла её за руку, и та моментально скуксилась, съехала головой по креслу, прижалась к Кириному плечу. На удивление, не плакала, только в темноте сверкали от влаги широко открытые глаза.

По ощущениям, это была самая длинная и несчастливая ночь за всё время.

Когда начало светать, Кира принялась действовать. Она разбудила Пустоту и прошептала той на ухо, чтобы ждала у ручья, подалее от лагеря. Пустота кивнула и, не задавая вопросов, исчезла на улице.

Потом Кира разбудила Оленьку Ни-о-чём и закрыла ей рот рукой. Знаками показала, что ждёт снаружи. Та, поморгав с минуту, кивнула.

Они выходили по очереди, поэтому никто не проснулся. Но времени оставалось мало, и следовало действовать быст-

ро.

Кира отвела Оленьку вниз, к ручью, усадила на камень и села напротив, лицом к лицу, чтобы ничего не пропустить. От этого слишком много зависело.

– Мне нужно, чтобы ты поискала в памяти информацию. Взамен я дам тебе это. – Кира вытащила из рюкзака лист и раскрыла его. Там блестело две горсти жёлтых орешков – просто королевское пиршество по местным меркам! Глаза Оленьки Ни-о-чём жадно разгорелись.

– Отдам, только если получу ответ, поняла?

– Да, – недовольно ответила та, не отводя взгляда от орехов. Кира свернула лист и сунула обратно в рюкзак.

– Что ты хочешь знать?

– Я хочу узнать что-то... всё о Чёрном секторе. Для начала, что это такое.

– Ладно, – Оленька легко пожала плечами и мигнув, переключилась в режим поиска. – Кино, игры, книги... В каких темах приоритет?

– Космос.

Без остановки Оленька заговорила.

– Сектор – обозначение части космоса на космической карте. Устаревшее понятие, в наше время не используется. Уже более века используется координатная сетка в узлах.

– Ближе к секторам. Что у тебя есть?

– Могу посмотреть последнее изображение исследованной части космоса, разграниченной по секторам.

– Подожди. Меня интересует другое.

– Что?

– Что значит цвет сектора?

– Цвет сектора – визуальное обозначение главной для человечества характеристики данной области космоса. Исследованные сектора обозначались зелёным цветом.

– А неисследованные – чёрным? – Кира задержала дыхание.

– Нет. Неисследованные сектора не имели цвета. Они бесцветные.

– Ладно, дальше. Чёрный сектор.

– Ищу информацию.

Оленька замолчала. Кира чуть не подпрыгивала на месте, будто на углях сидела.

– Может, это... ненужный, пустой сектор, не представляющий интереса?

– Не несущий интереса для человечества сектор обозначался серым. Их довольно много на последней карте. Ищу чёрные.

– Какие ещё есть?

– Красный.

– Что значит?

– Красный сектор – опасный для здоровья. Требует специальной подготовки при посещении. В основном, это сектора с сильным радиационным излучением.

– Ещё.

– Синий сектор отмечает возможность добычи большого количества полезных ископаемых. Розовый – сектор, в котором обнаружены планеты, идеально подходящие для колонизации. Голубой – сектор, в котором обнаружено нечто, представляющее особый интерес для науки, и потому требующий более углублённого изучения. В них зафиксированы необычные явления типа Чёрных дыр или необычные формы жизни... Перечень секторов завершён.

– Как завершён? Но чёрный, Оля! – Кира наклонилась и схватила её за руки. – Должен быть чёрный!

– На последней карте, обозначенной по этой устаревшей системе, нет чёрных секторов.

Кира опустила руки, потом обхватила ими голову.

– Могу попробовать посмотреть в справочнике с секретной информацией.

Кира воспряла.

– А ты их видела? Как ты получила доступ к таким справочникам?

– Доступ к устаревшим системам открыт. Вернее, открыт доступ к информации – описанию, сами засекреченные карты, конечно, я не видела.

– Ищи.

Оленька, кажется, всего раз моргнула, а потом сказала таким же ровным тоном:

– Чёрный сектор – сектор, в котором зафиксировано столкновение с чужой формой разумной жизни. С агрессив-

ной формой, – поправилась Оленька. – Доступ в чёрный сектор запрещён для всех.

И моргнула. Её ликующая улыбка, которая полезла было на лицо, тут же пропала. Она посмотрела на Киру, будто впервые увидела.

– Что... что это значит? – пробормотала Оленька.

– Послушай. Я просто так спросила. Просто так. Поняла! – Кира схватила её за плечи и сильно тряхнула. – Никому не говори, что я спрашивала. И что ты ответила. Поняла? Иначе не видать тебе больше ни рыбы, ни орехов. Ни крошки не дам. Поняла?

Дождавшись, пока Оленька Ни-о-чём кивнула, Кира невольно оттолкнула её и отбежала прочь. Её тошнило.

Она постояла, согнувшись, но кроме рвотных порывов, ничего наружу не вышло.

В голове гудели слова. Чужая форма жизни. Разумная жизнь. Агрессивная жизнь. Доступ запрещён.

Боже мой. Что же происходит? Этого не может, не может быть.

Но есть. Оленька никогда не ошибается. А врать... какой смысл ей врать? И в своём слухе Кира не сомневалась. Хотелось бы ослышаться, но слова словно въелись в уши и в мозг. Всё правда, это правда. Чёрный, запрещённый к полётам сектор. Место, где водятся агрессивные инопланетяне. Человечество никогда не сталкивалось с разумными инопланетными формами жизни. Развитыми. За всё время суще-

ствования межпланетных перелётов обнаружено только две планеты с зачаточным разумом, которые взяты под наблюдение без вмешательства. Вернее, так говорят официальные источники.

А оказывается, оказывается... Всё же сталкивалось.

И сейчас они в самом центре этого всего.

* * *

Деваться было некуда. В этот раз никто не появился и не спас от бремени знания. Не пришёл и не сказал, что делать дальше. Через какое-то время Кира опомнилась, вернулась к Оленьке, которая так и сидела на месте, и отдала ей орехи.

– Иди в лагерь.

Кире было всё равно, послушается та или нет. Оленька послушалась – побрела в катер, прижимая орехи к груди. А Кира накинула рюкзак и пошла вдоль ручья.

Привычка действовать сейчас помогла. Тело двигалось вперёд, словно само собой.

Пустота сидела у тропинки к Изумрудным Лужам, обняв себя руками. При звуке шагов быстро встала, выпрямилась. Кира впервые рассмотрела её лицо. Раньше то жалко её было, и взгляд сам собой пробежал мимо, то вовсе она была недоступной. Не станешь же внаглую рассматривать корпоративную дочь? Но сейчас многое иначе. Кира смотрела. Тонкие черты, ставшие более резкими в последнее время.

Тёмные круги вокруг глаз. Узкие бледные губы, на нижней трещина. Обветренная кожа. Вся фигура словно ссохлась.

– Тебе нужно рассказать Зои, – сказала Кира.

– Ты за этим меня сюда позвала? – нахмурилась та.

– Нет. У меня просьба. Передай кое-что Зои.

– Почему я?

Кира плюнула на условности, подошла ближе и обняла Пустоту. Ей показалось, той просто жизненно необходимо сейчас, чтобы её обняли. И правда, Пустота тут же обхватила Киру за талию, всхлипнула.

– Мне нужно уйти, – тихо сказала Кира. – Но я вернусь. За тобой. Я знаю, как найти базу.

Тонкие плечи под её рукой дрогнули.

– Я найду базу, – продолжала Кира. – С твоим ребёнком всё будет хорошо. Ты мне веришь?

Та вдруг разрыдалась. Как обычно. А потом кивнула раз, другой, и судорожно затрясла головой.

– Теперь о том, что нужно передать Зои. Не сейчас, подожди пару часов. Скажешь, что я ушла искать базу. Скажешь, что я оставила на карте в катере метки, где примерно могут быть базы на... на всякий случай. И ещё скажешь о своём положении.

– Зачем?

– Затем. Она тебе поможет.

– Нет. Она меня не любит.

– Всё равно она должна знать. Раз Зои взвалила на себя

ответственность за всех нас, а мы негласно с этим согласились, то она имеет право знать о таких важных вещах. Это будет честно.

Пустота ещё немного помолчала, но кивнула. Кира оставила её и быстро пошла прочь. Она не оглядывалась и старалась не думать, что уходит надолго – возможно, навсегда. Просто шла и делала вид, будто идёт как обычно на рыбалку.

Время, как назло, тянулось до отвращения медленно, дорога словно удлинилась в несколько раз. Прямо бесило!

Кира дошла до участка, где вчера нашла за перекопанным полем цветы. Остановилась передохнуть.

Сколько они тут прожили? А так ничего и не знают об окружающем мире. Не знают, например, что за создание могло так перевернуть землю. Даже не пытались узнать – просто постарались сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

Ничего не узнали про личинок. Про ту летающую штуку... Последнее страшной всего. Теперь, когда Кира узнала про Чёрный сектор, она взглянула на летающий аппарат иначе. Враждебное инопланетное столкновение. Этот аппарат мог быть инопланетным. Опасным. Бог мой! В голове не укладывалось.

На этой планете мог быть инопланетный разум! При других условиях Кира, как и прочие студенты, визжала бы от радости от столкновения с чем-то неизвестным, манящим и щекочущим нервы. Но сейчас, без малейшей защиты...

это вызывало леденящий ужас. Люди сбежали отсюда, внесли планету в перечень тех, где нельзя появляться. Засекретили её координаты. Значит, это на самом деле не стресстест. Значит, за ними никто не прилетит. Кто в здравом уме нарушит запрет и заявится в сектор, где его могут укокошить враждебные инопланетяне с неизвестными человечеству технологиями? А тот факт, что люди просто сбежали отсюда, говорит, что демонстрация чужих технологий их весьма впечатлила! Иначе бы землян отсюда никто не выпер! Смогли бы земляне – размазали бы этот разум по поверхности и ни разу не задумались! Выходит, не смогли. Выходит, опасность нешуточная. Даже наследники корпораций не стоят такого риска! Всегда можно наплодить ещё парочку, а жизнь-то одна.

Значит, они могут столкнуться с опасностью куда более серьёзной, чем хищные личинки.

Почему они вообще до сих пор живы?

А курсанты? Знают ли что-нибудь курсанты?

Кира, бездумно перебирая ногами, шла дальше. И думала, думала...

Никита в курсе происходящего. Он знает про Чёрный сектор. Он ввёл координаты, по которым прыгнул корабль. Откуда у него координаты планеты в засекреченном секторе? И пусть он не знал, что корабль потерпит крушение, но за чем-то он сюда хотел попасть?

Образ Никиты в её глазах стремительно менялся, пе-

реплавлялся из милого, но слабохарактерного мальчишки в злого гения-манипулятора. Или беспринципного наёмника. Может, его наняли убрать нескольких наследников? А остальные просто попали под горячую руку? Но нет, он же тоже здесь. Также в опасности. И образ снова превращается в невезучего и не очень сообразительного потерпевшего.

И всё же...

Как можно куда-то идти с таким человеком? Но идти нужно.

Как можно верить такому человеку? Но выхода нет.

Как не выдать того, что знаешь?

Кира всегда была открытой, как чистый лист. Она не умела юлить, льстить и врать. Правдиво отвечала на вопросы, даже когда было неудобно, всегда говорила, что думает. Ну, или молчала. Второе чаще.

Спросить Никиту прямо: что происходит? Кира на миг представила этот разговор.

– Я всё знаю. Ты забросил нас в Чёрный Сектор.

– Да. Но это вышло случайно. Я случайно набрал координаты. Только потом Саблезуб признался, что подсунул мне справочник с секретными данными. Ты же понимаешь, что у меня самого доступа к таким данным просто не могло быть?

– Но вы об этом молчали! Ты молчал!

– Это подсудное дело. Саблезуб сказал, что всё свалит на меня. Сама знаешь, ему-то ничего не будет. А меня засадят до старости.

– Ты им руководишь?

– Кира, что ты такое выдумываешь?

– Я слышала ваш разговор. Ты им руководишь, управляешь.

– Ты не так поняла. Ну как можно управлять человеком? Да ещё сыном корпоративного клана? Просто мы давно знакомы и общаемся наедине как старые приятели, панибратски. На людях по-другому.

Вот, собственно и вся беседа.

И предъявить ему больше нечего.

И пусть Кира не умела врать, зато прекрасно знала, как умеют врать другие. Такие таланты встречаются – диву даёшься! Никита, все всякого сомнения, сумеет убедить её в чём угодно. Если он может проделать такое с Саблезубом... то с Кирой, не привыкшей к различным корпоративным интригам, он проделает ещё и не то! Да он, пожалуй, при желании сможет убедить её, что она вовсе не Кира, а сам Господь Бог!

Если она признается о том, что подслушала, Никита просто переубедит её в нужном ему ключе, и всё наладится, и станет как прежде. Она, как прежде, будет ему верить.

Но этого допустить нельзя. Нужно постараться сохранить настороженное отношение к нему, дистанцию между ними. Потому что, возможно, это в какой-то сложной ситуации Киру спасёт.

Значит, нужно вести себя как обычно.

Главное, хватило бы сил.

И теперь насчёт Чёрного сектора.

Вначале она решила, что говорить никому нельзя. Пусть лучше не знают. Потом – что нужно сказать хотя бы Зои. Та передаст Огню. Нельзя оставлять их в неведении, они должны понимать, с чем могут столкнуться. Остальных же ставить в известность необязательно. Вот сказали всем насчёт ядовитого газа – и что, лучше стало? Ничуть! Так что пусть живут спокойно.

Кира вышла на берег, привычно окинула взглядом лужи. Раньше каждый раз они казались ей словно вышедшими из сказки – яркие цвета, необычные формы, приятные ароматы. А теперь перед ней словно ядовитое чудовище под яркой обёрткой затаилось.

Никита вскоре появился. Рюкзак у него был набит под завязку, а на голове красовалась самодельная шляпа из листьев, которую они все использовали вместо посуды. В лагере девчонки тоже пытались делать головные уборы из неё, но так как солнце не было жарким, вскоре бросили.

В этот раз Кира осталась на месте, ждать, пока Никита подойдёт к ней. Что вскоре и произошло.

– Привет.

Кира встала, молча кивнула, передала ему его копьё. Вздохнула тяжело. Голова была забита необходимостью хранить тайну.

А на вид он не изменился. Тот же прямой, открытый

взгляд, та же уверенная, слегка расслабленная поза. Всё как раньше. Простецкий, располагающий к себе вид совершенно обычного рубахи-парня.

Разве что улыбки нет.

– Мы сразу идём? – Уточнила Кира.

– Да.

Она невольно взглянула на юг – туда, куда лежала дорога. Та же стена камышей, те же холмы на горизонте. Может, всё не так уж страшно.

Только вот что насчёт ночи?

– Как же мы будем ночевать? – проговорила Кира. – На открытой местности?

– Я поставил таймер. Он сработает за три часа до наступления темноты – думаю, этого времени достаточно, чтобы найти ночлег. Больше пока нет смысла строить планы: неизвестно, какая там впереди местность. Но ты не волнуйся, мы справимся.

– Таймер?

– Да, на смартфон. Я поставил таймер. Что тебя удивляет?

– У тебя есть заряд?

– Почти полный.

– Странно, что ты его не потратил, – Кира невольно сказала это с подозрением. – Все потратили.

– А я нет.

И вроде он сказал это как обычно, а Кире уже слышался в его голосе упрёк за излишнее любопытство или недоволь-

ство.

– Хорошо. Веди.

Никита удивлённо покосился на неё. Наверное, было бы логично идти рядом – дорога позволяла, но Кира явно предпочитала идти позади.

Началось путешествие, мягко говоря, неловко. Никита шёл вперёд, у камышей оглянулся, словно хотел что-то спросить, но промолчал и стал прокладывать путь, сминая камыши копьём. Это было непросто, поэтому продвигались они довольно медленно.

Кира следовала за ним, держась подальше. Особо подальше, правда, не получалось – камыши тут же поднимались, стоило их отпустить. Но хоть несколько шагов. Время от времени она предлагала свою помощь, но Никита отказывался.

Повезло, что полоса камышей довольно быстро закончилась. За ними начались холмы, которые ничем не отличались от холмов вокруг лагеря Саблезуба. Идти по ним было сложно, дыхание сбивалось, да и впереди ничего было не разглядеть. Но Кира молчала, даже когда совсем выдохлась. Просто плелась следом и старалась не обращать внимания на боль в ногах и спине. Идти очень далеко. Так далеко, как она никогда прежде не ходила и, пожалуй, никогда больше не пойдёт. Скорее, сдохнет.

Никита сам предложил ей отдых. Выбрал место под стоянку – заросли кораллов и тюльпанов, которые отлично загораживали от ветра – снял рюкзак и сел на травку.

Кира села от него подальше, то и дело настороженно зыря в его сторону. Да, это выглядело очень странно, она и сама прекрасно понимала. Но не могла ничего с собой поделать. Никита теперь не тот приятный молодой человек, с которым она хотела бы проводить всё своё время, теперь это тёмная лошадка, в обществе которой постоянно требуется находиться начеку.

– Хочешь перекусить? – спросил Никита, никак не прокомментировав её странное поведение.

– А вот что я не сказала. У меня нет еды. Не успела собрать. Только два кувшина воды, две пряжки и верёвка. Ещё миска, взяла на всякий случай.

– Всё это пригодится. И у меня есть еда. Мы же вместе идём, верно? Значит, это всё общее. Так что, позавтракаем?

– Можно.

– Кстати, покажи верёвку.

Пока Никита развязывал рюкзак, Кира вытащила верёвку.

– Вот. Снежная Дева сплела.

– Правда? Какая молодец! Я даже подумать не мог, что она на такое способна.

Кира ощутила укол ревности. Совершенно алогичный! Они, конечно, идут вместе, но во всех иных смыслах они не вместе. Никаких собственных чувств!

Подавила приступ ревности. Улыбнулась.

– Да, она молодец. И я обещала... вернуть ей верёвку.

Кира опустила глаза, увидела, что невольно дёргает тор-

чашую на толстовке нитку у запястья. Сжала кулак.

– Мы вернёмся, – невозмутимо сказал Никита и передал ей рыбу. Сушёную.

У него весь рюкзак был забит такой рыбой.

В ответ на изумленный взгляд он так же спокойно добавил:

– Нужно искать еду всегда и брать всё, что попадётся. Если увидим по пути ягоды или коренья – будем останавливаться и собирать.

Кира молча кивнула, повертела рыбину в руках.

– Если дёрнуть за спинной плавник, шкура легко счищается.

Никита показал, как дёргать. Кира послушно повторила. Была бы она не такой уставшей – нашла бы способ сделать по-своему, однако проще оказалось последовать совету.

Почему у него столько рыбы? Получается, он не носил улов в лагерь, остальным. Ну, или, по крайней мере, большую часть оставлял себе. Сделал запас. Зачем?

Кира отрывала волокна и жевала, не чувствуя вкуса. Так же механически доела, получила вторую. Доела. Уставилась на грязные руки и горку чешуи и косточек у своих ног.

– Кира.

– А?

Она судорожно вскинула голову.

– Что случилось?

– Ничего.

Так быстро сказала, не обдумав – сразу видно, что соврала, с досадой поняла Кира. Так и выдать себя проще простого.

– Это из-за того, что я поставил условие? Да?

Вот уж меньше всего Кира вспоминала это его условие. Даже не условие, чего там – скорее, невинную просьбу. Он ведь мог запросить что угодно. Что угодно. Кира всё бы сделала ради того, чтобы попытаться найти базу.

Горячая волна благодарности прокатилась по её телу от макушки до пяток. Ведь он попросил такую малость!

– Нет, ничего подобного.

– Тогда что случилось?

– Да вроде ничего.

Если не поднимать глаз, можно рассчитывать, что прокатит. Не будет же он доставать её расспросами вечно?

– Хорошо. Только если надумаешь, всё же скажи. Тебя что-то волнует, а сейчас лучше не волноваться. Не до того будет.

– Нет, нет, всё в порядке.

Потом они встали и пошли дальше.

Они шли, и шли, и всё существование свелось к необходимости переставлять ноги. При этом казалось, они топчутся на одном месте – пейзаж не менялся.

Отдыхали, умывались у ручья и наполняли кувшины, собирали ягоды, дважды жгли костёр, чтобы испечь корней. И снова шли.

Потом наступила ночь. Кира так устала, что даже не вспоминала о личинках или каких-то ужасающих инопланетных летающих устройствах. Ей было одинаково наплевать и на первых, и на вторых.

На ночь они поднялись на скалу, словно высокий пенёк торчащую посреди холмов. Древняя скала, вся поросшая мхом. Они еле забрались наверх. Вернее, забрался Никита, а потом пригодилась верёвка Снежной Девы. Вначале Никита поднял рюкзаки, а потом Киру. Она даже испугаться не успела, хотя высоты боялась и никогда не лазила и не путешествовала по горам.

На вершине, слегка вогнутой, как тарелка, они смогли даже разжечь костёр. Мусора тут валялось предостаточно.

– Если каждую ночь мы сможем проводить так, нам сильно повезёт, – усмехнулся Никита, когда стало темнеть. Он подошёл к самому краю, выпрямился и стал смотреть на закат.

Рыбачили они вместе много, а вот закат провели вместе всего один. Тот, очень быстрый, когда пришлось прятаться в лужах. Тогда пришлось обниматься, чтобы согреться. Но сейчас Кира не собиралась этого повторять, поэтому спряталась от ветра под один из торчащих камней так, чтобы возле неё не осталось свободного ровного места.

Никита и не претендовал. Молча стоял там, на ветру, долго-долго, любясь закатом, и уже в темноте, судя по звукам, устроился неподалёку, но так, чтобы не прикасаться.

– Спокойной ночи, Кира, – сказал он.

– Спокойной ночи.

Кира ещё долго не могла заснуть. Лежала, смотря в небо, которое темнело так непривычно – словно заливалось чёрной краской. Все мышцы болели – такое отвратительное чувство, будто каждая клетка тела ноет и ноет, и никогда нить не перестанет.

Холодно было жутко. Кира натянула капюшон – как хорошо, что он был! Спрятала руки в рукава. Свернулась так плотно, что дышала на собственные коленки. Главное, не думать, что вместе теплей. Нет, ни за что!

На чистом упрямстве Кира продержалась до рассвета. То засыпала, то просыпалась, чаще всего оттого, что тело била крупная дрожь. Пряталась за свой рюкзак, грела руки подмышками и снова засыпала.

На рассвете услышала, что Никита поднялся. Когда открыла глаза – он стоял там же, где был на закате – на краю скалы, и смотрел вдаль.

Кира села и закашлялась. Если она заболит, это будет очень плохо. Сколько ещё будет длиться защита марки Дольцера? Она может истощиться в любой момент. А Кира даже не узнает.

Может, Зои ей сообщит, если узнает от Ахлейна. Вчера вечером Зои прислала ей сообщение. Короткое и лаконичное.

«Дура! Удачи!»

Отвечать Кира не стала. Но, похоже, Зои не очень сердится. А даже если очень, что с того?

Новость про Чёрный сектор она тоже до сих пор не сообщила. Не смогла. Попозже.

– Мы можем идти, – не оборачиваясь, сказал Никита. – Позавтракаем внизу, там не такой сильный ветер.

– Хорошо.

Первой вниз должна была отправиться Кира, после Никита должен был спустить ей рюкзаки и только потом отвязать верёвку и спуститься сам.

Она попрыгала на месте, чтобы немного разогреться и подошла к той стороне, откуда они вчера поднялись.

– Давай с другой стороны. Чтобы не обходить – нам оттуда по прямой.

– Хорошо.

Однако когда Кира подошла к другому склону, то засомневалась, что это хорошая идея. Там, где они поднимались вчера, можно было залезть и без верёвки. А тут стена была почти отвесной. Ну, на её неискущённый горными походами взгляд.

– А как ты тут спустишься без верёвки?

– Спущусь.

Никита уже подал ей один конец, чтобы Кира обвязалась. Но она стояла на краю, нервно смотря вниз, и не могла пошевелиться. Высота была адски огромной. На самом деле, конечно, не была, но Кире казалось: земля словно отдаляет-

ся и теперь её не разглядишь даже в телескоп.

– Не волнуйся и не смотри вниз. Давай.

Выхода-то всё равно не было. Кира собралась с духом, обвязалась верёвкой, натянула рукава на руки, чтобы не стереть ладони, повернулась к Никите и снова замерла. Нужно было что-то сказать, получить какую-то моральную поддержку, чтобы не было так страшно, но она словно онемела.

И снова этот его прямой и открытый взгляд, который ставит в тупик. И снова голова кругом – то ли от страха, то ли от этих проклятых крапинок в его глазах.

– Не бойся, я тебя удержу.

Кира убедилась, что Никита крепко сжимает верёвку, повернулась к обрыву спиной и стала сползать ногами вниз. И тут же поехала, как с горки. Никита, не отпуская верёвку, быстро подал ей руку.

– Держи. Ну!

Но Кира вместо этого вцепилась в скалу. Можно было без труда успеть, он бы поймал и Кира начала бы спуск нормально, без экстремального скольжения, но она всё же выбрала другой вариант. Верёвка впилась в талию, в глазах от боли побелело.

– Кира!

– Всё нормально.

Она упёрлась ногами в камни, встала на них. И дальше начала спускаться сама, не рассчитывая на поддержку. Просто старалась не смотреть далеко вниз, а нащупывать камни

ногой. Как ни странно, у неё получилось, и довольно быстро Кира оказалась на земле. Трясущимися руками отвязала верёвку, несколько раз дёрнула, подавая сигнал.

Приняла рюкзаки, потом сверху упал моток. Кира отошла, рассматривая окрестности. Здесь земля сменялась скальными выступами. Но на кривые скалы-зубья, как на его картинке, ничего и близко похожего.

Звук прыжка. Никита тоже стоял на земле. Сразу подошёл, резко схватил за плечи и развернул к себе.

– Кира! Я хочу знать, что происходит.

– В смысле?

– В прямом смысле! Я понимаю, ты обиделась на меня за тот случай на берегу. Я прекрасно это знаю. Но дело в чём-то другом. Ты... ты боишься меня.

– Глупости!

– Ты так сильно меня боишься, что предпочла чуть не свалиться со скалы, но не принять от меня руку помощи. Объяснись!

Кира, словно замороженная, уставилась в его глаза. Проклятые крапинки, так и отвлекают внимание! А ей нельзя отвлекаться, ведь на кону несколько жизней. Она сама, Пустота и нерождённый ребёнок.

– Да ты о чём? Всё в порядке, – лепетала Кира, и сама краснела от фальши, которой был полон её голос. Нет, не умела Кира врать, не умела. И научиться не успела.

Никита убрал руки и отступил. От разочарования, мельк-

нувшего на его лице, стало тошно.

– Тогда мы сделаем так. Пока не разберёмся – будем сидеть тут, на месте. День, неделю, хоть год. Ты ещё не знаешь, но я никогда не отступаюсь. Поняла?

И остался стоять, ждать ответа.

А что было ответить? Кира поняла, что он не врёт. Сказал: будем стоять, значит – будут стоять. Тратить время, вместо того чтобы искать базу. Меряться упрямством.

Но Кире не победить. После того, что она услышала в лагере Саблезуба? Нет, ей не победить.

Времени терять нельзя. Обмануть обманщика она пока не способна. Только и остаётся, что признаться.

Кира даже почувствовала облегчение. Всё же это слишком большая ноша для неё – хранить чужие, непонятные ей тайны.

– В тот день, когда я ночевала у тебя, я не пошла домой. С берега я вернулась в ваш лагерь. Решила: ты что-то скрываешь. Хотела узнать, что. Узнала... Я слышала твой разговор с Саблезубом. Не знаю, кто ты на самом деле, но точно не тот милый парень, с которым я рыбачила. Ты двуличный... я ничего о тебе не знаю.

Он побледнел, но взгляда не отвёл. Только скулы обрисовались чётче.

– Я и есть тот самый парень, с которым ты рыбачила.

– Нет, – Кира качнула головой. – Ты... ты что-то из той, другой жизни, которая не по мне.

– Почему ты сразу не сказала? Не спросила? Не попыталась узнать, в чём дело?

– Почему? – Кира только сейчас поняла, почему. Сглотнула. – Да потому, что я боялась услышать... что-нибудь услышать. То, к чему не готова. Хорошего же точно не услышу? После того, что случилось тогда на берегу, я не жду от тебя хорошего, уж извини.

– Так вот, значит, какого ты обо мне мнения.

Он словно покачулся. Стиснул зубы, отвёл взгляд. Забормотал в сторону.

– По-твоему, я тот, кто станет смотреть, как обижают девушку, и ничего не делает.

– А это не так? – Кира разозлилась. Она и правда так думала, но пыталась придать этим мыслям более приличную, более мягкую формулировку.

– Ты думаешь, я позволил бы им перейти к делу? Что бы я позволил? Изнасиловать тебя?

– Нет?!

– Конечно, нет. Если бы разговоры зашли дальше простого предложения, они бы тебя не тронули. Просто ты справилась сама, да ещё так шикарно, что я заслушался.

– Да? – Кире снова захотелось плюнуть ему под ноги, и она еле сдержалась. – И отчего я должна тебе верить? Говорить можно что угодно. Предлагаешь мне не париться и в следующий раз проверить, как далеко ты бы позволил им зайти?

Он молчал, опустив голову. Потом вскинул её, сверкнув

глазами.

– Вот, значит, как ты обо мне думаешь.

– Да, именно так!

– И насчёт Саблезуба... Ты думаешь, я... я делаю это из каких-то своих корыстных целей?

Кира кивнула.

Никита снова замолчал, а Кира вдруг почувствовала, что её повело в сторону. От облегчения, что наконец всё вскрылось. И от жара. Или от голода, кто знает?

Она закашлялась. Никита словно очнулся.

– Давай найдём воду.

И больше ни слова!

Но Кира не стала устраивать разборки – ей было плохо. Она просто брела следом за Никитой и кашляла. Словно её прорвало.

Ручей они нашли довольно быстро – уже знали приметы, по которым издали было понятно, что есть вода. У воды росли особые деревья – заросли тех самых плюшек, которые служили им основным источником пропитания.

Там Никита развёл костёр, разогрел корни, которые они напекли вечером. И нагрел воды в кувшинах. Вроде такая ерунда – горячая вода, там же ни крошки кофе, ни одного чайного листочка, а на вкус словно что-то необыкновенное.

В горле сразу перестало першить. Кира согрелась и даже смогла проглотить немного еды.

Никита сидел напротив. Он съел вряд ли больше Киры.

Довольно долго о чём-то думал, и Кира не мешала. Видимо, мысли были неприятными, выражение лица у Никиты было траурным.

Через время он заговорил.

– Впервые я увидел Саблезуба, когда ему было тринадцать. Он угнал с корпоративной стоянки скоростной катер, набил туда своих первых встречных приятелей, чтобы покачать, и разбил катер в городском парке. Повезло, что никто не пострадал. Среди этих приятелей оказался мой друг. Когда появились взрослые, Саблезуб заявил, что это мой друг его подначивал, издевался над ним, а потом перехватил у него управление, оттолкнул от консоли и разбил катер. В результате моего друга признали виновным в аварии. Его родителям присудили выплату огромной компенсации. Их отец был вынужден продать дом, отдать все сбережения, семью объявить банкротами, потому что все их средства не покрыли и десятой доли заявленного ущерба. Они уехали куда-то на периферию. Перед отъездом мой друг рассказал мне, что ничего такого не было. Он даже не приближался к консоли, держался руками за кресло и орал во всю глотку, потому что Саблезуб мчался, как полоумный, и хохотал. Я ему поверил. Я его знал всё детство, и он никогда толком врать не умел. Вечно на какой-нибудь ерунде прокальвался... Конечно, он рассказал то же самое следствию, взрослым, но его никто не слушал. Мои родители заявили: есть результат проверки, всё – твой друг виноват, а тебе он просто лапшу на уши ве-

шает. Сказали: загляни в тюрьму – ни одного виноватого не найдёшь, никто никогда не признаётся. Тогда я решил узнать точно, врёт или нет. Узнать у Саблезуба. Конечно, напрямую я не мог подойти и спросить – где гарантия, что он скажет правду? Зачем ему вообще мне отвечать? Пришлось потратить полгода, пока я к нему смог подобраться и втереться в приятели. И да, рассказы друга оказались правдой. Саблезуб легко и непринуждённо мог оговорить любого. Он оговаривал невиновных много раз. При этом его ум достаточно гибкий и изощрённый, чтобы обставить всё в выгодном для себя свете, подать так, чтобы выглядело правдиво. А положение наследника корпорации полностью развязывало ему руки. Я убедился, что он самый натуральный садист. Патологический лжец. Жестокий и равнодушный. Он не видит краёв, не знает границ, закон для него не писан. А вот меня он стал слушаться. Я не собирался делать ничего такого, но однажды понял, что знаю, как им управлять. Как марионеткой. Что сказать, как посмотреть, на что намекнуть. Это было так легко, что вначале я просто играл, наслаждался полученной властью. А потом однажды остановил его, не дал подкупить механика, который ремонтировал скоростной кар его неприятелю. После такого ремонта легко разбиться в лепёшку, чего Саблезуб и желал. Тогда я понял, что спас человека. Я продолжил им управлять. Да, я это делал. В АМКу поступил из-за Саблезуба, мне-то самому это и даром не было нужно. Но без меня он начинал чудить... и я боялся, что

если оставлю его без присмотра, он сорвётся. И сделает что-нибудь мерзкое. Так я попал в ловушку. С одной стороны, если оставить Саблезуба, он натворит что-то такое, что даже родители не отмажут. Вернее, от законного наказания отмажут, конечно, но сами поймут, что такое существо нельзя ни в коем случае сажать во главе корпорации. Но для того, чтобы они это поняли, нужно позволить сделать Саблезубу то, что сломает чьи-то жизни. А то и лишит их. Повезёт, если одну, а если больше? Как мне с этим жить? И я не мог его оставить, не мог позволить испортить даже одну жизнь. Я продолжал оставаться рядом и следить за ним. Но время идёт. Чем дальше, тем больше у него соблазнов. Он становится старше, его «тёмная сторона» становится сильнее. Теперь он слушает меня хуже, приходится постоянно быть начеку. Однажды он начитался Парфюмера и устроил вечеринку человек на сто, причём не для своих корпоративных дружков, а просто для каких-то левых знакомых, которые ставят ему лайки в сети. И ради прикола насыпал в напитки конский возбуждатель. Тот самый УАХ, запрещённый к применению. Хотел устроить «массовое скотоложество», как он это называл, и снять на камеры. Тем самым шантажировать всех, кто там был и участвовал. Бред, конечно: невозможно шантажировать одновременно сто человек, кто-нибудь да сорвётся, но Саблезуб верил, что сможет. Я тогда сумел остановить его. В последний момент. Вечеринку свернули, потому что без скотоложества Саблезубу она была не интересна.

И мне ещё месяц писали проклятья и угрозы в сети. Писали те, кто там был. Обвиняли, что я помешал общению с кумиром. Или ещё один случай. Два года назад я уехал на неделю по своим делам, а когда вернулся, Саблезуб уже закончил оборудовать в одном из своих загородных домов подвал, из которого невозможно выбраться. Он собирался украсть и держать там девочку не старше десяти лет, чтобы вырастить из неё такую женщину, которая полностью соответствовала бы его требованиям. По его мнению, все бабы меркантильные, лживые, хитрые. Хочешь идеальную девушку – воспитай сам. Он решил, что воспитывать начнёт ту, которая ещё не достигла половой зрелости, чтобы вначале научилась обслуживать хозяина в доме и за столом так, как он видит в своих фантазиях, и только потом перейти к сексуальной части, что тоже потребует длительного обучения. А девочку нужно выбирать по родителям – те обязательно должны быть красивыми, чтобы не вырос крокодил. Потому что, если вырастет крокодил, придётся начинать это всё заново. Я успел его остановить, и эту идею он, к счастью, забыл.

Кира поняла, что сидит с открытым ртом. И, видимо, довольно долго, потому что челюсть закрылась с трудом.

А Никита тоном, каким зачитывают нудный конспект, продолжал:

– Ещё были случаи. Я не стану рассказывать подробности. Не хочу, чтобы ты пугалась или чтобы тебе было противно. Как мне. Про эти я рассказал, чтобы ты поняла – я не пре-

увеличиваю. Тот случай с моим другом – капля в море. Саблезуб даже не считал таких моментов – чего их считать? Ему же всё можно. Так вот. Однажды я осознал, что понятия не имею, как выбраться из ловушки, в которую сам себя загнал. Конечно, я мог заставить Саблезуба, к примеру, столько денег мне отвалить, что можно купить кого угодно. И засадить его, к примеру, в психушку. Но тогда бы активизировались его многочисленные влиятельные родственники. Меня и так проверяли несколько раз. Но, видимо, ничего не нашли. Я был осторожен. Был ещё один вариант... по глазам вижу, ты хочешь спросить. Да. Просто его убить. Мог ли я это сделать? Теоретически, мог, конечно. И даже обезопасить себя – ведь если я не получаю после его смерти финансовой выгоды, значит, я не виноват. Наоборот, потерял хорошую зарплату. Так что в теории мог выйти сухим из воды. Но я не убийца. Да, Саблезуб патологически жесток и может натворить много бед. Да, но ничего такого, за что заслуживает смерти, ещё не натворил. Это как замкнутый круг! Я не могу оставить его без присмотра, чтобы не натворил, но без этого он живёт дальше, взрослеет, всё больше чувствует вседозволенность и однажды всё равно натворит. И последствия даже я предугадать не могу. Это петля какая-то неразрешимая.

Никита замолчал, смотря перед собой невидящим взглядом. Словно раз за разом бежал по кругу и не мог из него вырваться.

– Но сейчас? Ты же оставил его сейчас? – пересохшими

губами спросила Кира.

– Да. Оставил. Надеюсь, не пожалею об этом. Хотя нет... точно не пожалею. Смысл сидеть и его караулить, когда на кону выживание? Твоё, в том числе. Насчёт лагеря, кстати. Это я увёл Саблезуба подальше от катера и от вас. Намекнул, что стоит уделать Огня, показать, кто тут хозяин. Саблезуб имеет слабость к этому слову – хозяин. Это его наркота, он считает, что на свете не существует человека, который больше него имеет право называться Хозяином. Ну, это так, отступление. Так вот, я его увёл, а потом заставил остаться там, подальше от вас. Удобное, безопасное место с кучей жратвы. Нам не по рангу шляться по лесу, лучше подождать с комфортом, пока базу найдут курсанты. Это же их прямая обязанность. А мы лучше не будем глупо рисковать. Отдохнём в тишине и покое, в своём личном тайном логове, чтобы никто типа Огня не доставал и не напрягал, а заодно подальше от истеричных баб, которые будут бесконечно выносить мозг своим нытьём и постоянными проблемами. Я заставил его держаться вдали от лагеря. Столько девчонок и без защиты. Я не мог рисковать. Он очень быстро бы понял, что вас тут некому защитить. Чего смотришь? Хочешь сказать – Зои? И что Зои одна против него сделает? И против тех идиотов, которые за ним пошли и теперь слушают каждое его слово? Она же не может бодрствовать вечно и всегда быть начеку. Проснулась бы однажды в яме связанной, вот и все её победы. Ты ещё не поняла, ещё понятия не имеешь,

на что способен Саблезуб. В лагере... и что творится у нас в лагере. Ну, про рыбу ты, видимо, уже давно поняла. Я отдавал Саблезубу малую часть, остальное забирал себе. Тот случай, когда я пришёл... не в кондиции – это там парочка одна решила отомстить Саблезубу через меня, устроить мне тёмную. Глупыши. Дали Саблезубу официальный повод устраивать допросы и выбивать признания. Из-за этого всего... Это и сыграло со мной дурную шутку. Когда эти двое увязались на рыбалку. И потом стали тебе предлагать... всякое. Это ведь просто слова, а для меня – человека, который видел действия – просто слова ничего не значат. Я ошибся, не подумал, как всю эту ситуацию воспримешь ты. Девушка, далёкая от корпоративных кланов и их «высокоморальных» детишек. Несколько лет рядом, но так и не пересеклась с ними по-настоящему ни разу. Слишком наивная и чистая, чтобы легко пережить столкновение с правдой. Для которой простая болтовня – уже угроза. Я виноват, что недоглядел... Ладно, об этом после. Итак, я провёл с Саблезубом несколько лет и видел, как ухудшается ситуация. Как бы я ни пытался, исправить его характер не мог. Однажды я разговаривал с его отцом... Хватило ума вовремя остановиться и не выложить тому всё от начала до конца. Иначе меня в живых уже не было бы. Саблезуб – ухудшенная копия папаши. Тот пока может себя контролировать, а сынок уже нет. Но это неважно. В общем, помощи мне ждать было неоткуда. И вот я осознал, что в капкане. Нужно что-то делать. Нужно явить

миру истинное лицо Саблезуба и сделать это так, чтобы никто не пострадал. И я стал искать варианты, ждать случая. И нашёл. Этот полёт. Идеальный вариант. Я сделал всё, чтобы Саблезуб решился на эту дурацкую авантюру – сорвать стресс-тест. Я всё рассчитал. План был следующий: Саблезуб придумал и подбил остальных студентов на захват корабля. Но этого было мало, такое могли замять. Тогда я сделал последнюю ставку. Он портанул корабль, и не просто абы куда, а в Чёрный сектор. Ты знаешь, что это такое?

Кира, словно против воли, кивнула. Раз, другой, десятый...

– Откуда ты знаешь, я ещё спрошу. Потом. Так вот, я выбрал планету... Это могла быть любая другая, но к счастью, в справочнике обозначали точные координаты только тех планет, которые подходили для жизни. Иначе мы бы давно были мертвы. Я нашёл сектор, Чёрный сектор, но тот, где не было никаких прямых военных столкновений. Ничего толком про стычки, которые здесь произошли, в справочнике сказано не было. Только общая информация, которая гласила, что возможный противник не стремился уничтожить убегающих и даже стереть их следы. Ну, когда люди отсюда убегали. Они спаслись, их никто не преследовал. Я решил, что в таком относительно мирном секторе нам удастся остаться в безопасности. Мы побудем тут немного и портанёмся обратно. Но самого факта будет достаточно, чтобы Саблезуба признали опасным и лишили права занимать в корпорации

управляющие должности. Рисковать судьбой корпоративных детишек? Этому ему бы не простили. Родственники остальных заставили бы отца Саблезуба убраться от управления сыночка. Но... я просчитался. Я не учёл курсантов. Моя вина. Я не знал, что координаты при прыжке следует править вручную, и это довольно точная правка. Моя вина. В результате мы тут. Я хотел лишить Саблезуба возможности творить беспредел, а в результате чуть нас всех не угробил. Когда я это понял... чуть не удавился. А потом ничего... опять не смог оставить Саблезуба без контроля. Но даже сейчас, даже сейчас я не могу его убить. Ведь и руки бы марать не пришлось, есть много способов убить его «случайно». Но я не убийца.

Внезапное, глухое молчание. Тишина.

Кира сидела, и ей казалось, что всё вокруг кружится, даже его лицо.

– Теперь ты всё знаешь. Всю правду.

Глава 11. Личинка

Её было даже слишком много, этой правды. Особенно после порции, которую Кира уже получила не так давно. Она словно повторно сиганула в воду с вышки, и у неё отбило слух.

И всё же это произошло. То, чего она боялась и ожидала. Он легко оправдался, легко и непринуждённо переманил на свою сторону. Даже не запыхался. И она снова всецело доверяет Никите.

Как иначе после такого рассказа?

Кира даже ни секунды не потратила на сомнения. Сразу поняла – правда. Просто каждое его слово целиком и полностью соответствовало её собственному восприятию Саблезуба, его характера и вещей, на которые тот способен. И каждое слово Никиты словно заполняло пробел необъяснимого, которое его окружало. Расставило всё по местам.

Однако правда оказалась слишком правдивой, без прикрас. И мозг сам собой от этого всего отгородился.

Впрочем, шанса разобраться, насколько восстановился уровень её доверия, у Киры не было. Они отправились дальше, и Никита не пытался больше с ней сблизиться. Будто больше не был заинтересован в чём-то большем. Может, и не был.

Он держался так, чтобы случайно не задеть, ни прикос-

нуться и не подать руки. Если он передавал предмет, то оставлял его на земле и отходил. Если воду – то в вытянутой руке. Словно его дыхание ядовитое. Шёл с отрывом впереди, даже когда дорога была широкой.

И Киру это устраивало.

Они продвигались всё дальше. После признания Никиты Кира перестала его дичиться, перестала дёргаться, но в душе, словно заноза, сидел его секрет. Когда Кире хватало сил об этом думать, то она думала, что эта история звучит, словно мечта фрика, пересмотревшего аниме. До ужаса нелепо. И полное доверие тут же сменялось сомнениями. Он не мог врать. Она всем своим нутром чувствовала, что не врёт. Но как такое могло быть правдой? Такое?!

Впрочем, Никита так и сказал: в том и проблема, что никто ему не поверит. Как? Как такому можно поверить?

Кира чуть не свихнулась. Иногда перебирала в памяти его рассказ. Сверяла факты – то, что видела и в чём участвовала сама.

Вспоминала Саблезуба и его поведение. Никита всегда был рядом – сколько она помнила, всегда. Он молчал и не отвечивал, однако мельтешил за спиной «хозяина», словно суфлёр за сценой. Но Саблезуб никогда не обращался к нему прилюдно. Когда он рассказывал о планах захвата катера. Когда командовал там, на мостике... Когда уже на планете перечислял, что они выяснили...

Нет, не настолько у Киры была прекрасная память, чтобы

вспомнить каждую деталь тех сцен. Кто как посмотрел, кто у кого просил взглядом одобрения, чей голос когда дрогнул?

Она просто не помнила.

Дни шли. Несколько ночей они провели на скалах – благо, тех вокруг было в достатке.

Пейзаж тем временем менялся. Стало очень мало деревьев-пышек. Из-за этого стало сложнее искать воду, хотя самих источников было всё так же много. Пару раз они находили даже мини-озёра, жаль, что оба раза берега у них были такими, что добраться до воды не было возможности. Только и оставалось, что посмотреть издали, вздохнуть с сожалением и плескаться в ручье.

На время купания и стирки они разделялись. Кира, конечно, сразу подозревала, что Никита станет за ней подсматривать. Разве могло быть иначе?

Но она ни разу его не поймала. Если он и подсматривал, то как-то совершенно незаметно. Но Кира продолжала стирать вещи по частям, чтобы не оставаться совсем голой, и продолжала поминутно оглядываться, то и дело пытаясь выхватить из зарослей его лицо.

Нет, не удалось.

Конечно, в глубине души она прекрасно знала, что он не подсматривает. Просто думать о нём ТАК было куда проще, чем думать о нём, как о порядочном человеке.

А вот сама она однажды застала Никиту в одном белье. И не потому, что он специально это подстроил. Нет, просто

как-то быстро высохла одежда, попались удобные плоские, разогретые солнцем камни. И поэтому Кира вернулась с купания быстрее, чем обычно.

Никита сидел у ручья, подставив лицо небу. Его одежда была аккуратно разложена вокруг. Вид полуголого мужского тела неожиданно доставил визуальное удовольствие, заморозил. Кира снова отметила, что Никита окреп. Странно, да? Тогда, в первый день на катере, он был тощим, кости отовсюду так и выпирали. А сейчас набрал вес и мышцы нарастил. Вот она – рыбная диета, какой, оказывается, сногшибательный эффект она может произвести.

Никита повернулся на звук. Спокойный и молчаливый, как всё время после того непростого разговора. Они едва перекидывались парой слов и снова шли, и если обращались друг к другу, то строго по делу. Иногда Кира думала, что так проще, а иногда – что хотела бы наладить отношения. Но как? Она не знала, как подступиться. Боялась заговорить первой, ведь для этого придётся вернуться к разговору о Саблезубе. А это словно добровольно прыгать в гниющее болото.

Но все эти неурядицы меркли на фоне нависающей над ними угрозы. База. Им нужна была база.

Кира тогда отвернулась и убралась подальше, чтобы дать ему время одеться.

И они снова шли, и ещё, и ещё.

Никита объяснил однажды, что ориентируется по солнцу,

которое всегда на севере, и только когда садится, закатывается на юг. Это Киру успокоило: теперь она понимала, что они не просто блуждают наугад, а действительно идут в нужную сторону.

Также Кира считала ночи. Мрачные, изнуряющие ночи, которые ей пришлось провести на твёрдых камнях. Семь, включая первую. Остальные ночи, к счастью, были не такими холодными. И даже оставалось немного времени перед закатом, чтобы собрать травы и веток, сделать хоть какую-то подстилку. Правда, помогало мало. Иногда, особенно в моменты, когда она просыпалась на рассвете, Кире казалось, она в жизни ничего другого не ела, кроме пресной рыбы, пышек и корней. Что она не знает вкусов – ни солёного, ни острого, ни сладкого. Что она никогда не сидела целый день на месте, а всегда куда-то шла. И что она всегда спала на твёрдом, а упругий матрас просто придумала.

Хорошо, хоть Никита был настоящим. Живым, тёплым, только немного чужим. Или много.

Зато рядом.

И вот однажды среди редких деревьев всё чаще стали попадаться невысокие камни, похожие на клыки. Такие же, только огромные, обозначали место дислокации базы.

– Мы приближаемся, – отметил Никита.

– Похоже на то, – с благоговением ответила Кира. До чёртиков приятно было видеть, что они потратили столько сил и времени не напрасно! Что кровавые мозоли на ногах нато-

таны не зря.

Очередным утром они проснулись в полумраке. Светало как-то медленно, лениво, но всё равно нужно было вставать и идти. Какое-то проклятье!

Но они встали и пошли. Как делали день за днём.

И вот впереди показалась скала. Высотой метров двадцать, она торчала из тёмной земли как больной зуб, а вокруг был многометровый навал из камней. Пришлось обходить.

К счастью, им нечасто попадались места, которые приходилось обходить. Пару раз обрывы, три раза трещины в земле, которые бурно заросли мхом. Никита любые такие места, в которых был не уверен, обходил стороной. После трещин Кира была вынуждена признать, что в их случае эта тактика – единственно верная.

И вот они пошли в обход. И даже с радостью пошли, потому что скала являлась доказательством – они на верном пути. Деревья в этой местности полностью пропали, теперь они были вынуждены бродить по скальным завалам. Можно сказать, попали в какой-то каменный лес. Местами камни, похожие на плиты, стояли на торцах, как будто вытянулись в полный рост, и закрывали обзор. Наверное, поэтому они не сразу поняли, куда вышли.

Перед ними расстилался карьер. Ну, или что-то очень похожее. Огромная яма в земле, правильной формы, с довольно крутыми стенами. Но не было видно дорог, балок, хоть каких-то следов человеческой деятельности. Может, и не ка-

рьер – мало ли что могла сотворить местная природа. Да и разработки в таких масштабах тут вряд ли проводились.

– Не подходи к краю, тут могут быть оползни, – Никита поднял руку, перегораживая путь, и сам медленно попятился обратно.

– А там что? – Кира показала влево. Там, где заканчивался карьер, к нему словно приклеились несколько небольших провалов в земле, каждый метров десять в диаметре.

– Понятия не имею.

И всё бы ничего, но в одном из провалов, самом ближнем, в отвесной стене виднелась огромная дыра.

Кира сглотнула.

– Давай посмотрим.

Никита некоторое время с сомнением хмурился, но потом кивнул.

– Ладно. Только близко не подходи.

– Не буду.

И правда, Кира совсем, что ли, без головы, чтобы подходить к краю бездны? Если она навернётся отсюда, спасения не будет. Тогда ей повезёт, если сразу насмерть расшибётся, а вот если нет... Это будет не самая приятная смерть.

Они осторожно двинулись к провалу в земле. До сих пор не рассвело, видимость была не ахти. Метрах в двух от края Кира остановилась, вытягивая голову, и попыталась рассмотреть нору. Никита замер рядом.

– Кажется, похожую нору видели девчонки в том лесу, ку-

да ушли курсанты, – отчего-то шёпотом заговорила Кира. – Мы думали, из неё вылезают личинки. Из-под земли. Но они пропали – не знаю, куда.

– Может быть.

Никита, в отличие от неё, заговорил нормальным тоном. Громко.

И, словно в ответ, раздался дикий рёв.

Или визг. Звук, похожий на те, что издают кит или слон. Что-то огромное. Там, внизу.

Кира вначале онемела, а после плюхнулась на живот и полезла вперёд, к краю. Никита поступил так же, только держался метрах в двух правей.

Схватившись руками за камни на краю обрыва, Кира осторожно подтянулась и заглянула вниз.

Там, на неровном дне, усыпанном камнями, лежала огромная личинка. Бело-розовая. Из сегментов. Точно такая же, какую они представляли, рассматривая с Зои и Снежной Девой по тепловизору. С одной стороны она заканчивалась коротким тонким хвостом, с другой на голове было несколько ярко-жёлтых глаз, которые открывались и закрывались с разной периодичностью – каждый жил словно сам по себе.

Личинка, видимо, была повреждена. Она судорожно вздрагивала, пыталась выгнуться, но словно натыкалась на стену, снова падала и издавала этот отчаянный вопль. Земля вокруг неё была заляпана розовой жидкостью.

– Что это? – еле выговорила Кира.

– Похоже на то, что ты описывала.

– Это личинка, да. Но как она здесь оказалась?

– Думаю, она упала из той дыры.

– Как упала? Не верю, что она могла высунуться из дыры настолько, чтобы упасть. Думаю, если она не чувствует почвы под собой, то вперёд не ползет.

– Конечно, не ползет. Она просто выпала. Вместе с землёй. Похоже, был обвал. Видишь, сколько камней внизу? Она частично засыпана. Она была в земле, и случился обвал. И её унесло вниз.

Да, похоже, так и произошло.

Кире даже стало жалко эту неповоротливую личинку. Как любое живое существо, которое страдает от боли.

Личинка крикнула ещё раз, громче прежнего.

И под Кирой дрогнула земля. Что-то зашуршало и загремело.

– Отходим, быстро! – крикнул Никита, не заботясь ни о чём, быстро вскочил на ноги и протянул ей руку. – Давай!

Но было поздно. Под Кирой провалилась земля.

* * *

– КИРА! – Она ещё слышала этот отчаянный вопль. Эхо, отпрыгивающее от окружающих скал и затихающее где-то вдали.

Похоже, последнее, что она услышит в жизни – голос че-

ловека, который отчаянно выкрикивает её имя. Так, будто его сердце разрывается.

Хм.

Кира почувствовала, как пальцы цепляются за камни, а ноги во что-то упираются. Вокруг ещё сыпались мелкие камешки, стуча по голове и по плечам, но она... она застыла и не двигалась. И всё ещё была жива. Стояла на чём-то твёрдом. Прижавшись щекой к неровной поверхности и вцепившись в выступающие из неё камни.

Она не упала вниз. Каким-то чудом задержалась и застряла на одном из торчащих из стены крупных камней. Глянула вверх – до края обрыва было всего метра три. Всего три. Но совершенно непреодолимых.

Кира почувствовала, как медленно леденеет кровь вместе с осознанием того, в какую беду она угодила.

Она чудом удержалась, потому что под ноги попался каменный выступ. Но толку-то? Ведь верёвка лежит в рюкзаке, который висит у неё за спиной. Ползти по отвесной стене? Даже не смешно. Ждать, пока Никита найдёт другую верёвку? Как найдёт? Сбегает по-быстрому к Снежной Деве?

Вокруг нет деревьев, чтобы сорвать ветку. Рукой он до неё не дотянется.

Попробовать слезть вниз? Но по этой стене она не слезет – та ведь из песка и сыпучего щебня. Да и внизу огромная личинка, которая легко задавит Киру, просто повернувшись.

Получается, вот и всё?

Кира хлюпнула носом. Мышцы начинали болеть. Рано или поздно ей придётся разжать пальцы, и она не удержит равновесие. И тогда всё.

– Кира, – раздался голос сверху.

Она снова хлюпнула носом, сильнее прижимаясь к стене и зажмурилась, потому что вокруг ещё не осела мелкая острая пыль, от которой слезились глаза.

– Кира. Ты слышишь?

Она сжала губы. Нижняя дрожала.

– Пожалуйста, отзовись.

Но какой смысл? Пальцы болели, немели, и скоро всё закончится. В последние моменты, говорят, вся жизнь проносится перед глазами. Важными становятся те вещи, на которые прежде ты не обращал внимания.

Жаль, что у них ничего не получилось. Но если она начнёт сейчас кричать, просить помощи и умолять, то он запомнит её такой. Жалкой трусихой.

Пусть он помнит меня сильной, подумала Кира, чувствуя солёный вкус на губах.

– Кира! Если ты не ответишь, если ты собираешься просто сдаться, то я не пойду дальше. И плевать, пусть все сдохнут. Я не пойду один, слышишь? Я не пойду без тебя, с места не двинусь. И пропади всё пропадом!

Кира снова всхлипнула. Никита сказал – так и сделает.

Но как можно оставить без помощи Пустоту?

Но что делать?

– Кира?

– Да, – голос срывался, но ей удалось выговорить ответ.

– Слушай меня. Ты крепко стоишь на ногах?

Она медленно посмотрела вниз. Левой ногой она стояла почти полностью, только пятка висела, правой на носочке. Трудней всего было не смотреть ещё ниже, на дно ямы, где шевелилось что-то огромное, но ей как-то удалось расфокусировать зрение. Само собой получилось. Видимо, какой-то инстинкт сработал.

– Да.

– Тебе нужно убрать одну руку, снять рюкзак, прижать его животом к стене, расстегнуть и достать верёвку. Рюкзак бросить вниз. Верёвку – мне.

– Как?!

– Как бросить верёвку? Начинай делать, что я сказал, я расскажу, как.

Под чужой уверенный голос Кира рискнула отнять одну руку от камней. Странно, что она даже не пошатнулась. Впрочем, страха не было всего миг. А когда пришлось опустить руку вниз, чтобы стряхнуть рюкзак, чтобы заставить его лямку сползти по плечу, она тут же снова замерла от ужаса.

Но если ничего не делать, даже не пытаться... Пустота будет преследовать её и на том свете. Если он есть. Ладно, если нет, тогда можно не волноваться и умирать спокойно, а если есть? Зои и Снежная Дева, Вафля и Пустота... Что с ними

станет, если Кира даже не попытается?

– Кира. Медленно вдохни. Ещё раз. Действуй тоже медленно, словно ты в воде. Не спеши. Но и не стой неподвижно – мышцы затекут. Ты правильно делаешь, теперь правую руку вниз. Слышишь? Очень плавно.

Она опустила руку, повела плечом. Рюкзак сполз. Так стремительно, что она испугалась: он упадёт и, конечно же, утянет за собой на дно. Вытащила из лямки руку и судорожно схватилась за камень, прижалась снова к стене всем телом и щекой. Больно. Щеке было больно, но она только крепче прижималась. Раз больно, значит, она живая.

– Молодец. Передохни минутку. Теперь отнимай вторую руку. Но опускай ещё медленнее, в три захода. Чтобы лямка скользила еле-еле. И как только она опустится на локоть, держи рюкзак и переноси его перед собой. Давай, на счёт три. Раз, два, три!

Обычно Кира не слушалась никого беспрекословно, на автомате. Хотя таких, как сейчас, случаев в её жизни попросту не было. Наверное, она всё же послушная, потому что просто делала то, что сказали, просто исполняла приказ.

Может, из неё вышла бы отличная курсантка!

Или голос у Никиты был таким, что не ослушаешься. Не зря даже Саблезубу не удавалось это сделать, ой, не зря! Прямой и крепкий, словно стальной трос, с ним не поспоришь, не возразишь. Ему нужно просто подчиняться.

Рюкзак сполз к локтю, и Кира остановила руку, а потом

аккуратно завела рюкзак к стене и тут же прижалась к нему животом. Вот он, милый, дорогой рюкзачок, а верёвочка внутри лежит. Довольно легко Кира открыла его – благо, только затягивала горловину, а не завязывала верёвку, которую использовала вместо молнии. Старая верёвка, ещё из первых, созданных Снежной Девой. Теперь эта верёвка истрепалась, так что Кира её не затягивала. А всё из-за лени – лень ей, понимаете ли, было завязывать, а потом ногти сдирать – развязывать. Поэтому просто стянула, а теперь легко открыла и нащупала её. Верёвку.

– Осторожно вынимай. Если зацепилась – вдохни и попробуй другой стороной. Она внизу или наверху?

– Наверху.

Судорожный всхлип ей, видимо, послышался. Человек со стальным голосом не мог всхлипывать.

– Хорошо. Вынимай.

Рюкзак улетел вниз, и Кира крикнула, чтобы не слышать звука его падения.

– Кира!

– Всё в порядке.

Она не смотрела вверх – не могла так сильно задрать голову. Но Никита находился прямо над ней. Оставалось надеяться, что нового обвала не случится, иначе они улетят вниз вместе.

В горе и радости, до самой смерти.

– Теперь размотай её и один конец возьми в зубы. От-

мерь от другого метра четыре. И попробуй раскачать вверх-вниз вдоль стены. Вдоль любой, главное, чтобы держать было удобно.

Инструкции – это прекрасно. Это изумительно – инструкции!

Только зрение слегка нарушилось – то ли от пыли, потому что глаза щипало, то ли от пристального взглядывания в стену.

Кира медленно отмеряла метра четыре – ну, насколько смогла точно – и стала раскачивать левую руку, размахивать верёвкой, словно пакетом, которым машешь, возвращаясь из магазина налегке. Иногда та задевала за выступы, но, в общем, скользила вдоль стены плавно.

Вверх-вниз, вверх-вниз. Будто ничего и не происходит. Кира просто так, от скуки, решила побаловаться, занять руки.

Вверх-вниз!

И ничего не происходит, и пусть. Это так отвлекает, когда есть чем заняться.

Вверх-вниз.

Вдруг верёвка застряла, и Кира по инерции дёрнулась и...

– Держись! Это я поймал! Кира, держись.

Она так и не смотрела вверх. Просто вцепилась обеими руками в верёвку, еле держась на ногах.

– Теперь тебе нужно обмотать её разок вокруг запястья.

Слышишь?

Отпустить верёвку?

– Нет! Я не отпущу её. Нет!

– Не нужно отпускать, просто ослабь и накинь петлю за запястье.

– Нет!!

– Тогда держись!

Кира вцепилась в верёвку так, что казалось, волокна смешаются с кожей и мясом. Потекла тёплая кровь. Тёплая и... скользкая. Нужно было послушаться, попытаться намотать верёвку, как сказано, хоть на одно запястье. Она и сама понимала, что нужно. Но в Кире словно резерв смелости исчерпался, испарился, исчез. Она завизжала.

– Вытащи меня! Вытащи!

– Тебе нельзя висеть на руках. Слышишь? Кира! Посмотри на меня.

И она впервые подняла голову вверх.

Такого белого лица у Никиты она никогда прежде не видела. До него было всего метра три, такая малость... тем обидней, что эти три метра были почти непреодолимы.

Он через силу улыбнулся.

– Кира, слушай меня. Смотри на меня и слушай. Тебе нужно опереться ногами в стену. Я буду поднимать, а ты упирайся и иди вверх. Перебирай ногами, будто идёшь по полу. Иначе... Просто сделай ещё раз то, что я говорю. И помни: без тебя я оставлю их всех гнить на этой планете и пальцем не пошевелю! Мне никого, никого не жалко! Пусть все сдох-

нут!

Нашёл время угрожать!

Кира стиснула зубы и поставила одну ногу, упираясь в стену. Вздохнула.

– Давай!

Перенесла вес на руки. Они тут же задрожали от чрезмерного напряжения.

– Не спи, Кира!

Ещё и огрызается!

И вот верёвка дёрнулась и потащила Киру вверх. Хвала Снежной Деве, что она такая крепкая! Да ей медаль за такое нужно выдать! Нет! Памятник поставить! Внести её имя в историю!

– Ноги переставляй!

Голос с отдышкой.

– Кира, быстрее! Темнеет!

Шагать по отвесной стене сложно. Но, кажется, не так сложно, как висеть на одних руках.

Кире казалось, она перебирала ногами целую вечность. За это время уже можно было два круга на академическом стадионе намотать, а эти проклятые три метра никак не заканчивались.

Ладони жгло огнём. Внизу снова застонала личинка. Теперь можно было слушать. Но главное – идти. Нужно было держаться и идти. Вечность длилась, и не было ей конца и края.

Но вот уже в её запястье вцепились пальцы Никиты, и он буквально выволок её наверх. Потом, тяжело дыша, оттащил на несколько метров от обрыва. Прямо так, волоком. Тут же упал спиной на землю, а Кира осталась лежать, как он оставил. Смотрела широко открытыми глазами на какой-то мелкий камешек перед носом и думала, что вот такое состояние и называют – пустая ракушка.

Но всё уже закончилось, верно? Рядом был Никита, он её спас. Не будет удара о камни с высоты и мгновений, а то и часов боли перед тем, как сознание затуманится. Она жива. И остальное больше не имеет значения. За последние несколько секунд, когда Кира думала, что умрёт, вместе с ужасом ей было жаль. Жаль, что она так и не помирилась с ним по-настоящему.

Взгляд медленно переместился в сторону. И наткнулся на кучу рваной обивки, которая когда-то была рюкзаком. А теперь напоминала ворох широких полос.

– Что это? – тихо спросила Кира.

– Где?

– Что с твоим рюкзаком?

Его грудь высоко поднималась от тяжёлого дыхания.

– Верёвка. Я пытался сделать верёвку.

– Зачем? Она не получилась бы достаточно длинной.

Он взглянул ей прямо в глаза и коротко ответил.

– Я знаю.

Кира почувствовала, как сжимается горло. Никита пытал-

ся сделать верёвку. На случай, если бы она не смогла достать и добросить свою. Пытался, даже понимая, что всё равно ничего у него не выйдет.

За неё никто и никогда так не боролся. И сейчас он через силу улыбнулся и сказал:

– Кажется, у нас больше нет рюкзаков. И посуды.

Его голос звучал гулко и пусто. словно в последние несколько минут всё перегорело, и теперь не осталось даже углей.

– Что случилось с твоей?

Она поискала глазами. Чуть ниже лежал кувшин с отбитым горлышком. Второй сгинул на дне карьера вместе с Кириным рюкзаком.

Да, тары у них тоже больше не было.

– Разбилась.

И тишина.

Молчание затягивалось, но оно было каким-то лёгким и приятным. Кира вздохнула полной грудью и только тогда кое-о-чём вспомнила. Темнеет! Он сказал – темнеет! Резко подняла голову. Небо наливалось чернотой. Один в один как в тот день, когда с бухты-барахты наступила полночь. Сейчас то же самое!

– Нужно куда-нибудь спрятаться, – сказал Никита, проследив за её движением, но не двинулся с места.

– Да, – согласилась Кира. Но тоже не двинулась.

А потом над головой раздался знакомый свист. Когда Ки-

ра подняла глаза, то ничего не увидела. Эта летающая штука, вероятно, очень быстрая. Пару раз она пронеслась где-то высоко, не разглядеть. А может, на ней маскировка.

Потом в яме заверещала личинка. Свист замер, снизился, резко куда-то рванул, а потом... раздался такой звук, будто включили циркулярную пилу и начали пилить что-то твёрдое.

И личинка взревела.

– Что это?

Кира попыталась встать, но Никита тут же остановил её, положил руку на спину.

– Тихо. Не вставай.

– Что происходит?

– Нам нужно отползти подальше. Главное, не вставай.

– Но что...

– Просто ползи за мной. И не слушай.

Кира выполнила его просьбу. Первую. Но не слушать? Это невозможно, она же не могла заткнуть уши.

Они доползли до первой вертикально торчащей плиты, когда темнота стала густой.

– Сюда.

Кира ориентировалась только на голос. Нащупала рукой камень, уходящий вверх, рядом Никиту. Рука упёрлась ему в грудь, и он тут же схватил её своей рукой и сжал.

А потом раздался оглушительный вопль. И дребезжащий звук, словно бур пробивал себе путь в глубину.

– Что...

Никита вдруг прижался к ней, обхватил её голову руками.

– Не слушай.

– Оно что... оно убивает личинку?!

Над головой негромко взвизгнул другой аппарат. Оба замерли. Штука зависла прямо над ними и слегка посвистывала. Рука Никиты красноречиво переместилась Кире на рот, прикрывая его. Молчать. Надо молчать.

Кроме звуков, на существование летающего аппарата ничего не указывало. Ни единой вспышки света или волны воздуха.

Но оно висело над ними.

Эти визги живого существа, которое умирало, были ужасными. Просто ужасными! От них кровь стыла, а в мозгу рождались чудовища. И они длились бесконечно.

Кире стало так жаль это существо, которое не причинило ни одному из них вреда, что слёзы полились по щекам. Зачем? Зачем это делают?

Штука, которая висела над ними, наконец, куда-то умотала. Никита тут же перевернулся на бок, притянул Киру к себе и обнял. Она уткнулась лицом ему в шею и заплакала. Старалась не плакать, но не вышло.

– Молчи, Кира, главное, молчи, – прошептал Никита.

Не зря. Эта летающая тварь тут же вжикнула и снова зависла над ними. Кира зажмурилась, хотя видно и так ничего не было, и замерла. Окаменела.

Если бы не Никита, она не смогла бы лежать тихо. Но он был рядом, это успокаивало. Он был с ней, он её спас и главное – он знал, что делать. В то время, когда Киру бросало из крайности в крайность из-за страха и неуверенности, Никита просто говорил то, что нужно. И оказывался прав.

Вскоре крики затихли, личинка замолчала. Однако звук распиливания ещё долго вонзался в мозг. Временами он захлёбывался, погружаясь во что-то, потом будто выныривал на воздух. И эти звуки никак не заканчивались, всё длились, и длились, и болела голова, и ныли зубы, а во рту стало сухо, как в пустыне.

Все эти безумные последние часы что-то изменили в Кире – может быть, что-то сломали. Она то впадала в забытье, то вздрагивала от холода, и тогда Никита гладил её по спине и шептал что-то ласковое. Как ребёнку.

И вот стало светать. Летающие твари пролетели над головами в последний раз и пропали. Тишина казалась какой-то скорбной. А уж встать как было сложно! Все тело затекло и болело, ладони покрылись ссадинами и пульсировали. И нужно было срочно обработать раны, иначе точно будет воспаление.

Но первым делом Кира встала на четвереньки и поползла к краю обрыва. Сказать, что ей было страшно – ничего не сказать. Но она продолжала ползти. А в самом конце легла на живот и осторожно заглянула вниз.

Личинки не было. Только дно карьера было перерыто,

земля пластами свалена друг на друга.

Какая знакомая картина. Так вот что случилось на том участке по дороге к Изумрудным Лужам. Вот что там произошло... Там убили личинку, может, не одну. Эти искусственные летающие твари режут их на кусочки и зарывают обратно под землю. Зачем-то.

Или нет? Но другого объяснения не было.

Тут больше делать было нечего. Кира отползла обратно и встала на ноги. Подошла к Никите. Тот уже собрал в кучу остатки своего рюкзака и рассматривал их с тоскливым видом. И правда, снова как-то склепать из них рюкзак не было ни малейшей возможности.

Итого, из вещей у них осталась верёвка (спаси небо Снежную Деву!) и кувшин с обломанным горлышком. Ну, и два ножа, которые они носили в карманах. На земле валялись несколько оставшихся от припасов вяленых рыбин и пара десятков плюшек.

Сюда бы пакет. Простой пакет за три копейки, которые горами лежат в супермаркетах. Их можно взять сколько угодно, а как только стали ненужными – выбросить.

– Придётся нести в руках, – Никита замотал еду в подвядшие листья. Хорошо, хоть листья были, иначе пришлось бы заталкивать рыбу в карман и за шиворот.

Кира подняла кувшин и зашипела от боли. Ладони пульсировали и горели огнём.

– Нужна вода. Ты можешь идти?

Она кивнула. И через минуту уже плелась следом за Никитой.

В этот раз рассвет наступил быстро, даже тучи разошлись, показывая неласковое солнце. Привычно засвиристели, переговариваясь, жабо-суслики. Прямо над головой то и дело носились местные птички, похожие на собранные в кучку палочки разной длины. И вместо птичьих трелей до них доносились постукивание и щелчки.

Никита и Кира брели между валунами, которые теперь напоминали им кладбище с могильными плитами. И с радостью бросились к первым же зарослям, подальше от этого страшного места.

Вот и ручей. Кира тщательно промыла раны, умылась, намочила голову, смывая пыль. Исккупаться бы, да сил не было. И ладони дико болели. Никита развёл костёр и подогрел воду в полу-кувшине. Они выпили её по очереди, заедая рыбу. Потом Кира села у огня и стала смотреть, как горит пламя и слушать, как трещат ветки. Никита сел неподалеку, но на расстоянии.

Тепло и спокойно. Вот как это было.

Она некоторое время смотрела на него. Как можно поблагодарить человека, который спас тебе жизнь? Скорее всего, дважды – ведь эта летающая тварь, вполне вероятно, могла поступить с ними так же, как с личинкой. Не зря же она висела над ними, будто к чему-то прислушивалась? Не зря рыскала, будто что-то выискивала?

Так какими словами можно отблагодарить за то, что тебя спасли? Разве такие слова вообще есть на белом свете?

Никита повернул голову и слабо улыбнулся. И Кира вдруг вскочила и бросилась к нему, обняла и зашептала всё вперемешку. И что он её спаситель, и что она его, кажется, любит, и что давно уже простила его за всё. И что она ни разу не видела человека лучше. И пусть он тоже её простит. Верно, она его тоже обидела, и была неправа. И пусть он никогда её не покидает. Пожалуйста, пожалуйста!

А Никита только обнимал её всё крепче и не мешал говорить, хотя Кира почти сразу поняла: ничего-то из её исступленного бормотания от не разобрал. Вернее, слова, которыми она захлёбывалась, не разобрал, но понял саму суть послания.

Выговорившись, Кира отлипла от него на секунду, но только чтобы поцеловать. В щёку, и в уголок глаза, и в нос. В губы. Но сразу разрыдалась. Никите пришлось ещё долго держать её на коленях, обнимать и раскачиваться вместе с ней из стороны в сторону. Ладони так жгло, что она расцепила руки, чтобы не завывать от боли.

– Я тебя простила, давно уже простила, – сказала, наконец, Кира. – А ты, знаешь что? А ты пообещай мне, что если со мной что-то случится, ты найдёшь базу и поможешь остальным.

– И не подумаю, – без запинки ответил Никита. Даже не обдумал просьбу! Ни секунды не думал!

– Почему?!

– Нет. Если ты от меня уйдёшь, я ничего для них делать не буду. Слышишь меня? Не вздумай никогда больше сдаваться. Никогда!

– Но почему ты не хочешь сделать что-нибудь для них? – рыдала Кира и размазывала слёзы тыльной стороной ладоней по лицу. Сама понимала, как это глупо выглядит, но не могла остановиться. Будто весь запас слёз, который подспудно копился в ней, теперь вылился наружу.

– Даже не проси, Кира. Или ты со мной – и я самый хороший на свете человек. Или я никто.

– Неправда, ты хороший!

– А я не хочу быть хорошим. Что это даёт? Посмотри, куда я нас всех завёл, когда пытался быть хорошим. Посмотри, во что превратил.

– Ты не виноват.

– А кто виноват?

– Просто так сложилось... Пообещай мне.

– Ни за что!

Не добившись другого ответа, Кира со временем успокоилась. Здесь, в его объятиях, это было довольно просто сделать. Да и смысл настаивать? Она ведь и сама не хотела умирать. Мир прекрасен, даже этот, незнакомый. Даже в такой момент, когда кажется, что вокруг только отчаяние и смерть.

Нет, никаких больше смертей! Они дойдут, обязательно дойдут до этой сказочной базы, и всё будет хорошо.

Жалко только, вещей не осталось. И ещё Кира не сразу заметила, что разорвала футболку и частично штаны, когда чуть не свалилась с обрыва. Но это ладно, это можно как-нибудь зашить.

А что делать с ладонями? Кира промывала их, как могла, но ссадины оказались слишком сильными, и грязь забилась слишком глубоко. Ей придётся очень потрудиться, чтобы вычистить раны, и они не загноились бы. Это будет больно. Но, наверное, она сможет справиться, если Никита рядом.

– Всё страшное закончилось, – словно в ответ на невысказанный вопрос, сказал Никита. – Скоро мы будем на месте, слышишь? Скоро всё изменится.

Потом он вдруг посерьёзnel.

– Только не бросай меня больше. Никогда. Слышишь?

– Никогда! – вскрикнула Кира, мотая головой. – Никогда-никогда! Даже если передумаешь, всё равно больше ни за что не брошу.

– Ловлю на слове.

Крапинки в его голубых глазах смеялись.

– Тогда всё будет хорошо.

И Кира поверила. Как обычно.

Эпилог

Вот наконец-то настал вечер. Отдых был необходим обоим, но они не могли позволить его себе днём, когда можно и нужно идти.

А теперь пора отдыхать. Только стоянку обустроить...

Они сидели у огня и старались не смотреть вперёд, ведь там всё слишком чужое. Чужое небо и чужие горы. Кривые острые скалы, словно клыки огромного животного. Словно гротескные иноземные грибы. Там дорога. Ну как, дорога – просто нехоженый путь, по которому придётся пройти.

И если раньше путь был довольно прямым, то теперь впереди просто какие-то непроходимые завалы камней.

Кира спрятала лицо у него на плече.

– Ты уверен, что тут вообще можно пройти? – спросила она. Голос звучал гулко, словно в фильме с некачественной звуковой дорожкой.

– Я видел карту. Тут точно есть проход, правда, найти его будет непросто.

– И что нам делать? Не представляю, как пробираться среди этих жутких скал?

Никита вздохнул.

– Дорога простая. Вперёд – и до конца. Пока не дойдём.

И его слова звучали бы мрачно и обречённо, если бы не улыбка, которую Кира увидела, когда Никита чуть-чуть по-

вернул голову. Улыбка, которая говорила «не сдавайся»!

И правда! На следующий день в окружении скал-клыков на горизонте показалась невысокая кривая арка.

КОНЕЦ

Май, 2020